

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК
XXI

USSR ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

General editor

D. A. OLDEROGGE

corresponding member
of the Academy of Sciences of the USSR

VOL. XXI

AFRICA
GEOGRAPHY, ETHNOGRAPHY, HISTORY

Editorial Board

Y. D. DMITREVSKY, D. A. OLDEROGGE, V. S. JAGYA

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department Oriental Literature
Moscow 1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

Вып. XXI

АФРИКА
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

Редакционная коллегия
Ю. Д. ДМИТРЕВСКИЙ, Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ,
В. С. ЯГЬЯ

Сборник содержит статьи, посвященные экономико-географическим проблемам африканского населения, рассмотрению и реконструкции социальных структур народов кикуйю и ашанти, некоторым страницам истории Эфиопии, а также ранее неизвестные материалы об участии русских исследователей в изучении Африки.

С $\frac{20901-129}{013(02)-80}$ БЗ-103-40. 1905010000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

М. М. Голубчик

АНТРОПОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

1

Выдающееся естественноисторическое значение и экономическая ценность лесорастительных формаций Тропической Африки обусловили большое внимание к проблемам их комплексного научного исследования и хозяйственного освоения.

В последнее время это внимание усилилось в связи с прогрессирующим процессом антропогенного преобразования и деградации прежде всего тропических дождевых лесов, истощением запасов ценных древесных пород. Советский географ М. Б. Горнунг вполне обоснованно подчеркивает, что «за последние годы уничтожение растительности, в первую очередь лесов, приобрело в Африке угрожающие размеры» [3, с. 87].

Не случайно новая конвенция развивающихся стран Африки по сохранению природы континента и ее ресурсов (вступила в действие в 1969 г.) включает в отличие от прежних соглашений задачи охраны не только диких животных, но и водных, почвенных, *растительных ресурсов* и ставит *вопросы о мерах по сохранению в Африке главных типов экосистем и максимальном приспособлении программ экономического развития к естественным возможностям этих систем, а в необходимых случаях и о проведении специальных мероприятий по предотвращению их деградации* [2, с. 53].

В настоящее время всестороннее изучение деградации и истощения лесных ресурсов приобретает исключительно важное значение для решения вопросов рационального развития и размещения не только лесного хозяйства, но и всех производительных сил стран Тропической Африки.

2

Леса некогда покрывали фактически весь Африканский континент (за некоторыми исключениями, обусловленными характером почв) [12]¹.

¹ Изучение ископаемых древесин некоторых районов Сахары дало возможность установить, что в третичное время здесь произрастали виды деревьев,

В длительном историческом процессе антропогенного преобразования лесов Африки можно выделить (хотя с большой степенью условности) несколько периодов.

В *доагрикультурный* (доисторический) *период* широкий переходный пояс между современными влажнотропическими лесами и тропическими пустынями был занят в основном древесно-кустарниковыми формациями. Первобытный человек еще до того, как он стал земледельцем, выжигал лесную растительность, чтобы обеспечить себе возможность более свободного передвижения и охоты в этих местах.

В результате деятельности первобытного человека, как отмечает Ж. Дорст, сухолюбивые леса постепенно превратились в более или менее залесенные саванны. «Предположение о том,— пишет он,— что „преобразование“ природы человеком началось гораздо раньше, чем он научился делать орудия из железа и принялся за обработку земли, не опровергается ничтожно малой плотностью населения того времени, так как в сухое время года огонь может распространяться на огромной территории... Таким образом, преобразование естественного ландшафта Африки восходит к самым отдаленным временам истории человечества и свидетельствует о том, что даже первобытный человек своей деятельностью мог наложить отпечаток на целый континент» [5, с. 32].

Следующий, *агрикультурный* (земледельческий) *период*² характеризуется широким распространением переложного земледелия, в том числе и подсечно-огневого типа, который включает в качестве важнейшего элемента выжигание естественной растительности.

Расчистка участков для переложного земледелия усилила процесс сокращения лесов и «саваннизации», привела к постепенному уничтожению первичных лесных формаций на огромных пространствах и замещению их вторичными травянистыми и древесно-травянистыми сообществами. «Именно подсечно-огневое земледелие если и не создало саванны как тип ландшафта,— отмечал И. Н. Олейников,— то, во всяком случае, раздвинуло их границы поистине безбрежно, превратив первоначально лесную Тропическую Африку в классический край саванн» [6, с. 60].

Антропогенное происхождение, как предполагают, имеют также ландшафты сухих тропических редколесий (саванновых лесов, лесов «миомбо»), которые (как и многие типы саванн) возникли, по-видимому, на месте деградировавших под воздействием пожаров сомкнутых тропических сухих листопадных или полулистопадных лесов.

сравнимые с теми, которые ныне входят в состав саванн, сомкнутых лесов и мангровых зарослей.

Предполагается, что на севере Африки в палеогене существовало несколько зон растительности, включавших и зону сомкнутых лесов. В неогене произошла аридизация климата и растительности.

² Имеется в виду агрикультурный период до проникновения европейцев на Африканский континент.

Итак, уже в течение доагрикультурного и земледельческого периодов антропогенное преобразование естественных ландшафтов Тропической Африки, будучи прежде всего результатом многовековой практики переложного земледелия, а также пастбищного скотоводства, проявилось в глубоком изменении изначальных природных ландшафтов и замещении их новыми, вторичными, антропогенными, или природно-антропогенными, ландшафтами.

Колониальный период, характеризующийся коренными сдвигами в традиционных социально-экономических структурах под влиянием колониальной политики и мирового капиталистического рынка, внедрением экспортных культур в африканские хозяйства, более интенсивным использованием естественных ресурсов (в том числе почвенных и растительных) и другими важными особенностями, означал резкое усиление антропогенного воздействия на лесные земли Тропической Африки.

Ж. Дорст пишет о том, что «в Африке уничтожение растительности, несомненно, усилилось после проникновения европейцев на этот континент и включения его в сферу мирового производства... Помимо участков местных жителей, занятых под посадками и посевами, большие пространства были разделаны европейцами под плантации, продукция которых шла на экспорт. *Стремление же получать с них максимальные прибыли в минимальные сроки привело к массовому сведению лесов и одновременно к обеднению почв* (курсив наш.— М. Г.)» [5, с. 32, 141—142].

Вместе с тем в колониальный период началась промышленная эксплуатация лесных ресурсов Тропической Африки, которую осуществляли иностранные компании преимущественно хищническими методами с целью экспорта некоторых (немногих) видов ценной древесины. Коммерческая лесозексплуатация — прямо или косвенно — сыграла (и продолжает играть в настоящее время) весьма отрицательную роль в процессе антропогенного преобразования естественных ландшафтов, резко усилив деградацию африканских лесов.

Эволюция антропогенных ландшафтов, возникших на месте сведенной гилеи, совершается в основном по двум схемам: 1) обратимой (гилея — плантация — вторичный лес — гилея) и 2) необратимой (гилея — плантация — травянистая саванна — кустарниковая саванна) [24, с. 299]. Проявление первой или второй схемы находится в тесной зависимости от степени, продолжительности и форм воздействия человека.

Важно учитывать, что большинство тропических экосистем легко поддается быстрой деградации. К тому же первичные тропические дождевые леса, как утверждают многие ученые, являются фактически невозобновимым видом ресурсов. В связи с особенностями биологии и условий произрастания тропических древесных пород естественное воспроизводство этих лесов сильно затруднено [13].

Современный период антропогенного преобразования естественных ландшафтов Тропической Африки начался с достижением

бывшими колониальными и зависимыми странами политической независимости и характеризуется борьбой развивающихся стран Африки за экономическую самостоятельность, всестороннее развитие производительных сил, в том числе борьбой за превращение природных ресурсов в подлинно национальное достояние, за их рациональное и эффективное использование. Этот период отличается такими особенностями, как постепенная рационализация методов лесоэксплуатации, начало перехода к комплексному использованию лесных земель, к крупным работам по сохранению естественных массивов первичных лесов, искусственному лесовосстановлению и др.

3

Тем не менее деградация и истощение лесных ресурсов Тропической Африки продолжают и в настоящее время. Среди антропогенных факторов, обуславливающих эти процессы, выделяется несколько групп.

Во-первых, непосредственная лесохозяйственная деятельность человека, в том числе: а) коммерческая эксплуатация небольшого числа экономически ценных пород экспортного значения; б) заготовка деловой древесины для потребления на внутреннем рынке; в) нерегулируемые заготовки местным населением топливной древесины.

Во-вторых, факторы «сельскохозяйственного происхождения», среди которых: а) расширение посевных площадей под товарными и потребительскими культурами (при все еще широко распространенной системе переложного земледелия); б) рост поголовья скота и бесконтрольность в развитии экстенсивного скотоводства.

В-третьих, усиление «демографического давления» на лесные земли в связи с высокими темпами роста численности населения, числа деревень, развитием сети городских поселений и т. п.

В-четвертых, прямые и косвенные отрицательные последствия «индустриальных» факторов: развитие горнодобывающей промышленности, ирригация, гидротехническое строительство, массовое использование гербицидов и т. д.

Все эти факторы действуют не изолированно друг от друга, они находятся в тесных и сложных взаимосвязях. Их взаимодействие в последние десятилетия привело к усиливающемуся процессу деградации, истощения и изменения структуры лесных ресурсов Африки.

Содержание этого процесса сводится в основном к следующим элементам:

1) происходит непосредственное сокращение лесных площадей, причем сведение африканских лесов сопровождается уничтожением громадного фонда потенциально полезных растений;

2) развиваются вторичные лесонасаждения, в которых происходит нежелательная смена пород в пользу более жизнестойких, лучше приспособленных к местным условиям, но зачастую менее

ценных видов, что угрожает обеднением породного состава и массовым исчезновением не только ценного тропического генофонда, но и целых биоэкологических групп [13, с. 762—765];

3) деградация лесорастительных формаций губительно сказывается на состоянии дикой фауны (даже при наличии самых благоустроенных заповедников и национальных парков). В свою очередь, ухудшение условий жизни представителей дикой фауны зачастую вызывает усиление отрицательных последствий их воздействия на естественную, в том числе и лесную, растительность;

4) происходят отрицательные изменения в климатических условиях: меняются температурный и ветровой режимы; на обширных площадях ухудшается водный баланс; сокращается количество выпадаемых атмосферных осадков и продолжительность сезона дождей, в том числе и в отдаленных от лесов сухих районах, что еще больше усугубляет тяжелейшие последствия таких губительных экологических катастроф, какой явилась засуха в сахельских странах Африки в конце 60-х — первой половине 70-х годов;

5) усиливается почвенная эрозия; в условиях переложного земледелия площади, лишённые лесного покрова, дают хорошие урожаи лишь в течение 3—5 лет после вырубок; затем дожди выщелачивают из почвы минеральные соли, а солнце и ветер разрушают ее структуру³;

6) ухудшаются медико-географические условия жизни человека⁴;

7) при возрастании «демографического давления» на лесные земли происходит постоянное сокращение земледельческого цикла в системе переложного земледелия, что приводит к преждевременному вырубанию уже второго леса, а, так как в связи с этим постоянно снижается плодородие почв, последующее возобновление лесной растительности сильно затруднено;

8) наконец, обращается внимание на то, что исчезновение влажных тропических лесов может привести к исчезновению ряда народов, жизнь которых тесно связана с этими лесами [22, с. 137].

4

Среди отрицательных последствий многогранного процесса антропогенного воздействия на леса Тропической Африки особое

³ Ж.-П. Гарруа в своей известной книге [1] показывает, в частности на примере Камеруна, как туземное переложное земледелие подсечно-огневого типа, а также хищническая эксплуатация лесных ресурсов иностранными компаниями вызвали разрушение лесного покрова, что, в свою очередь, привело к деградации почв, развитию плоскостного смыва и оврагообразования.

⁴ Видный английский ученый, один из пионеров охраны природы, Ф. Ф. Дарлинг, отмечает, что «систематическая вырубка лесов часто приводит к заражению людей и домашних животных арбовирусами, которые в обычных условиях осуществляют свой патогенный цикл в пределах леса. Некоторые из этих арбовирусов, вызывающих лишь легкие недомогания у обезьян и лесных грызунов, могут стать причиной таких опасных заболеваний людей, как желтая лихорадка, лихорадка денге, лесная болезнь кианзур и т. д.» [4, с. 69—70].

место занимает *истощение ресурсов товарной древесины*, обусловленное прежде всего взаимодействием промышленных лесозаготовок и системы переложного земледелия.

Заготовки немногих видов коммерчески ценной древесины, которые ведутся преимущественно методом выборочно-приисковой рубки, составляют от 1 до 30 куб. м на 1 га. После таких рубок продуктивные лесные площади обесцениваются (с лесопромышленной точки зрения) и становятся первоочередным объектом расчисток в сельскохозяйственных целях. В определенных случаях за первым «вторжением» лесозаготовителей, направленным на добычу коммерческих видов пиловочника и фанерных кряжей, следует второе — заготовка шпальника и, возможно, третье — заготовка некоторых пород для местного рынка.

Такая система эксплуатации лесов осуществляется самым хищническим образом: при заготовке 50 тыс. куб. м круглого леса, по имеющимся оценкам, так или иначе расхищаются (деградируют, истощаются и т. п.) 5—10 тыс. га ценных древесных насаждений [23, с. 257].

Существует тесная связь между коммерческой лесозаготовкой и системой переложного земледелия: первая служит сильнейшим катализатором для второй, способствуя ее продвижению в глубь лесных массивов. Заготовки товарной древесины, ведущиеся на территориях лесопромышленных концессий, оказывают непосредственное влияние главным образом на видовой состав леса, но сомкнутый лес, как таковой, остается, так как с 1 га срубается обычно одно-два крупных дерева товарных пород. Вместе с тем лесные дороги, создаваемые для лесозаготовок, делают гораздо более легко доступной для заселения и сельскохозяйственного освоения территорию сомкнутого леса.

Расчистив участок для возделывания сельскохозяйственных культур, африканские земледельцы забрасывают вновь освоенную землю уже через 3—4 года вследствие ее истощения, а их поля перемещаются вслед за лесосеками. Таким образом все более и более расширяется зона расчистки.

Катастрофическое разрушение лесных формаций, связанное с воздействием переложного земледелия, присуще практически всем западно- и центральноафриканским лесозаготавливающим странам с сильным «демографическим давлением» на лесные земли — Берегу Слоновой Кости (БСК), Гане, Нигерии, Народной Республике Конго и др.

В то же время истощение запасов коммерчески ценных пород ярко проявляется и в редконаселенном Габоне.

Причем особенно интенсивно истощаются ресурсы товарной древесины в наиболее эксплуатируемых прибрежных лесных районах, которые тяготеют к главным лесозаготовительным портам.

Среди стран Тропической Африки «примером» активного процесса обезлесения, деградации и истощения лесных ресурсов может служить БСК, крупнейший африканский экспортер лесоматериалов.

В этой стране заготавливается в основном 20 наиболее важных товарных древесных пород при средних показателях заготовок всего 5—10 куб. м с 1 га, хотя запас спелой древесины (всех пород) достигает в среднем 300 куб. м на 1 га.

Практика выборочных рубок привела к сокращению доли особо ценных пород красного дерева и обеднению лесных ресурсов страны в целом. По данным министерства водного и лесного хозяйства БСК, в стране наблюдается быстрое сокращение лесных площадей. Так, площади под лесными участками, которые могут быть использованы для коммерческих лесозаготовок, сократились с 9 млн. га в 1966 г. до 5,4 млн. га в 1974 г. (т. е. уменьшились в среднем на 450 тыс. га в год) [15, с. 939]. Это связано с расширением кофейных плантаций и посадок какао, со все еще широким распространением переложного земледелия и других традиционных форм использования земли, а также с недостаточно строгим контролем за эксплуатацией лесных ресурсов, которая осуществляется преимущественно иностранными фирмами.

Исследования французского Центра тропического лесоводства показали, что в этой стране ежегодно при огневой расчистке леса для нужд земледелия теряется до 1 млн. куб. м древесины, в том числе 400—500 тыс. куб. м древесины коммерческих пород [20, с. 122].

Необычайно быстрое сокращение лесного потенциала БСК чревато неблагоприятными последствиями с экономической, экологической и социальной точек зрения. Высказывается опасение, что при отсутствии соответствующей государственной лесохозяйственной политики этот процесс уже через 10—12 лет может привести к полному исчезновению в стране пригодных для коммерческой эксплуатации лесов [11, с. 58—59].

Установлено, что степень обезлесения в БСК наибольшая в районах, пограничных с саванной, где наиболее велико «демографическое давление»: доля деградированных лесов составляет здесь от 35 до 45%, причем деградация лесного массива на границе с саванной создает опасность изменения климата и как следствие ухудшение условий для возделывания крупных насаждений масличной пальмы [19, с. 45—49].

Деградация лесов интенсивно протекает и в малолесных странах запада Тропической Африки. Так, известный французский ученый Ж. Сюре-Каналь в монографии, посвященной Гвинейской Республике, указывает, что в Верхней Гвинее экстенсивный характер земледелия, сопровождающегося выжиганием растительного покрова, коренным образом преобразил первичный растительный покров: на обширных территориях лес выродился в парковую саванну или в кустарниковые заросли, а в лесной Гвинее «от первичной растительности сохранились лишь только островки», которые «свидетельствуют о принадлежности этого района к зоне влажного тропического леса» [7, с. 59, 74—75].

В процессе разрушения лесов Восточной Африки меньшую, чем в Западной, роль играет промышленная лесозаготовка экс-

портного значения и в то же время более ярко проявляется многолетнее воздействие на лесные земли «давления» растущего сельского населения, а также заготовки местным населением топливной древесины.

Имеются свидетельства и того, что индустриальное развитие (в частности, деятельность предприятий горнодобывающей промышленности) выступает в качестве причины деградации лесной растительности. Так, например, до недавнего времени знаменитые теперь горы Нимба, на стыке Либерии и Гвинеи, оставались почти ненаселенным районом и здесь существовали нетронутые влажнотропические леса. С открытием крупных запасов железных руд их всевозрастающая эксплуатация влечет за собой уничтожение лесов на верхних уровнях гор и склонах, особенно в либерийской части гор. В результате создается угроза уничтожения исключительно интересных в научном отношении растительных сообществ, в составе которых содержится ряд эндемичных видов, а также усиления эрозии и распространения вторичной саванновой растительности на месте лесов [11, с. 195—211].

5

Изложенное выше показывает, какую остроту приобрели в настоящее время во многих странах Тропической Африки вопросы охраны лесов, рационализации существующей системы эксплуатации лесных ресурсов (в особенности расширение круга эксплуатируемых древесных пород, переход от выборочного к массовому и комплексному использованию лесных ресурсов), многоцелевого и крупномасштабного искусственного лесовозобновления (как в лесных, так и в нелесных зонах), развития всего комплекса научно обоснованных лесохозяйственных работ, включая разумное использование опыта социалистических и развитых капиталистических «лесных» стран.

Искусственное лесовосстановление в ряде африканских стран (например, в Габоне, Народной Республике Конго, БСК) наиболее ярко проявляется в работах по созданию искусственных монокультурных древостоев — лесопромышленных плантаций сосен, эвкалиптов, акаций, тика и других (как завезенных, так и местных) пород. В результате девственные тропические дождевые леса в саванновых местообитаниях заменяются искусственными, являющимися более простыми по своей структуре, но значительно более продуктивными⁵ и ценными с хозяйственной точки зрения.

Лесопромышленные плантации создаются с целью не только увеличения количества древесной продукции, но и получения стандартного и однородного сырья повышенного качества, предназначенного как для экспорта, так и для удовлетворения потребностей

⁵ Например, 1 га искусственных насаждений ценной породы окуме в Габоне будет давать около 250 т древесины вместо 5—6 т, которые заготавливаются в настоящее время на площадях с естественными зарослями.

развивающейся деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности стран Африки.

Экономическая целесообразность таких плантаций обусловлена тем, что для их создания используются наиболее производительные древесные породы, характеризующиеся быстрым ростом и высококачественной, пользующейся большим спросом древесины, а также однородностью древостоев (в отличие от многопородности естественных лесов); причем часто эти лесопромышленные плантации оказываются единственным источником получения необходимого древесного сырья.

Подобные искусственные насаждения имеют ряд преимуществ перед естественными: упорядоченная структура плантаций; более точный выбор географического положения древостоев; возможность прогнозировать формирование определенных древесных ценозов и качество составляющих их пород, использовать генетическое улучшение пород; облегчение операций по уходу за деревьями (для обеспечения их оптимального развития) и др.

Некоторые специалисты лесного хозяйства указывают на то, что лесопромышленные плантации в условиях тропического дождевого леса имеют большое будущее для реконструкции больших территорий с применением быстрорастущих пород, имеющих короткий цикл развития [14, с. 3—24].

Вместе с тем такая форма искусственного лесовозобновления, как создание монокультурных лесопромышленных плантаций (тем более применяемая, как это часто имеет место, в гипертрофированном виде, однобоко), не может в отдельности, сама по себе, решить всю многогранную проблему восстановления и сохранения столь сложного по своему флористическому составу и своеобразию структуры тропического дождевого леса⁶.

Профессор Геттингенского университета Г. Лампрехт в своем докладе на VII Мировом лесном конгрессе (Буэнос-Айрес, октябрь 1972), главной темой которого была «Лес и социально-экономическое развитие», отметил несомненное положительное значение лесопромышленных плантаций для производства больших и однородных количеств древесины в сравнительно короткое время. Однако, по его мнению, искусственные лесные монокультуры или совсем не способны, или способны только частично выполнять социальные функции леса. Г. Лампрехт считает, что «оптимальный» тропический лес — это такой лес, который «благодаря своему составу, своей структуре и своему ходу развития отвечает требованиям *продолжительного многообразного использования* (курсив наш.— М. Г.)» [18, с. 122].

Г. Лампрехт и другие ученые обращают внимание на необходимость организации научного экологического управления естественными тропическими лесами, на осуществление комплексного использования их ресурсов. Наряду с созданием однородных по

⁶ На это обращают внимание как советские, так и зарубежные ученые [9, с. 384—385; 8, с. 250].

своему составу и экономически эффективных лесопромышленных плантаций (как в саваннах, так и в лесных зонах) большое значение имеет развитие лесопосадок, способствующих восстановлению ценных естественных биоценозов.

Существуют серьезные доводы в пользу естественного возобновления лесов Тропической Африки. Так, крупный нигерийский специалист по вопросам лесного хозяйства П. Р. О. Кио, сравнивая на примере лесохозяйств Нигерии и Уганды стоимость естественного и искусственного возобновления лесов, показывает, что прежние экономические расчеты, демонстрировавшие преимущества лесных культур, основаны на ложных предпосылках. Анализ, проведенный этим ученым, обнаруживает, что выборочные рубки в тропических лесах с последующим естественным их возобновлением экономически и экологически более выгодны, чем их сплошная рубка с заменой монокультурами [17, с. 309—318]. Истинная стоимость закладки лесопосадок, по мнению Кио, должна включать всю стоимость той древесины, которую естественный лес мог бы дать при выборочных рубках за то время, в течение которого лесопосадки достигают товарного возраста. Приводимые им расчеты показывают, что себестоимость древесины при естественном лесовозобновлении и 40-летнем цикле рубок значительно (в 2—4 раза) ниже, чем при искусственном лесоразведении и том же цикле рубок [17, с. 314—315]. Кио приходит к выводу о том, что замена тропических высокоствольных лесов плантациями-монокультурами противоречит интересам тропических стран на длительную перспективу, что наилучшей формой хозяйственного использования этих лесов является строго контролируемая эксплуатация, интенсивность которой определяется прежде всего экологическими факторами. Что же касается плантаций быстрорастущих пород с короткими оборотами рубок, то они, по мнению Кио, должны иметь специфическое назначение (например, как сырьевая база для целлюлозно-бумажной промышленности) и их следует размещать в саваннах и — в некоторых случаях — на пахотных землях в лесных зонах [17, с. 317—318].

6

Наконец, кратко остановимся на некоторых вопросах рационального многостороннего использования лесных земель, которое сочетало бы потребности прежде всего сельского и лесного хозяйств. Эти вопросы заслуживают большого внимания в связи с обострением продовольственной проблемы, особенно в странах с высокой плотностью населения, где лесные земли испытывают высокое давление со стороны густого сельского населения. Примером в этом отношении может служить Нигерия [16; 21].

Переложное земледелие в этой стране, которое, по мнению ряда ученых, может обеспечить существование 20—30 человек на 1 кв. миль (при современной средней демографической плотности 180 человек) [16, с. 144], уничтожает ежегодно обширные про-

странства лесов, что создает угрозу как для лесного потенциала страны, так и для продовольственной базы (в связи со снижением естественного плодородия почв).

Наиболее очевидное решение проблемы заключается в модернизации сельского хозяйства и переходе к оседлому земледелию, однако лишь немногие типы тропических почв пригодны для постоянной эксплуатации. Частичное решение проблемы может дать система лесного земледелия (агролесокультурная система) «таунгья», практикуемая в Нигерии с 1971 г.

При этой системе, сочетающей лесное и сельское хозяйства, меры по лесовозобновлению осуществляются в рамках традиционной системы земледелия. Деревья товарных пород высаживаются в смешанной культуре с продовольственными растениями — корнеклубнеплодами, бананами, маисом и др. Лесовосстановительные работы оплачиваются государством, так что земледельцы получают гарантированный дополнительный доход. Государству же такая практика обходится дешевле, чем специальные работы по лесонасаждению [16, с. 144—148]⁷.

Хотя опыт применения агролесокультурной системы еще небольшой, можно говорить о немаловажной роли этой системы в решении ряда проблем сельскохозяйственного производства (особенно продовольственной проблемы), в установлении определенной пропорциональности развития сельского и лесного хозяйств на основе более рационального использования земельного фонда лесных зон Тропической Африки, в стимулировании искусственного лесовозобновления, а также в решении некоторых весьма важных социальных задач (например, в подъеме уровня занятости сельского трудоспособного населения; в развитии социально-бытовой инфраструктуры деревни, что проявляется в создании новых постоянных сельских поселений — электрифицированных, со школами, больницами, водоснабжением и т. п.; в повышении жизненного уровня сельского населения) [21, с. 234—235].

В конечном итоге решение сложных проблем лесного хозяйства стран Тропической Африки, на наш взгляд, возможно лишь при максимальном учете многообразного экологического, экономического и социального значения тропических лесорастительных формаций, в тесном взаимодействии лесного хозяйства с другими отраслями экономики. При этом определяющую роль играют характер социально-экономического развития той или иной страны, ее социально-политическая ориентация, общий подъем и структурные изменения, происходящие в национальной экономике.

⁷ Наряду с этим, «традиционным» и наиболее распространенным, типом системы «таунгья» существует другой — товарный, или «департаментский», который основан на использовании департаментом лесного хозяйства наемной рабочей силы. Нанимаемые сельскохозяйственные рабочие занимаются одновременно и лесопосадками, и возделыванием продовольственных культур на выделенных участках. При этом рабочая сила используется более эффективно и мобильно [21, с. 229—236].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарруа Ж.-П. Африка — умирающая земля. М., 1954.
2. География и развивающиеся страны (современные проблемы развития и размещения производительных сил). Материалы конференции. Ленинград. 25—27 сентября 1973 г. М., 1973.
3. Горнунг М. Б. Значение советского опыта изучения и освоения природных ресурсов для развивающихся стран Африки.— Страны и народы Востока. Вып. XV. М., 1973.
4. Дарлинг Ф. Ф. Воздействие человека на биосферу.— Использование и охрана природных ресурсов. Труды Межправительственной конференции по рациональному использованию и охране ресурсов биосферы. М., 1972.
5. Дорст Ж. До того как умрет природа. М., 1968.
6. Олейников И. Н. О древности и молодости ландшафтов Тропической Африки.— Страны и народы Востока. Вып. XV. М., 1973.
7. Сюре-Каналь Ж. Гвинейская Республика. М., 1973.
8. Эренфельд Д. Природа и люди. М., 1973.
9. Яценко-Хмельевский А. А., Колосова М. И. Роль анатомических особенностей древесины в сложении тропического дождевого леса.— Лесное хозяйство и лесная промышленность СССР. К VII Международному лесному конгрессу. М., 1972.
10. Adam J. G. Etat actuel de la végétation des monts Nimba au Liberia et en Guinée.— «Adansonia». P., 1970, № 2.
11. «Afrique. Industrie. Infrastructure». P., 1977, № 135.
12. Aubréville A. Climats, forêts et désertification de l'Afrique tropicale. P., 1949.
13. Gómez-Pompa A., Vázquez-Yanes C., Guevara C. The Tropical Rain Forest: a Non-renewable Resources.— «Science». Wash., 1972, vol. 177, № 4051.
14. Groules J. Note sur la plantation de conversion dans les forêts tropicales humides.— «Bois et Forêts des Tropiques». Nogent-sur-Marne, 1975, № 162.
15. «Holz-Zentralblatt». Stuttgart, 1975, № 72.
16. Kio P. R. Shifting Cultivation and Multiple Use of Forest Land in Nigeria.— «Commonwealth Forestry Review». L., 1972, № 2.
17. Kio P. R. O. What Future for Natural Regeneration of Tropical High Forest? An Appraisal with Examples from Nigeria and Uganda.— «Commonwealth Forestry Review». L., 1976, № 4.
18. Lamprecht H. Zur ökologischer Bedeutung des Waldes im Tropenraum.— «Forstarchiv». Hannover, 1973, H. 6.
19. Lanly J. P. Regression de la forêt dense en Côte d'Ivoire.— «Bois et Forêts des Tropiques». Nogent-sur-Marne, 1969, № 127.
20. Les industries du bois en Côte d'Ivoire.— «Industries et travaux d'outre-mer». P., 1975, № 255.
21. Olawoye O. O. The Agri-Silvicultural System in Nigeria.— «Commonwealth Forestry Review». L., 1975, № 3—4.
22. Poore D. The Values of Tropical Moist Forest Ecosystems and the Environmental Consequences of their Removal.— «Unasylva». Rome, 1976, vol. 28, № 112—113.
23. Sartorius P. Ober die Weltversorgung mit Laubholz tropischen Ursprungs.— «Schweizerische Zeitschrift für Forstwesen». Zürich, 1972, № 6.
24. Sillans R. Les savanes de l'Afrique Centrale. P., 1958.

Т. А. Грачева

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Сельское хозяйство — основная отрасль экономики трех стран Восточной Африки — Танзании, Кении и Уганды. В Танзании на долю сельскохозяйственной продукции приходится более 40% валового национального продукта и 70% стоимости экспорта; в Уганде — соответственно 50 и 80%; в Кении — 35 и около 60%. Более 0,9 населения в Уганде и Танзании и 0,8 в Кении занято в сельскохозяйственном производстве [1, с. 20].

Преобладающее в настоящее время экстенсивное сельскохозяйственное производство в развивающихся странах Тропической Африки в сильной степени зависит от влияния природных факторов. При этом разнообразие почвенно-климатических условий в Восточной Африке, соседство разных типов плакорных и горных ландшафтов способствуют развитию различной специализации в растениеводстве на культурах тропического и умеренного поясов и в продуктивном животноводстве. В связи с этим выявляются различные с точки зрения предпосылок развития сельскохозяйственного производства типы агро-орографических, -климатических, -гидроресурсных, -почвенно-растительных и -фаунистических районов. В результате их сопоставления автором настоящей статьи выявлено 14 агроресурсных природных районов. Они отнесены к категориям пахотных, пастбищных, пахотно-пастбищных, пастбищно-пахотных территориальных комплексов и оценены по пятибалльной шкале (карта-схема 1). На 70% территории Восточной Африки (в пределах восьми агроресурсных районов: трех районов плато Ньика в Кении, Танзании и Уганде; Северного Прибрежного в Кении; Центрального плато; плато Уньямвези; «степи» Масаи в Танзании и в отдельных сбросовых впадинах Западной и Восточной Рифтовых систем) преобладают пастбищные и пастбищно-пахотные комплексы с низким природным агроресурсным потенциалом (около 3 баллов). Высокий природный агроресурсный потенциал (4—5 баллов с образованием преимущественно пахотных и частично пахотно-пастбищных комплексов) имеют шесть агроресурсных районов (обширная впадина оз. Виктория; два приморских района в Танзании; внутренние плато на

северо-западе Уганды; отдельные вулканические плато и конусы; кристаллические горные массивы).

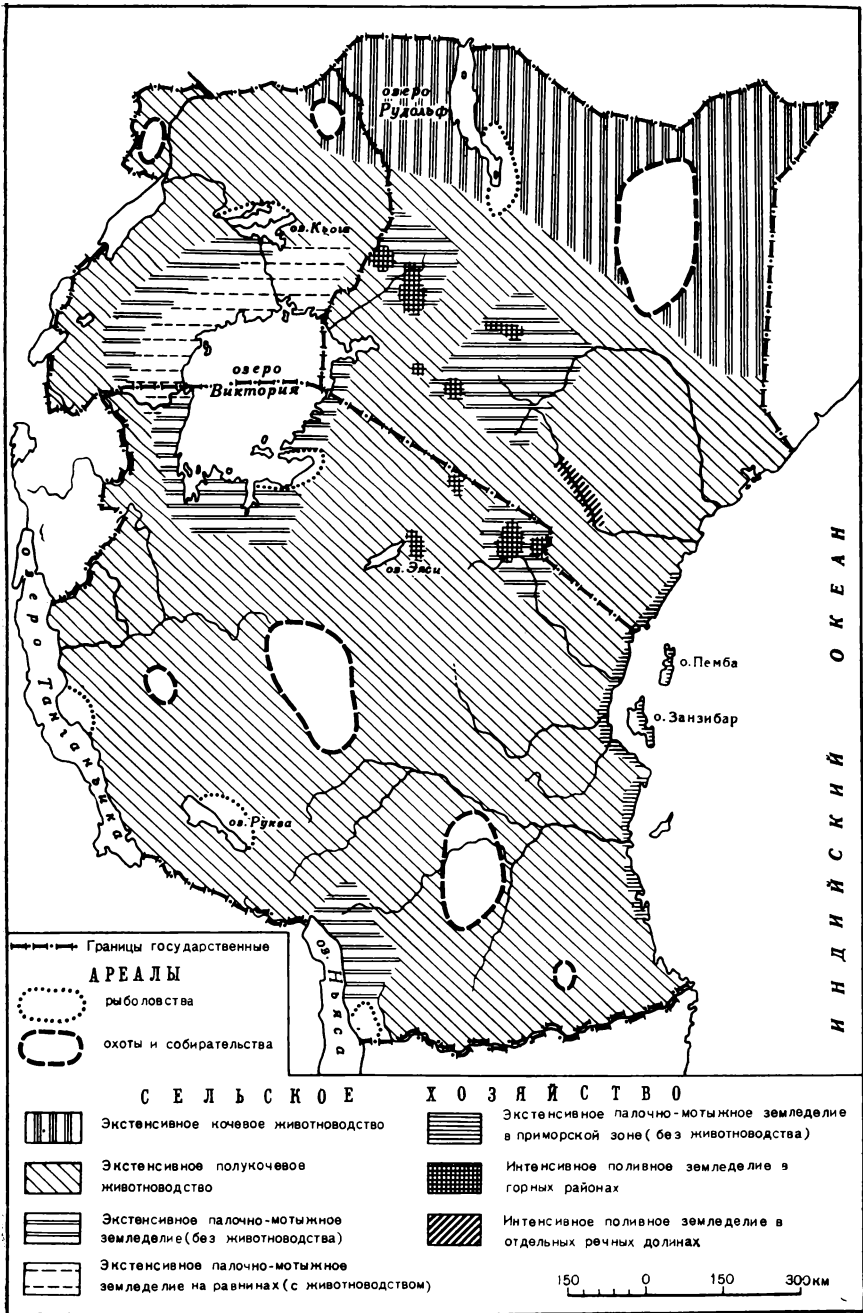
Возможность наращивания природного агропотенциала [2, с. 30—32] и расширения пахотных комплексов зависит от внедрения круглогодичного или сезонного орошения на выборочных территориях с более плодородными почвами (особенно аллювиальными). Улучшения и расширения обширных пастбищных комплексов можно достигнуть на межгосударственной основе по мере осуществления комплексных мероприятий по уничтожению колючей кустарниковой растительности, зараженной мухой цеце, строительству обводнительных систем и подсеву кормовых трав. Эти мероприятия уже можно проводить в «степях» Масаи на территории Кении и Танзании, а также в Северной Уганде.

Однако прежде всего воздействуют на характер и специализацию сельского хозяйства не природные, а *социально-экономические и социально-этнические* факторы, среди которых одним из главных следует признать живучесть традиционных общинных форм землепользования и производства потребительской продукции на основе широкого распространения переложной системы земледелия и кочевого и полукочевого животноводства. Общинные хозяйства — основное звено многоукладной структуры сельскохозяйственного производства в странах Тропической Африки.

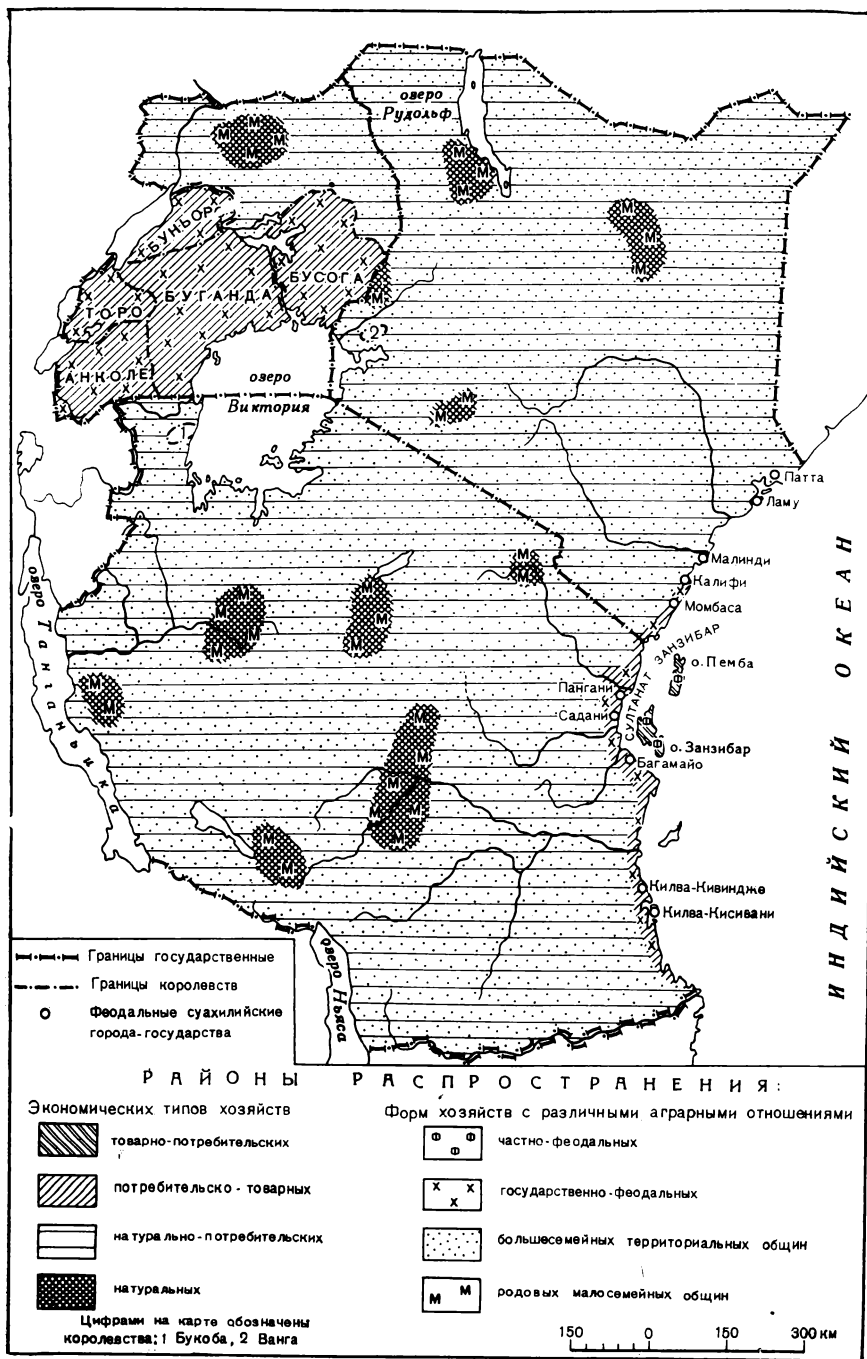
Развитие многоукладной структуры хозяйства (карта-схема 2) началось в доколониальный период и было обусловлено характером развития производственных отношений первобытнообщинного и феодального укладов при соответствующем образовании натуральных и натурально-потребительских типов хозяйств. В периоды колонизации (карты-схемы 3 и 4) при образовании иностранных товарных хозяйств происходило дальнейшее усложнение многоукладной структуры (в связи с образованием не только товарных типов хозяйств, но и потребительско-товарных и товарно-потребительских). После провозглашения независимости товарные типы хозяйств приобрели новые социальные формы в странах, развивающихся по некапиталистическому пути (образование государственных хозяйств, ферм и производственных кооперативов в Танзании).

Каждый экономический тип хозяйства имеет определенные пределы развития и трансформации в многоукладной системе экономики на разных этапах исторического развития. Распад территориальной африканской общины в процессе постепенной феодализации и капитализации производственных отношений привел к образованию новых производственных единиц — многочисленных мелкотоварных хозяйств, большая часть которых в колониальный период была объединена в снабженческо-сбытовые кооперативы. Формирование капиталистического уклада происходило на основе возникновения высокотоварных иностранных плантаций, европейских ферм, а после достижения независимости и африканских ферм.

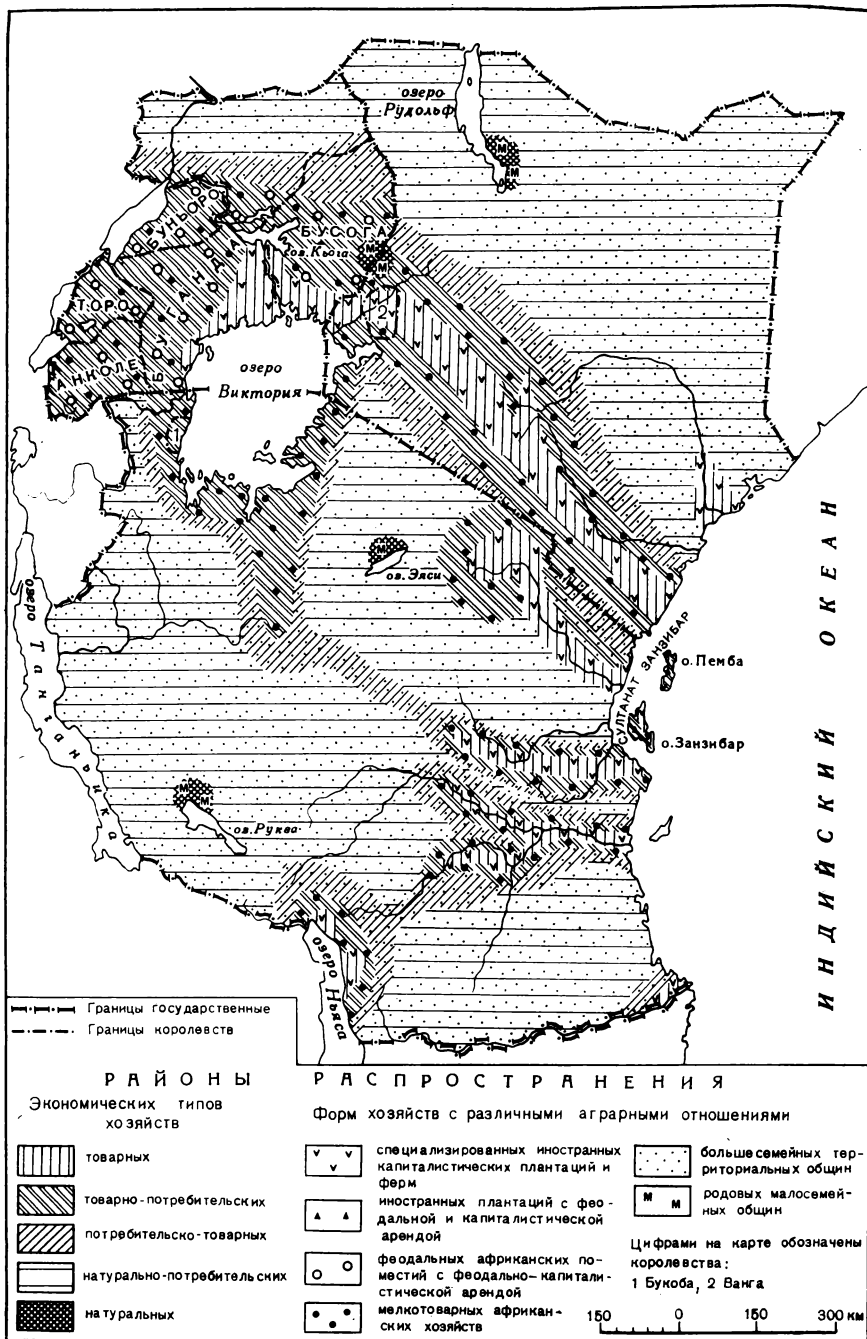
Общей тенденцией экономического развития в настоящее вре-

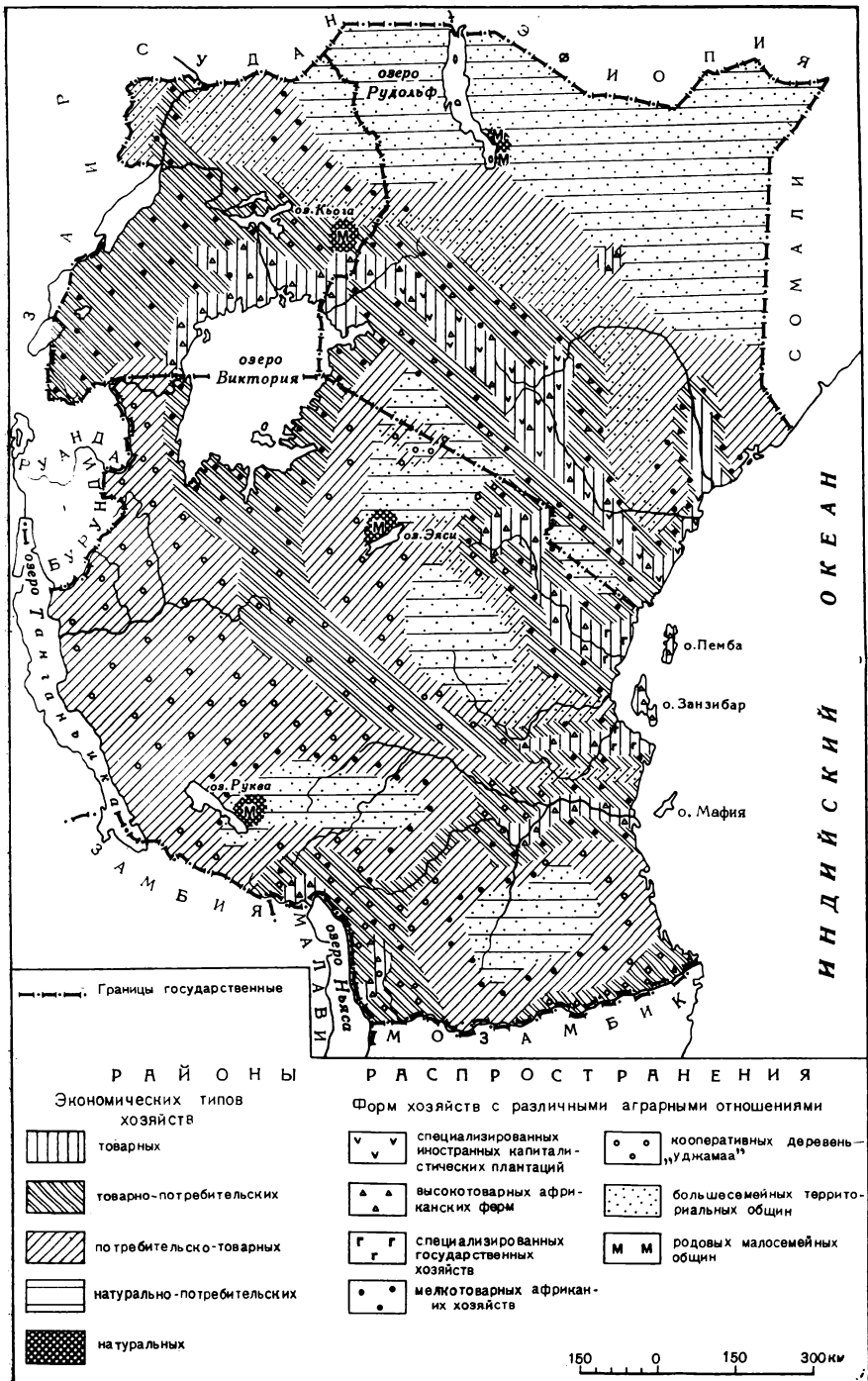
Карта-схема 2. Примерные ареалы собирательства, охоты, рыболовства и зон земледелия и животноводства до арабо-португальской колонизации (VII в.)

Карта-схема 3. Экономические типы хозяйств и аграрные отношения в период арабо-португальской колонизации (VII—XVIII вв.)

Карта-схема 4. Экономические типы хозяйств и аграрные отношения в период германо-английской колонизации (XIX—XX вв.)

Карта-схема 5. Экономические типы хозяйств и аграрные отношения после достижения независимости

мя (карта-схема 5) является усиление политической и экономической роли государственного и кооперативного секторов, что особенно характерно для Танзании. Государственный сектор оказывает многофункциональное воздействие на развитие всей экономики (через государственные корпорации развития в различных отраслях хозяйства и при переходе в руки государственных органов функций снабжения, сбыта, банковского кредита, заготовок, экспорта сельскохозяйственной продукции). Особое значение приобретают высокотоварные государственные фермы, а также производственные кооперативы, которые способствуют изменению соотношения между пятью экономическими типами хозяйств: натуральными типами хозяйств (НТХ); натурально-потребительскими типами хозяйств (НПТХ); потребительско-товарными типами хозяйств (ПТТХ); товарно-потребительскими типами хозяйств (ТПТХ) и высокотоварными типами хозяйств (ТТХ).

Характер аграрных реформ, проводимых в настоящий период развития национальной экономики в Танзании, Уганде и Кении, оказывает различное воздействие на изменение структуры многоукладной экономики. «Реформы консолидации» и регистрация общинных земель в Кении (проводимые в целях ликвидации общинных форм землепользования и выделения единых наделов в частную собственность) ориентированы на образование мелкотоварных африканских хозяйств (ПТТХ и ТПТХ). Проведение отдельных аграрных реформ в независимой Уганде способствовало лишь некоторому ограничению крупного землевладения. В ходе ликвидации частно-феодалных форм землевладения и ускорения африканизации экономики страны (при ликвидации собственности иностранных плантаций) происходило лишь усиление классовой дифференциации африканского крестьянства. Проведенные аграрные реформы в Танзании были направлены на реорганизацию *всей* социально-производственной структуры хозяйства на основе постепенного ограничения и ликвидации права верховной общинной собственности на землю, упразднения института вождей и национализации земельного фонда. Там происходит образование широкой сети кооперативных объединений в деревнях-«уджамаа», в которых сейчас проживает более половины населения страны [5, с. 40; 8, с. 29]. Предполагается, что в обозримом будущем все сельскохозяйственное производство, за исключением производства сизаля и чая, будет сосредоточено в кооперативах различного типа.

Определенный экономический тип хозяйства связан с соответствующим типом специализации. В Восточной Африке устойчивое сохранение специализации, основанной на производстве традиционных потребительских тропических культур (проса, сорго, маниоки, батата, различных бобовых и бананов), обусловлено функционированием территориальных общин в качестве основных производственных единиц самообеспечения. В колониальный период получил широкое распространение неустойчивый тип потребительско-экспортной специализации (бананово-кофейной и зерново-

хлопководческой), удобный при сохранении смешанных посевов. До сих пор производство потребительских культур обеспечивает около $\frac{2}{3}$ стоимости сельскохозяйственной продукции и примерно $\frac{1}{3}$ стоимости валового внутреннего продукта.

Развитие экспортной монокультурной специализации было связано с образованием высокотоварных иностранных плантаций и европейских ферм. Высокая степень концентрации и специализации была характерна для производства сизаля, сахара, гвоздики, кофе и пиретрума. В настоящее время происходит увеличение производства экспортных культур (чая, тропических фруктов, различных масличных культур) в ходе территориального расширения экспортного производства во всех экономических типах хозяйств.

С внедрением новых продовольственных и технических культур (кукурузы, пшеницы, сахарного тростника, средневолокнистых сортов хлопчатника) начинает развиваться товарно-продовольственная и товарно-сырьевая специализация, необходимая для обеспечения внутреннего рынка страны. Дальнейшее развитие товарной специализации для внутреннего рынка будет зависеть от количественных и качественных изменений покупательского спроса населения в этих странах и масштабов развития внутреннего товарооборота. Большое значение имеет государственная политика, стимулирующая переход от преимущественного производства потребительской продукции к товарной специализации для внутреннего рынка в многочисленных вновь образующихся трудонинтенсивных мелкотоварных африканских хозяйствах на основе обеспечения сбыта продукции по высоким внутренним государственным закупочным ценам.

Уже сейчас возникает проблема смыкания экспортной и внутренней товарной специализации (в первую очередь в отношении производства кукурузы, пшеницы, риса, сахарного тростника, масличных культур и хлопчатника). Большое значение будет иметь определение намечающихся тенденций в изменении не только объема производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции, но и в их размещении в связи с изменением типов хозяйств и постепенной интенсификацией тропического земледелия. При образовании новых производственных единиц и объединениях — госхозов, государственных ферм, производственных кооперативов — возникает необходимость повсеместного перехода от переложной системы земледелия и практики смешанных посевов к полунтенсивной (при отдельных посевах однолетних культур) с применением плужной обработки постоянных участков и использованием животной тягловой силы и тракторов.

Несмотря на преобладание в Восточной Африке районов, где природные условия благоприятствуют развитию отгонно-пастбищного животноводства, на его долю приходится лишь около 10% валовой продукции сельского хозяйства и 3—5% стоимости экспорта в Танзании и Уганде и соответственно около 25 и 10% в Кении [6, с. 152, 155; 7, с. 10]. Дальнейшее развитие животноводства (особенно в Танзании и Уганде) представляет более слож-

ную, чем развитие растениеводства, задачу. Основным тормозом в развитии отраслей продуктивного животноводства являются социально-экономические и социально-этнические факторы (устойчивые традиции кочевого быта, питания у африканских племен и в особенности слабая степень их адаптации к современным условиям жизни и сельскохозяйственного производства). При преобладании малопродуктивных пастбищ, в значительной степени зараженных мухой цеце, падеж скота в сухой сезон достигает 40—50% при трехкратном уменьшении продуктивности по сравнению с влажным периодом [3, с. 79]. Полное изменение социально-производственной структуры хозяйства в животноводстве возможно при переходе от распыленного расселения кочевых и полукочевых племен к концентрации населения и скота в определенных очагах экономического развития при создании новых территориальных общностей. Процесс перехода на оседлость должен развиваться параллельно развитию продуктивного отгонно-пастбищного животноводства, а его успешное завершение возможно при создании смешанной животноводческо-растениеводческой специализации.

При развитии смешанной растениеводческо-животноводческой специализации в сельскохозяйственных районах, уже имеющих устойчивую экспортную и товарную специализацию для внутреннего рынка, возможно дальнейшее успешное развитие мясо-молочной специализации. Территориальное распространение мясо-молочной специализации в настоящее время связано с созданием простейших государственных агропромышленных комплексов — сизалево-молочных, кокосово-молочных, сахаро-молочных — при установлении прямых связей с предприятиями обрабатывающей промышленности (в районах высокогорий, на побережье Индийского океана и оз. Виктория).

Полная реконструкция тропического животноводства в значительной степени зависит от выведения новых гибридных пород продуктивного скота при внутривидовом скрещивании с домашними породами азиатского скота и отдаленной межвидовой гибридизации крупного рогатого скота с крупными видами антилоп (канна, бейза).

Для развивающихся стран, сохраняющих многоукладную структуру сельскохозяйственного производства, необходим детальный анализ процессов районообразования. Поэтому автор данной статьи выделяет три основных этапа районообразования, для которых характерно господство: присваивающих хозяйств в отдельных *ареалах* (карта-схема 2), производящих потребительских в сельскохозяйственных *зонах*, производящих товарных хозяйств в отдельных *сельскохозяйственных экономико-географических районах* (карты-схемы 6, 7, 8).

Типология сельскохозяйственных районов в развивающихся странах Тропической Африки разработана недостаточно (типами сельскохозяйственного производства для разных стран и районов земного шара занимается комиссия сельскохозяйственной типологии МГС под руководством Е. Костровицкого [9, с. 174]). Поэто-

му большое значение приобретают анализ территориальной организации сельскохозяйственного производства и определение образовавшейся пространственной системы различных экономических типов хозяйств и соответствующих им типов специализации в разных сельскохозяйственных районах. Сельскохозяйственные экономико-географические районы образуются в ходе территориальной дифференциации товарных отраслей — отраслей экспортных и для внутреннего рынка. По мнению автора, *сельскохозяйственный экономико-географический район в развивающихся странах — это часть страны, отличающаяся сформировавшейся специфической системой аграрных отношений и конкретным сочетанием экономических типов хозяйств, определяющих в данных природных условиях производственную специализацию*. По преобладанию определенных экономических типов хозяйств (и соответствующих аграрных отношений) и типов специализации, а также в зависимости от различного уровня территориального разделения труда автором выделены 3 основных типа 23 сельскохозяйственных районов в Кении, Танзании и Уганде (карта-схема 8):

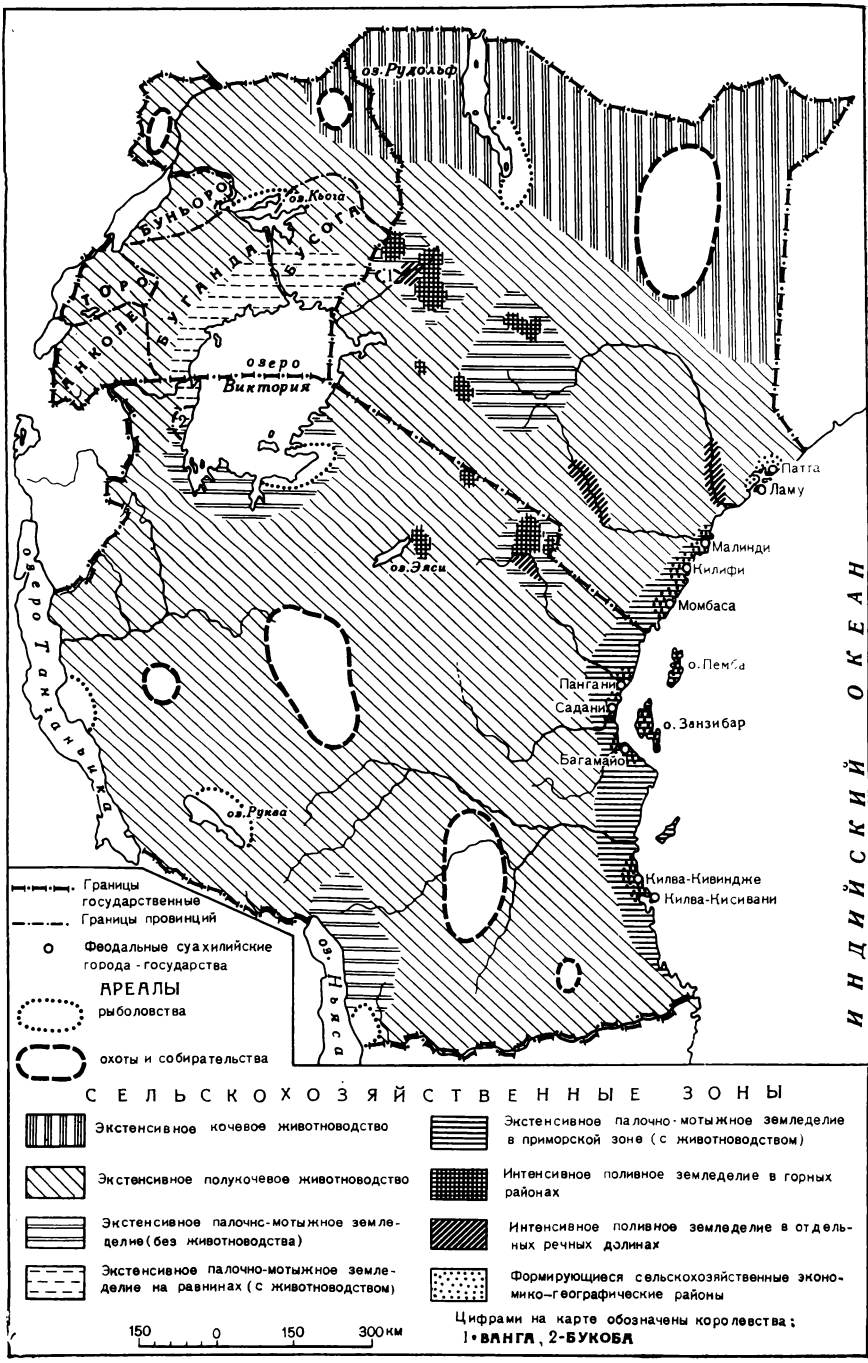
а) *специализированные* — преимущественно старые, с установившейся экспортной и товарной специализацией для внутреннего рынка (Центрального плато в Кении, Северо-Восточный нагорный и Танга-Дар-эс-Саламский в Танзании);

б) *специализирующиеся* — с неустойчивой экспортной или товарной (товарно-продовольственной и товарно-сырьевой) специализацией (Момбасский в Кении, Занзибарский, Центрально-Приморский, Мтвара-Линдинский, Южный возвышенный в Танзании, Северо-Западный Приозерный в Танзании, Западный Приозерный в Кении, Южный Приозерный в Уганде, плато Ньика в Танзании, отдельные высокогорные районы — Элгонский в Уганде, Элгонский в Кении, Рувензорский в Уганде; Нильский, Юго-Западный в Уганде);

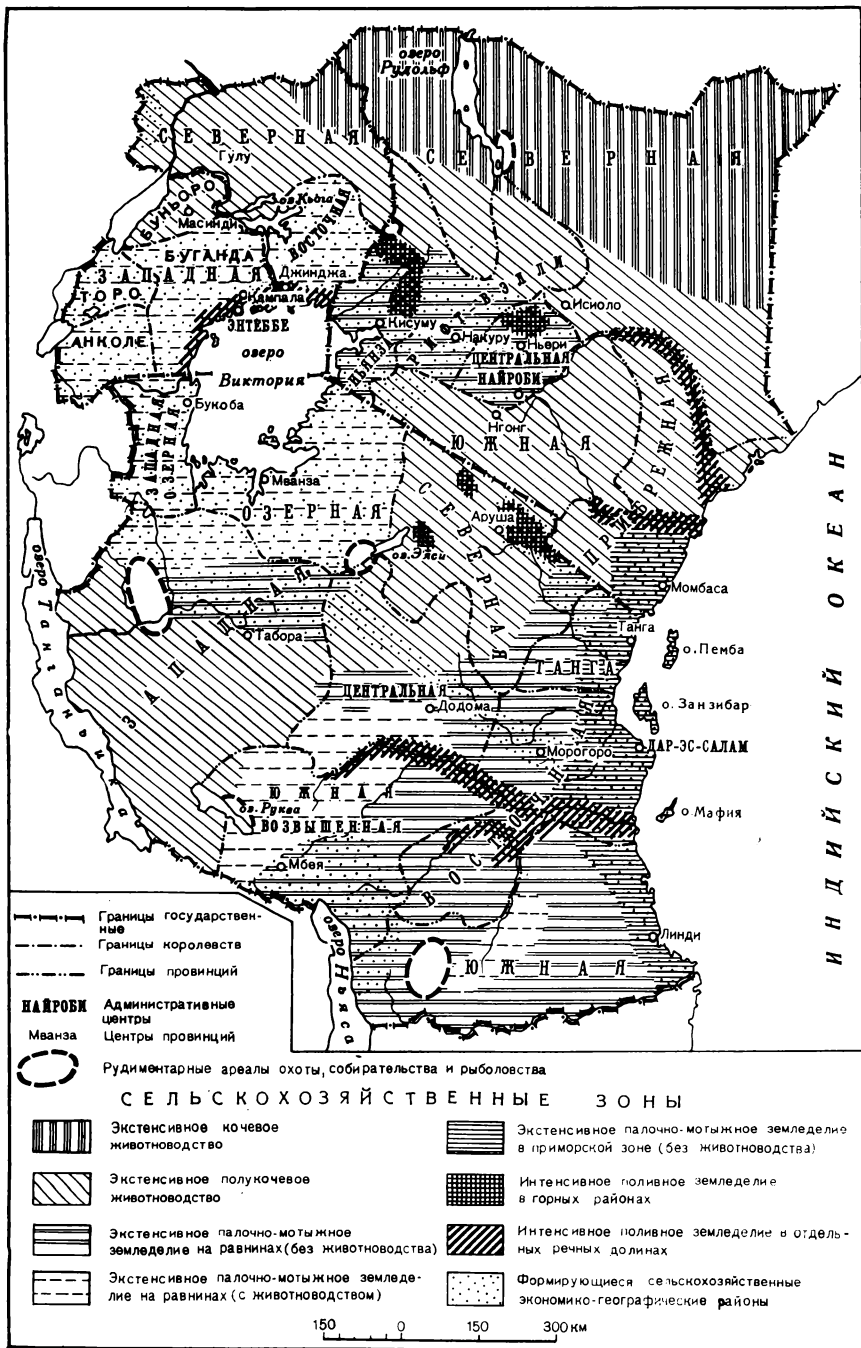
в) *неспециализированные* — с преобладанием производства потребительской продукции, охватывающие более половины территории региона в районах полукочевого и кочевого животноводства. Формирование товарно-продовольственной и товарно-сырьевой специализации в этих районах (Северный и Северо-Восточный в Кении, Северный и Карамоджа в Уганде, Масайские районы в Кении, Танзании, район Центральных плато в Танзании) находится в начальной стадии.

В ходе экономического развития имеет место переход сельскохозяйственных районов более «низкого» типа в более «высокий». При этом появляются переходные районы (Южный Приозерный в Уганде и Занзибарский), которые можно отнести к категории переходных из специализирующихся в специализированные. В связи с преобладанием НПТХ и устойчивой потребительской специализацией трансформация районов из неспециализированных в специализирующиеся будет осуществляться значительно труднее, чем из специализирующихся в специализированные.

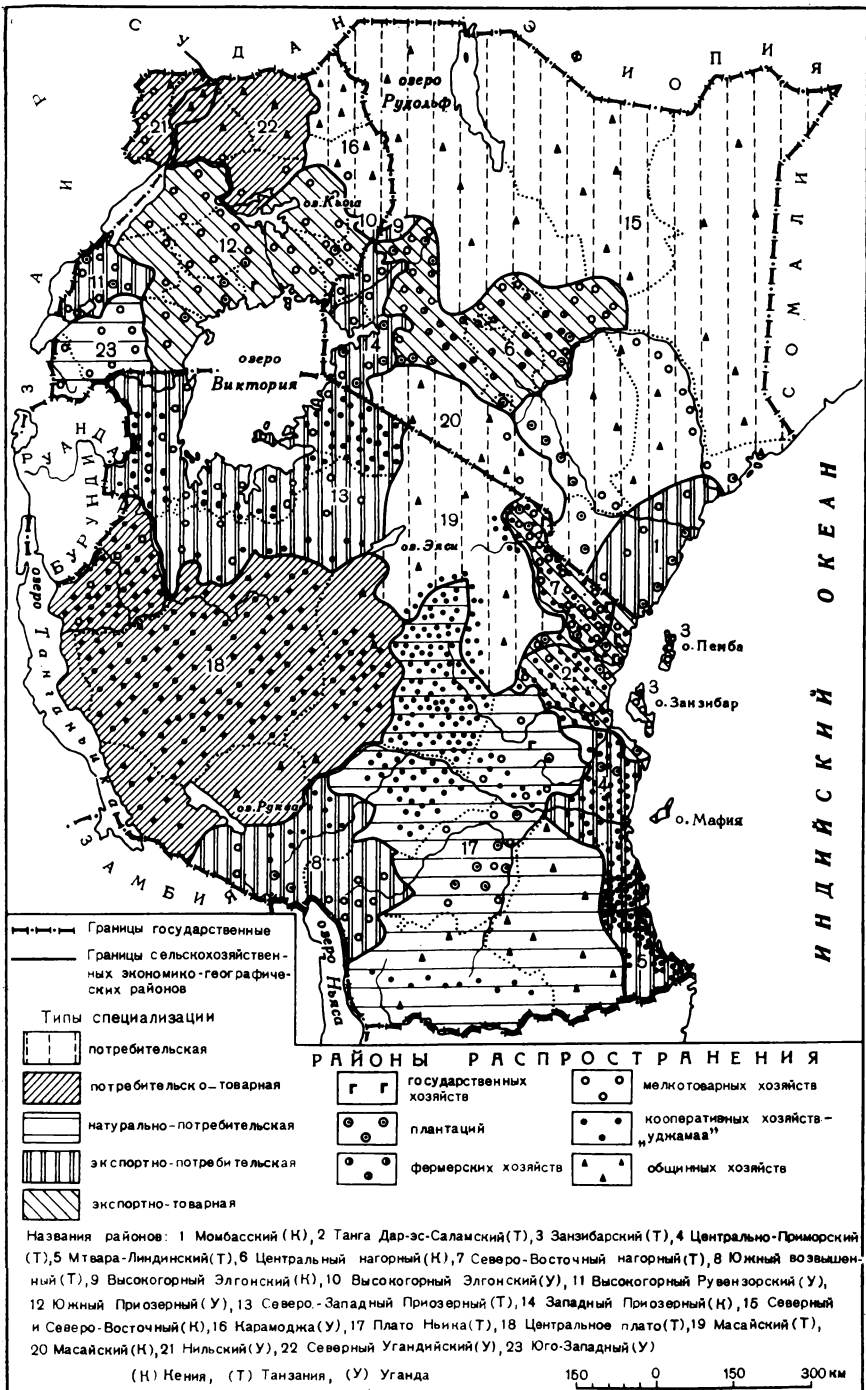
Между социально-политической ориентацией развивающихся

Карта-схема 6. Формирование сельскохозяйственных зон и районов в период арабо-португальской колонизации (VII—XVIII вв.)

Карта-схема 7. Формирование сельскохозяйственных зон и районов в период английской колонизации (XX в.)

Карта-схема 8. Сельскохозяйственные районы после достижения независимости

стран Тропической Африки и темпами районообразования существует тесная зависимость. Например, в Кении, придерживающейся курса поощрения капиталистического предпринимательства, происходит активный процесс дальнейшего укрепления экспортной и товарной специализации для внутреннего рынка в одном старом сельскохозяйственном районе — Центральном плато. В Уганде и особенно в Танзании активное образование сельскохозяйственных экономико-географических районов различного типа происходит в процессе товаризации сельскохозяйственного производства и образования новых экономических типов хозяйств на всей территории. При этом в отдельных районах уже появляются условия для процесса постепенного смыкания экспортной и товарной специализации для внутреннего рынка, укрепления экономических связей между отраслями сельскохозяйственного производства и обрабатывающей промышленности — как импортзамещающих, так и экспортных. Постепенное укрепление межрайонных экономических связей будет способствовать образованию интегральных экономических районов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асоян Н. С. Восточная Африка (очерки географии хозяйства Кении, Уганды, Танзании). М., 1976.
2. Дмитриевский Ю. Д. Африка (очерки экономической географии). М., 1975.
3. Кугенев П. П. Скотоводство и молочное хозяйство в тропиках и субтропиках. М., 1969.
4. Ольдерогге Д. А. Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки.— Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л., 1973.
5. Фаризов И. О. Развивающиеся страны: проблемы сельского хозяйства. М., 1975.
6. Agricultural Situation in Africa and West Asia. Review of 1972 and Outlook for 1973. Wash., 1973.
7. Annual Economic Review of Uganda. L., 1971.
8. Brun T. H. Ujamaa Villages and Rural Development.— «Norsk geografisk tidsskrift». Oslo, 1972, № 2.
9. Essays on Agricultural Typology and Land Utilization. Warszawa, 1970.

И. А. Заир-Бек

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ВОДОХРАНИЛИЩ
НА ЭКОЛОГИЮ, ЭКОНОМИКУ
И НАСЕЛЕНИЕ РАЙОНОВ ЗАТОПЛЕНИЯ
(на примере строительства
крупнейших африканских водохранилищ)**

Уже несколько десятилетий назад важной особенностью экономики многих африканских государств была их зависимость от монокультурности и конъюнктуры внешнего рынка. Поэтому основной целью экономического развития освободившихся стран было уменьшение этой зависимости посредством изменения структуры сельского хозяйства и индустриализации. Одним из важнейших моментов такой политики явилось строительство крупных плотин и создание водохранилищ, основной задачей которых было производство электроэнергии для выполнения программы индустриализации, развития сельского хозяйства, улучшения водно-транспортных путей, охраны природы, туризма, а также решения вопросов занятости местного населения.

В настоящее время водохранилища становятся характерной чертой современного ландшафта многих африканских государств. Однако, с какой бы целью ни создавались искусственные водоемы, основными вопросами при их сооружении остаются: 1) экологические, связанные с изменениями биологического, медико-биологического и гидрометеорологического режимов; 2) экономические в связи со строительством гидроэлектростанций и промышленным освоением территории; 3) вопросы переселения из районов затопления и занятости населения. Каждая из этих проблем должна подвергнуться детальному исследованию, опирающемуся на основное положение конструктивной географии о пространственно-временной дифференциации. Такой метод исследования очевиден, так как позволяет с большой точностью оценить масштабы преобразований, вызванных сооружением гидротехнических объектов. Исследования в этой области уже ведутся, однако еще мало внимания уделяется региональному аспекту этих проблем. В настоящей статье предпринята попытка (на примере водохранилища Вольта) показать, какое влияние оказывает искусственный водоем на экологию, экономику и население районов затопления.

Среди наиболее срочных и важных аспектов развития водохранилищ — вопросы, связанные с населением, которое должно быть эвакуировано из мест затопления и расселено. Проблемы населения, возникающие при сооружении искусственных водоемов, не менее важны, чем инженерные и экономические, и должны рассматриваться с точки зрения создания района нового ресурсного потенциала. Огромные изменения, связанные с переселением, обеспечивают возможности для улучшения жизненных условий, а также общественных и организационных структур. Однако эти изменения не происходят мгновенно. Существующие традиции могут служить предпосылкой для создания оседлого сельского хозяйства, рыболовства как отраслей товарной экономики. А для этого населению, проживающему в зоне затопления, необходимо руководство, поддержка правительства и служб, осуществляющих реализацию проекта по созданию водохранилища. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению основных вопросов, необходимо дать краткую историческую справку об экономической обстановке в бассейне р. Вольта, где проектировалось сооружение плотины и водохранилища.

На территории затопления проживало около 80 тыс. человек, или 1% населения всей страны, которое было представлено преимущественно мелкими фермерами и небольшим количеством (2%) рыбаков [4, с. 79]. Из-за распространения мухи цеце развитие животноводства тормозилось, а возделывание какао, которым занималась небольшая часть населения, приносило доход ниже среднего по стране.

Создание водохранилища Вольта обеспечило предпосылки для развития рыболовства, транспорта, изменения структуры сельского хозяйства, а также позволило изменить как физико-биологические, так и социально-экономические условия жизни людей. Наряду с этим сооружение искусственного водоема создало ряд проблем, связанных с социальным переустройством, переселением и здравоохранением.

Одной из первоочередных задач, возникших при строительстве водохранилища Вольта, явилось составление схемы переселения и перспективного развития новых районов, которая предусматривала изучение вопросов, связанных с населением (включая его этнический состав), выбором, подготовкой и планировкой мест поселений и хозяйственным освоением территории. Население, проживавшее в предполагаемом районе затопления, имело свободный выбор дальнейшего устройства: получить компенсацию за теряемую собственность и переселяться самостоятельно или предоставить все заботы Управлению р. Вольта (интересно отметить тот факт, что лишь 15% населения предпочли первый вариант) [4, с. 80]. Так как большинство населения составляли фермеры, новые поселения проектировались в соответствии с пожеланиями сельского населения, при этом учитывались возможности создания и развития в перспективе новых отраслей производства. В результате переселения, которому предшествовали детальное изучение

и правильный выбор места, происходила концентрация населения с целью эффективного использования производственной инфраструктуры. Вместо 700 деревень, разбросанных по берегам реки, было создано 52 населенных пункта с населением от 2 тыс. до 5 тыс. человек в каждом [4, с. 80]. Основными критериями правильного выбора места для поселений были почвенные условия, водоснабжение, доступ к городам и здравоохранение. Исследования дали представление о физических свойствах почв, интенсивности эрозионных процессов, типах культур, которые могут там успешно произрастать. Изучение территорий сельскохозяйственного освоения велось в соответствии с планом специализации сельского хозяйства, включающего полеводство, садоводство, интенсивное стойловое и пастбищное животноводство при минимальном годовом доходе около 700 долл. [4, с. 84]. Однако отсутствие систематического планирования, организации рынка, человеческих ресурсов, а также умения и опыта не позволило в первое время добиться значительных успехов, что обусловило выезд переселенцев в другие районы на поиски новых возможностей (около 60% переселенцев покинули места нового поселения) [4, с. 85]. И только в последнее время благодаря более эффективному использованию и распределению земель, фундаментальному изучению агрономических условий производства, механизации и применению современной технологии в сельском хозяйстве эта тенденция была изменена.

Большинство населенных пунктов, как и ожидалось, оказалось свободными от личинок мухи *Simulium* spp. и мухи цеце, вызывающих «речную слепоту» и сонную болезнь, что благотворно сказалось на здоровье населения и развитии животноводства. При этом новые поселения стали более доступными для центров здравоохранения, а их укрупнение способствовало организации медицинских учреждений, которые должны осуществлять контроль за здоровьем населения.

Успешное выполнение программы переселения во многом способствовало экономическому развитию района строительства и тому, что новые места поселений становятся центрами хозяйственной деятельности.

Экономические аспекты влияния искусственных водоемов на территорию строительства во многом определялись целями и задачами проекта. Это производство электроэнергии, проведение мероприятий по развитию рыболовства и водного транспорта и борьба с наводнениями. Одним из основных последствий создания водохранилища Вольта было возникновение в больших масштабах рыболовства. До появления искусственных водоемов в Африке очень незначительное количество местного населения занималось профессиональным рыболовством. Например, в Гане перед строительством плотины Акосомбо насчитывалось приблизительно 2 тыс. рыбаков, проживающих по берегам рек Черной и Белой Вольты и Афрам [1, с. 24]. Сооружение водохранилища, увеличение рыбных запасов способствовали резкому увеличению

числа людей, занятых рыболовством. При этом происходило объединение рыбаков в рыбацкие артели с целью более эффективного использования орудий лова. Уже через два года после заполнения водоема число занятых профессиональным рыболовством на водохранилище достигло 20 тыс. человек, проживающих в 1000 деревнях, которые располагались по берегам [2, с. 26]. Развитию рыболовства в искусственно создаваемых водоемах способствовало совершенствование орудий и методов лова. Несмотря на то что использование современных орудий лова затруднено многочисленными затопленными деревьями и это значительно ограничивает районы рыболовства, основное снаряжение рыбаков состоит из жаберных сетей с разной величиной ячеек, переметов, ловушек и самодельных деревянных лодок без механического двигателя. В настоящее время уделяется большое внимание развитию озерного флота, который в сочетании с усовершенствованными орудиями лова позволит увеличить добычу рыбы.

Резкое увеличение улова рыбы было одним из основных факторов влияния водохранилищ на экономику районов. В 1968/69 г. на водохранилище было выловлено 60 тыс. т рыбы (из-за недостатка данных эти цифры следует считать ориентировочными), что составляет приблизительно 50% морского улова Ганы (в 1969 г. — 117 251 т) [2, с. 26]. Выловленная рыба коптится и вялится, так как отсутствуют холодильные установки. Это основные методы ее обработки и хранения. Высококачественные сорта рыб вывозятся в рыбороторговые центры, самые крупные из которых Кпанду, Аботозе и Еджи. Увеличение добычи рыбы сочетается с возрастанием спроса на внутренних рынках. Так, в 1969 г. потребление рыбы на душу населения составляло 20 кг, что на 42% больше, чем в 1968 г. Если учесть, что Гана импортирует 18,7 тыс. т рыбы и рыбных продуктов на сумму около 6 млн. долл., то следует отметить, что развитие и расширение рыболовства на водохранилище является одним из важнейших факторов влияния водоема на экономику страны [4, с. 94].

Выгодное географическое положение водохранилища в центре страны, наличие заливов на северо-востоке, севере и северо-западе делают доступным освоение его прибрежных территорий. Располагаясь между юго-западной частью страны, которая является районом горнодобывающей промышленности, и малоосвоенными северными и восточными районами, водоем является связующим звеном между промышленными и торговыми районами Аккра и Тема и аграрным севером и востоком. Развитие сельского хозяйства, строительство автомобильных и железных дорог, развитие воздушного транспорта не позволяют определить роль внутреннего водного транспорта, так же как и значение водохранилища Вольта, для его становления. Проектом не была предусмотрена расчистка ложа водоема, и вследствие этого судоходные трассы проходят вдоль русел бывших рек, да и то лишь для небольших судов. Несмотря на это, ведется строительство небольших портов — в Акосомбо, Кете-Крачи и Япеи. Для развития восточных

районов в Кпанду создается рыболовный порт. Значительно увеличивается объем пассажирских и грузовых перевозок. Если в 1975 г. они составляли 100 тыс. пассажиров и 250 тыс. т грузов, то в 1985 г. эти цифры должны достичь 328 тыс. пассажиров и 425 тыс. т [4, с. 97]. Следовательно, и в развитии водного транспорта водохранилище Вольта играет значительную роль.

В последние годы увеличилось число иностранных туристов, прибывающих в африканские страны, в том числе и в Гану, которых привлекает еще сохранившаяся девственная природа Африки. Для сохранения многих видов диких животных, а также с целью привлечения иностранных туристов в районе водохранилища планируется организовать заповедник, где будет разрешено спортивное рыболовство.

Изменяя общий ландшафт, водохранилище создает условия для организации национальных парков и зон отдыха, способствует развитию спортивного рыболовства и сети туристических учреждений, которые могут служить источником доходов как для государства, так и для жителей прибрежных районов.

Время играет важную роль в биологии и эволюции водохранилищ. Интенсивному развитию этих процессов во многом способствует вмешательство человека, иной раз даже не подозревающего о тех последствиях, которые грозят ему в результате необдуманной эксплуатации природы. Вопросы влияния искусственных водоемов на экологию самих внутренних вод и на прилегающие территории довольно сложны. Эта сложность заключается в том, что изменения природной среды, как негативные, так и позитивные, требуют детального анализа статистического материала, причем ход экологических процессов необходимо рассматривать в пространственном и временном аспектах. Исходя из этого, можно говорить лишь о тех незначительных преобразованиях, которые претерпело водохранилище и прилегающие к нему территории с момента заполнения водоема.

Наиболее заметные изменения произошли в ихтиофауне водохранилища. Уменьшение содержания кислорода в воде сразу после завершения строительства плотины, а затем его восстановление (1970—1971) существенно повлияли на изменение видового состава рыб. Замена речных условий озерными привела к тому, что речные виды либо исчезли совсем, либо продолжают сохраняться лишь в устьевых участках рек, впадающих в водохранилище. В настоящее время наиболее распространенными видами являются *Tilapia* sp., которая занимает лишь $\frac{1}{4}$ ихтиомассы, *Lates niloticus* (нильский окунь) и *Labeo* sp., дающие $\frac{3}{4}$ промышленного рыболовства по весу. Особенно это касается *Tilapia*, которая составляет 50% коммерческих уловов [3, с. 28]. Рыбные популяции водохранилища Вольта подверглись обычному процессу эволюции, характерному для многих искусственных водоемов. Стабилизация рыбных запасов происходит в соответствии с нормальным режимом водохранилища и количеством питательных веществ.

Водохранилище Вольта, как и другие тропические водоемы,

заселено большим количеством водных растений, которые в большинстве своем служат кормом и укрытием для рыб. Занимая пока незначительные площади, располагающиеся вне зон транспортных водных линий, эти растения являются благоприятным местом обитания для множества организмов — источников заболеваний (улитка *Vulnus*, вызывающая мочевого шистозомиазис, и африканский комар *Mapsona*, вызывающий желтую лихорадку) [4, с. 98]. Проблема водной растительности тесно переплетается с медико-биологическими, играющими важную роль в экономическом развитии многочисленных территорий африканских стран.

Несмотря на то что водохранилище Вольта оказывает положительное влияние на здоровье местного населения, многие проблемы здравоохранения остаются пока не решенными. В 1968—1969 гг. в районе водоема получил широкое распространение мочевого шистозомиазис — болезнь, источником распространения которой служит улитка *Vulnus*. Однако развитие видов рыб, уничтожающих водную растительность, которая служит пищей улиток, привело к тому, что заболеваемость значительно снизилась в 1970 г., хотя в некоторых пунктах число больных детей достигает 90% [4, с. 98]. Водоохранилище значительно сократило ареал распространения таких болезней, как речная слепота и сонная болезнь, однако случаи заболевания продолжают наблюдаться по берегам рек, впадающих в водохранилище. Создание медицинских пунктов в деревнях, а также доступ к медицинским учреждениям, находящимся вне зоны водохранилища, пока еще не могут решить многочисленных проблем здравоохранения, и население, проживающее в деревнях вокруг водоема, подвержено «речным» заболеваниям.

Строительство и эксплуатация водохранилищ всегда преследуют цель извлечения наибольшей выгоды и оправданности проекта в кратчайшие сроки. Каждый из перечисленных видов использования, предъявляя свои требования к водным ресурсам водоема, требует разрешения проблемы более комплексного использования гидроресурсов. Несомненно и то, что основная задача эксплуатации водохранилища Вольта — выработка электроэнергии. Другая, не менее важная проблема комплексного использования водоема — это борьба с наводнениями, тем более что гидрологические данные о реках Африки, в том числе и о р. Вольта, весьма и весьма ограничены. Поэтому наличие водохранилища на реке помогает в регулировании стока и предотвращает катастрофические последствия от наводнений.

Любой объект гидротехнического строительства принято оценивать с точки зрения получения доходов. Однако существует и более широкое понимание эффективности гидростроительства — статической и динамической. Водоохранилище Вольта способствовало созданию новых производственных возможностей, однако еще до конца не использованных. Например, переселение, которое можно было использовать как важный фактор развития аграрных районов. Во-первых, необходимо было четкое установление

сроков переселения, с тем чтобы избежать больших потерь, необходимо выбирать время, когда сельскохозяйственными работами занято наименьшее число людей. Во-вторых, для более полного использования нового ресурсного потенциала нужно, видимо, привлекать население из других районов, при этом необходимо особо учитывать районы водохранилища с высокой плотностью населения для более эффективного использования последнего. Другой пример — становление рыболовства, которое развивается в основном на мелководье, при этом запасы рыбы глубоководных областей практически не используются.

Из этого следует, что при подготовке основного проекта каждого водохранилища должны учитываться социальные проблемы, вопросы владения землей, методов ведения сельского хозяйства, рыболовства и других форм хозяйственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Butcher D. A. P. Sociological Aspects of Fishery Development.— Symposium on Man-Made Lakes. Abstracts of Papers. Knoxville (USA), 1971.
2. Denych F. M. K. Fishery Development, Volta Lake.— Symposium on Man-Made Lakes. Abstracts of Papers. Knoxville (USA), 1971.
3. Evans W., Vanderpuye J. Fish Population Sampling at Volta Lake.— Symposium on Man-Made Lakes. Abstracts of Papers. Knoxville (USA), 1971.
4. Kalitsi E. A. K. The Volta Lake in Relation to the Human Population and Some Issues in Economics and Management.— Symposium on Man-Made Lakes. Knoxville (USA), 1971.

Н. С. Ковальчук

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ АФРИКИ

Необходимые потребности людей в продовольствии и возможности их удовлетворения определяются исторически сложившимися условиями жизни общества, прежде всего характером социально-экономического строя, уровнем развития производительных сил и производственных отношений.

В сельскохозяйственном производстве вопрос землевладения и землепользования является центральным в решении продовольственного снабжения населения на протяжении веков.

В доколониальный период население Африки обеспечивало себя минимально необходимым продовольствием, которое производилось в соответствии с определенным уровнем развития производительных сил и производственных отношений в африканских странах.

Так, пищевые рационы арабо-берберских племен Северной Африки были далеко не обильны, но более или менее хорошо сбалансированы. Натуральные сельскохозяйственные хозяйства специализировались на производстве пшеницы, проса, ячменя, бобовых культур, оливкового масла, фруктов. Кочевники-скотоводы занимались разведением крупного рогатого скота, овец, коз, верблюдов, в оазисах выращивались финики. Земледельцы и скотоводы обменивались излишками произведенных продуктов. Исследователи отмечали отличное телосложение и поразительную выносливость берберских кочевых племен [5, с. 65]. Скромный качественный уровень питания этих народов обеспечивался за счет потребления молока, режы мяса, значительной доли фиников, инжира, зерна, которое они выменивали у земледельцев (Ш. Жюльен упоминает многочисленные договоры западноевропейских государств о торговле пшеницей, ячменем с Алжиром, Марокко, Тунисом [17, с. 157, 210, 290]).

Исключение составлял Египет, где обеспечение населения продовольствием зависело от разливов Нила. Земледелие велось в долине реки и обеспечивало жителей всеми необходимыми продуктами в урожайные годы. Но когда паводки были ниже обычных, наступал голод.

Относительно благополучное положение с продовольствием в

доколониальную эпоху было в Тропической Африке. Относительно хорошая сбалансированность пищевых рационов жителей саванн обеспечивалась теми продуктами, которые давали занятия земледелием и животноводством.

Население тропических переменновлажных и влажных экваториальных лесов занималось подсечно-огневым земледелием, выращивало маниоку, ямс, таро, бататы, рис, кукурузу, бананы. Занятие скотоводством ограничивалось неблагоприятными природными условиями, поэтому источниками животного белка в пищевом рационе служили продукты, добываемые охотой и рыболовством. Важное значение в питании жителей имело пальмовое масло. Свежие побеги маниоки и другие многочисленные растения, употребляемые населением для приготовления салатов и соусов, обогащали пищевые рационы витаминами.

Ж. де Кастро пишет об этих районах: «Так как леса в этой зоне огромны и плотность населения низка, то туземцам до появления белых колонизаторов удавалось довольно успешно поддерживать хрупкое равновесие пищевого рациона» [5, с. 67]. Исследователи, изучающие питание племен этого региона доколониального времени, стоявших на первобытной ступени развития, единодушно утверждают, что у них не наблюдалось каких-либо признаков, говорящих о недостаточном питании (об этом свидетельствовали данные о крепких зубах и отсутствии кариеса у народов бассейна Конго) [5, с. 69].

Колониальное господство империалистических держав превратило африканские колонии в аграрно-сырьевые придатки метрополий. В течение длительного времени колонизаторы эксплуатировали природные и людские ресурсы стран Африки. В результате сельскохозяйственное производство во многих из них получило монокультурное развитие и было подчинено интересам иностранных монополий. Африканское сельское хозяйство поставляло на мировой рынок продукты субтропического и тропического земледелия, которые пользовались спросом и приносили огромные прибыли хозяевам метрополий.

Классовое расслоение в африканской деревне ускорилось в ходе европейской колонизации и развития товарно-денежных отношений. Крестьяне лишались общинных земель и превращались в арендаторов. При этом земельная рента была натуральной (часть урожая) или смешанной (натурально-денежная), иногда по договору она заменялась отработками. Колонизаторы передавали в собственность местным правителям, их приближенным и родственникам обширные земельные владения; тем самым создавалась социальная опора колонизаторов среди местных жителей в лице класса африканских феодалов.

Развитие капиталистических отношений в африканской деревне связано с внедрением и ростом производства экспортных культур. Лучшие плодородные земли, отчужденные у местного населения колонизаторами, составили крупные владения иностранной собственности; они использовались под посевы хлопчатника, арахиса

са, сахарного тростника, под посадки кофе, какао, масличной пальмы, винограда, цитрусовых и т. д. Методами экономического и внеэкономического принуждения колонизаторы ориентировали на выращивание экспортных культур и хозяйства местного населения.

Европейское колониальное влияние привело к крайнему ослаблению продовольственного сектора африканской экономики, сильной зависимости стран континента от импорта продовольствия.

Так, в Северной Африке колонизаторы создали европейский капиталистический сектор в сельском хозяйстве. Используя экспроприацию плодородных земель Средиземноморского побережья, осваивая незанятые земли, вводя систему купли-продажи земли, колонизаторы сосредоточили в своих руках значительные земельные площади, которые использовались для производства товарных экспортных культур, идущих на мировой рынок, в ущерб производству продовольствия для местных жителей.

Огромный размах обезземеливания, аграрное перенаселение в странах Северной Африки породили самые жестокие по своим условиям арендные отношения, в том числе многоступенчатую аренду. Собранный крестьянином урожай распределялся между многочисленными хозяевами средств производства, а оставшаяся его доля была настолько мала, что обеспечивала ему и его семье лишь полуголодное существование.

Внедрение товарной культуры в крестьянские хозяйства крайне неблагоприятно сказывалось на производстве продовольствия. Например, алжирский крестьянин не мог конкурировать с крупным производителем, применяющим наемный труд, сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения, современные достижения науки в производстве винограда. Высокие налоги заставляли крестьянина постоянно расширять долю виноградных посадок и сокращать посевы продовольственных культур. Постоянное дробление крестьянских наделов от поколения к поколению при передаче их по наследству, урезание земель в пользу крупных владельцев за неуплату долгов, высокая конкуренция товарной культуры приводили к разорению мелких и мельчайших производителей, которые превращались в безземельных сельскохозяйственных пролетариев. Так, Э. Готье отмечал, что в такой перенаселенной стране, как Египет, где плотность населения в долине Нила достигала 800 человек на 1 кв. км, сокращение производства продовольственных культур за счет увеличения производства хлопка становилось поистине опасным [15, с. 198].

Наряду с современным капиталистическим сектором крупных хозяйств европейцев и некоторых средних и крупных хозяйств местного и смешанного капитала в колониальных владениях существовало огромное число мелких и мельчайших крестьянских полунатуральных и натуральных хозяйств, где уровень производительных сил не претерпел никаких изменений за более чем столетний период колонизации.

Продовольствия, произведенного в своем хозяйстве, основан-

ном на примитивном ручном труде, архаических средствах производства, крестьянину не хватало до будущего урожая. Денег, вырученных за продажу товарной культуры, едва хватало на покрытие издержек производства, на выплату налогов (которые постоянно росли), но их не хватало для покупки импортного продовольствия.

Положение наемных сельскохозяйственных рабочих в капиталистическом секторе было несколько не лучшим. Плата за труд настолько была низкой, что денег едва хватало на скудное пропитание и уплату налогов. Сельскохозяйственный рабочий не мог купить подчас мясо, сыр, масло, т. е. продукты дорогостоящие. Для него доступными в денежном отношении являлись более дешевые продукты — хлеб, крупа, овощи. Но на внутреннем рынке не всегда было достаточно дешевого продовольствия.

М. Лоней отмечает, что распространение товарной экспортной культуры в Северной Африке потеснило не только земледельца в его производстве продовольствия, но и вытеснило в самые неблагоприятные — южные, засушливые — районы скотовода [18, с. 36—37]. Он указывает на скромный пищевой рацион алжирского скотовода, который оценивался в 60-е годы в 2028 кал., в то время как пищевой рацион в 2300 кал. в условиях Северной Африки оценивается как недоедание. Обычно употребляемые им продукты: манная крупа (900 кал.), хлеб (694 кал.), сахар (400 кал.), жир (30 кал.), кофе (4 кал.). Мясо употреблялось им довольно редко, источником животного белка в его еде было в основном молоко. Масло, сыр, приплод скота кочевник обычно продавал на рынке, чтобы купить продукты растениеводства, заплатить налоги.

В Восточной и Южной Африке европейские колонизаторы не только внедряли экспортные товарные культуры в ущерб производству культур продовольственных, но своей хозяйственной политикой оказали также неблагоприятное влияние на развитие местного животноводства и обеспечение населения продуктами животного происхождения. В отличие от Северной Африки в Восточной и Южной Африке были созданы крупные европейские животноводческие хозяйства, особенно в Кении, Танзании, скотоводческих районах Анголы, Мозамбика, Мадагаскара. Ранчо и фермы европейцев размещались на землях с богатыми пастбищами. Колонисты сосредоточили в своих руках племенное хозяйство, ветеринарную службу, закупку и сбыт продукции животноводства, внешнюю торговлю. Они производили и поставляли основную товарную продукцию на местный и на европейский рынок (мясо, масло, сыр).

Однако рядом с высокотоварными фермами существовало низкопродуктивное, малотоварное животноводство местных жителей. Местным скотоводам были недоступны достижения ветеринарии, племенной работы, хорошие кормовые угодья. Доступные для них пастбища были малопригодны для выпаса скота. Продуктивность скота почти не изменилась за столетие, и методы ведения живот-

новодства, производство и потребление продуктов животного происхождения остались практически без изменения. В Кении, например, где молочное производство достигло наибольшего развития, местное производство масла по количеству и качеству значительно уступало маслу, произведенному в европейском секторе; местный животновод не мог конкурировать с европейским предпринимателем, последний вытеснял его с рынка.

Низкая продуктивность местного животноводства «компенсируется» увеличением поголовья, что ведет к перегрузке и истощению пастбищ, уменьшению площадей обрабатываемых земель. Так, в Уганде возникает конфликт «корова — мотыга», на который указывает Ж.-П. Гарруа: «Пока европейцев не было, увеличение поголовья туземного скота могло бы иметь место на участках природной растительности, еще не использованных в качестве пастбищ. В настоящее же время этому мешают существующее земельное законодательство и фактическая оккупация европейцами многочисленных, некогда свободных земель (европейские плантации или животноводческие фермы, земли, сданные под горнорудные разработки, и т. д.)» [4, с. 295—296].

Продовольственное положение местных скотоводов мало менялось за весь период европейской колонизации и даже ухудшилось. В пищу они могут позволить себе употребление молока, но редко убивают животное для собственного потребления мяса. Отсюда — относительно небольшая доля потребления мяса в пищевых рационах населения, занимающегося скотоводством. Низкий уровень потребления мяса и других продуктов животного происхождения остальным местным населением стран относительно развитым животноводством объясняется прежде всего низкой покупательной способностью основной массы трудящихся, плохо налаженными рыночными связями и другими причинами. Если выращивание скота было доступно местным жителям, то закупка и сбыт его, основное производство мяса и других продуктов животноводства и сбыт их были сосредоточены в руках европейцев. Высокие цены на мясо и низкие закупочные цены на низкопродуктивный скот местных жителей способствовали обогащению колонизаторов и снижению доходов африканских скотоводов. Низкие закупочные цены на местный скот тормозили также поставки его на рынок, а также поставки мясо-молочных продуктов. Эти поставки постепенно были вытеснены продукцией высокотоварного европейского сектора. Однако основная масса продуктов животного происхождения шла на экспорт, так как высокие цены делали ее недоступной для низкооплачиваемых слоев местного населения. Основными потребителями продуктов животноводства внутри стран были зажиточные слои населения городов, иностранцы. Сельские жители (особенно земледельческих районов) крайне плохо снабжались мясо-молочными продуктами из-за отсутствия дорог, специализированных транспортных средств и холодильных установок. На местных рынках чаще всего сбывался «живой» товар (в основном мелкий рогатый скот). Раздельное занятие ско-

товодством и земледелием затрудняло товарообмен земледельцев и скотоводов. Особенно трудно было реализовать продукцию кочевникам-скотоводам, которые кочуют со своими стадами в поисках кормов на большие расстояния от оседлых земледельческих районов, городов — рынков сбыта.

Особенно ухудшилось положение с продовольствием в Центральной Африке, в зоне экваториальных лесов, а также в районах тропических переменнo-влажных лесов Западной Гвинеи, где традиционные пищевые рационы населения нарушились. Созданное европейцами плантационное хозяйство товарно-экспортных культур (кофе, какао, масличной пальмы, гевеи в БСК, Гане, Того, Либерии, Нигерии, Конго, Камеруне и др.) вызвало значительное сокращение производства продовольственных культур местными жителями. Тропическое плантационное хозяйство основано на ручном труде, что требует огромного числа рабочих, особенно в периоды сбора урожая, где использовался в основном труд мужчин, которые таким образом отвлекались от производства продовольствия. Экспортные технические культуры быстро истощали почву. Недостаточное применение удобрений, особенно в мелкотоварном африканском секторе в условиях подсечно-огневого земледелия, привело к сокращению сроков залежи, сильному истощению почв, развитию эрозионных процессов, деградации почвенного покрова. Выращивание товарных культур в крестьянских хозяйствах неблагоприятно сказалось на производстве продовольственных культур (ограничивалось, например, производство риса, трудоемкой культуры, и выращивались нетребовательные, нетрудоемкие культуры — маниок, ямс, таро). Спрос населения на рис и другие зерновые культуры не удовлетворялся местным производством, и регион зависел от импорта этих культур. Животноводство не получило здесь развития в колониальный период. Поэтому пищевые рационы местного населения Центральной и Западной Гвинеи плохо сбалансированы: они страдали недостатком белков (из-за ограниченного потребления продуктов из зерна и крайне недостаточного потребления продуктов животного происхождения). Хроническое белковое голодание населения этих регионов привело к серьезным нарушениям в структуре и физиологической деятельности человеческого организма. Особенно страдали от белковой недостаточности дети, которые болели квашиоркором, рахитом и другими болезнями, что приводило к высокой детской смертности. Неполноценное питание взрослого населения неблагоприятно сказывалось на трудоспособности и продолжительности жизни.

Колониальные власти понимали, что ухудшение питания отрицательно влияло на воспроизводство рабочей силы. Для того чтобы рабочие могли выполнять тяжелые сельскохозяйственные работы на плантациях и фермах европейского сектора, их кормили кукурузой, рисом, жиром, т. е. продуктами, дающими энергию. Пищевые рационы, основанные на высококалорийных продуктах, были неполноценными, в них отсутствовали белки животного происхождения, и это неблагоприятно отражалось на здоровье людей.

С ростом добывающей и некоторых отраслей перерабатывающей промышленности за колониальный период значительно выросло городское население, что обусловило спрос на товарное продовольствие. Так как в африканском сельскохозяйственном секторе повсеместно преобладали мелкие натуральные и полунатуральные хозяйства, то товарного продовольствия в достаточном количестве, чтобы обеспечить им городское население, производиться не могло. Снабжением городских жителей практически занимались европейские хозяйства, специализирующиеся на производстве продовольствия, идущего на местный рынок, и незначительная часть крупных и средних местных африканских хозяйств. В этих хозяйствах использовался наемный труд. Таких хозяйств было немного, так как производство экспортных культур, идущих на мировой рынок, было более прибыльным. В основном спрос быстро растущего городского населения на продовольствие покрывался за счет его импорта.

Нехватка продовольствия в африканских колониях ощущалась уже накануне второй мировой войны. Об этом свидетельствуют данные ФАО — первая оценка мирового продовольственного положения [12, с. 15—27]. Во втором обзоре мирового продовольственного положения, изданном ФАО в 1952 г., отмечалось, что уровень питания населения африканских стран в послевоенные годы был ниже, чем до второй мировой войны [13, с. 20—24]. Данные третьего обзора мирового продовольственного положения, опубликованные в 1963 г., относились к 1957—1959 гг. Они свидетельствовали о том, что калорийность питания африканского населения ниже установленной специалистами ФАО нормы, а также о неполноценности пищевых рационов более половины населения континента [14, с. 29—35].

В начале 60-х годов в большинстве африканских стран в среднем на одного жителя приходилось 2100 кал. и 59 г белков в суточном пищевом рационе, что ниже минимальных норм калорий и белков, установленных ФАО для условий Африки. Особенно недостаточна доля продуктов животного происхождения в пищевых рационах африканцев. Так, в Заире на одного жителя в сутки приходилось 2040 кал. и 33 г белков при норме 2400 кал. и 60 г белков [19, с. 45].

В последнее десятилетие производство продовольствия на душу населения в освободившихся странах Африки растет незначительно, а в ряде стран имеет тенденцию к снижению. В структуре продовольственных ресурсов в целом по Африке преобладают корнеклубнеплоды (200 кг на человека в год) и зерновые (140 кг на человека в год), невелика доля овощей, растительного масла, сахара [7, с. 505—507, 509—510]. Продукты животного происхождения по-прежнему употребляются мало (мясо — 8 кг на душу населения в год, молоко — 20, масло — 0,6, сыр — 0,4 кг) [8, с. 42—46]. Эти средние данные часто сильно отличаются от данных, отражающих положение в разных регионах, отдельных странах и внутри стран.

Многолетняя засуха в конце 60-х — начале 70-х годов крайне обострила продовольственную проблему в странах зоны Сахеля (Мали, Нигере, Чаде, Верхней Вольте, Сенегале, Мавритании). В условиях крайней экстенсивности сельскохозяйственного производства и отсутствия каких-либо продовольственных запасов засуха вызвала массовую гибель скота в животноводческих районах, нанесла большой урон растениеводству, что привело к массовому голоду среди крестьян. По далеко не полным данным, в странах Сахеля умерли от голода сотни тысяч человек. Сильно пострадало от засухи сельское хозяйство аридных районов Эфиопии, Судана, Танзании, Кении, Сомали, Мадагаскара, северных районов Нигерии, Камеруна и т. д.

Правительства этих стран серьезно озабочены состоянием производства продовольствия. Принимаются срочные меры для ликвидации последствий многолетней засухи, намечаются долгосрочные программы развития сельского хозяйства в целом и подъема производства продовольствия в частности. С помощью международных организаций созданы проекты освоения внутренних вод региона, развития ирригации, однако встает проблема материально-технического осуществления этих проектов.

Увеличение продовольствия в современной Африке связано с целым рядом сложных и глубоких социальных, экономических, технических и культурных преобразований.

В планах национального развития освободившихся африканских государств отражаются вопросы подъема сельского хозяйства — основы экономики большинства африканских стран. Принимаются меры, направленные на увеличение производства продовольствия. Многие страны ставят задачу достижения продовольственной независимости в рамках борьбы за экономическую самостоятельность.

Преобладающие традиционные хозяйства натурального и полунатурального типа, производящие продовольствие, не удовлетворяют спрос на него быстро растущего населения. В связи с бурным ростом городов за годы независимости встает проблема производства товарного продовольствия и обеспечения им городских жителей. Одна из основных задач преобразования традиционного сектора для решения продовольственного вопроса — это повышение товарности в производстве продовольствия.

Препятствием на пути повышения товарности производства продовольствия в крестьянских хозяйствах является низкая доходность производства продовольственных культур, которые не могут конкурировать с товарно-экспортными культурами, приносящими более высокий доход. Например, продажа риса в Сенегале на внутреннем рынке дает в 2,5 раза меньше дохода, чем реализация арахиса; на Мадагаскаре продажа кофе дает в 4 раза больше прибыли, чем рис [3, с. 272—273].

Покупательная способность местного населения низка. Валовой внутренний продукт на душу населения в год у более чем половины населения Африки исчислялся в сумме менее 100 долл.

[19, с. 21] (Эфиопия, Заир, Мадагаскар, Уганда, Кения, Танзания, Бурунди, Малави, Руанда, Мали, Верхняя Вольта, Нигер, Чад, ЦАР, Гамбия, Того и др.). Для четверти населения ВВП равен 100—200 долл. на одного жителя (Камерун, Либерия, Марокко, Египет, Судан, Сенегал, Сьерра-Леоне, Мавритания), и только десятая часть населения имеет ВВП более 200 долл. на одного человека. Это обстоятельство осложняется плохо налаженными рыночными связями между городом и деревней, которые затрудняют реализацию произведенных излишков продовольствия. Бездорожье, отсутствие современных транспортных средств и большая территориальная распыленность крестьянских хозяйств, производящих продовольствие, тормозят товарообмен, а следовательно, и циркуляцию капитала в экономике африканских стран. Роль посредников между производителями и потребителями продовольствия играют торговцы, скупщики товара, которые присваивают часть прибыли от производства за счет низких закупочных цен и высоких сбытовых цен. Низкие цены на продовольствие неблагоприятно влияют на развитие расширенного воспроизводства продовольствия. Установление твердых закупочных цен на продовольствие, ликвидация системы скупщиков могли бы стимулировать заинтересованность производителей продовольствия в увеличении товарности производства продовольствия. Большая роль в решении этой проблемы принадлежит развивающейся закупочно-сбытовой кооперации, а также регулирующей роли государства в области торговли в развивающихся странах. Немаловажно решение проблемы повышения таможенных цен на ввозимое продовольствие, которое является конкурентом местного производства продовольствия.

Важным вопросом в повышении товарности производства продовольствия является повышение производительности труда в мелком крестьянском хозяйстве. Повышение производительности крестьянского труда зависит от обеспечения производства сельскохозяйственными машинами, достаточным количеством минеральных удобрений, а также другими современными средствами производства. Слаборазвитая промышленность сдерживает обеспечение производства продовольствия современными средствами производства. Недостаточные бюджетные средства аграрных африканских стран не позволяют закупать необходимое количество машин и удобрений. Поэтому развитие национальной промышленности является важным условием создания материально-технической базы производства продовольствия. Однако промышленность, начавшая развиваться в годы независимости, только через определенное время сможет стать базой для производства продовольствия.

Актуальна проблема образования более эффективных производственных единиц, которые в условиях недостаточного количества современных средств производства могли бы оптимально их использовать для производства продовольствия. Создание государственного сектора в развивающихся странах позволяет рациональ-

но использовать землю, имеющиеся машины, удобрения, сортовые семена, финансы для повышения товарности и доходности хозяйств, специализирующихся на производстве продовольствия. Постепенное кооперирование мелких крестьянских хозяйств при укреплении материально-технической базы производственных кооперативов сыграет решающую роль в процессе перехода от натурального к товарному производству продовольствия в будущем.

Современная организация рентабельного производства продовольствия требует развертывания научно-исследовательской работы и внедрения достижений сельскохозяйственной науки в производство продовольствия, подготовки специалистов сельского хозяйства и обеспечения производства квалифицированными кадрами. В решении продовольственной проблемы в условиях малограмотности крестьянских масс имеют значение просвещение всего населения, преодоление вредных традиций в области питания.

Увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, внедрение современных методов его ведения в конечном счете не смогут дать должного экономического эффекта для всех слоев населения без проведения соответствующих социальных преобразований. Они сводятся к коренной реформе сложных аграрных отношений в условиях многоукладного общества (изменению существующих систем землевладений и землепользований), к ликвидации эксплуатации наемного труда, созданию условий для распределения произведенного продукта по труду. Решение этих проблем связано с выбором пути общественно-экономического развития молодых африканских государств.

На современном этапе в развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути развития, проводятся аграрные реформы, направленные на ликвидацию иностранной собственности, а также на ломку докапиталистических аграрных отношений и создание предпосылок для развития местного капиталистического предпринимательства. Так, в Заире, Габоне, БСК, Марокко, Кении происходят частичная национализация или выкуп земли, принадлежащей иностранным собственникам (компаниям, частным лицам), и передача ее в частное владение местных жителей с целью поощрения частнокапиталистического предпринимательства или создания государственно-капиталистических сельскохозяйственных предприятий. Местный капитал в африканских развивающихся странах находится в стадии первоначального накопления, что сдерживает развитие крупных капиталистических хозяйств и создает условия для образования средних и мелких капиталистических хозяйств. Из-за слабости национального капитала возникает необходимость привлекать в эти страны иностранный капитал. Широкое привлечение иностранного капитала ведет к росту внешних долгов и займов, к неокOLONIALной зависимости от мирового капитала.

Производству продовольствия по-прежнему уделяется мало внимания: Оно поступает, как правило, от натуральных и полунатуральных крестьянских хозяйств. Создание капиталистических

товарных хозяйств по производству продовольствия ведет к эксплуатации наемного труда, неравномерному распределению доходов и контрастам в потреблении продовольствия. Поэтому контроль над производством и распределением произведенного продукта для государства почти недоступен.

В африканских странах социалистической ориентации осуществляются глубокие социально-экономические преобразования, в том числе формируются благоприятные предпосылки для развития сельского хозяйства и подъема производства продовольствия. Так, революционно-демократическое правительство Алжира, последовательно осуществляя принципы аграрной реформы, добились полной национализации земли иностранного сектора, осуществило перераспределение ее среди безземельных и малоземельных крестьян и образование государственного сектора самоуправления в сельском хозяйстве как основы роста производства, улучшения материального положения беднейших слоев крестьянства [2, с. 140—156]. Несмотря на трудности, которые стояли на пути развития сектора самоуправления (недостаток опыта в управлении, нехватка квалифицированных кадров, трудности сбыта продукции, финансирования и т. д.), в последние годы этот сектор окреп, повысилась рентабельность самоуправляемых хозяйств. Ныне сектор самоуправления дает значительную долю товарного зерна, овощей, фруктов в стране.

В 70-е годы, следуя принципам Хартии аграрной революции, правительство Алжира приступило к новому этапу преобразований — ограничению эксплуататорской собственности (земельных владений и стад животных), ликвидации сложных, многочисленных статусов землевладения и землепользования, водопользования, освоению земель и т. д. в интересах трудового крестьянства (например, упраздняется одна из самых тяжелых форм аренды земли — «хаммесат», при которой крестьянин обрабатывал землю за пятую часть произведенного продукта). Конфискованные в результате реформы земли передаются безземельным и малоземельным крестьянам с последующим их объединением в производственные кооперативы. Госхозам и кооперативам государство оказывает помощь финансами, сельскохозяйственной техникой, инвентарем, удобрениями, семенами, направляет на работу квалифицированных специалистов. В этих хозяйствах формируются новые производственные отношения. Государственный сектор в сельском хозяйстве увеличивается в стране за счет создания так называемых социалистических деревень на вновь осваиваемых землях.

Все эти меры способствуют улучшению продовольственного положения трудящихся. Получившие землю крестьяне используют ее прежде всего для обеспечения семьи продовольствием. Государственные хозяйства и кооперативы производят продовольствие для внутреннего рынка. Последние имеют большие потенциальные возможности для превращения в высокотоварные хозяйства и выполнения роли товарного производства продовольствия для страны.

В Алжире создается материально-техническая база производства продовольствия. На собственной металлургической базе строятся заводы сельскохозяйственных машин в Аннабе, Ороне, Константине, Аль-Аснаме, Сиди Бель-Аббесе, Гельме. налажено производство минеральных удобрений (Арзев, Аннаба, Скикда). Увеличиваются капиталовложения в развитие сельского хозяйства за счет рационального перераспределения «нефтедолларов» между всеми отраслями хозяйства.

Накоплен опыт кооперирования крестьянства в Танзании [6, с. 112—132]. Национальный союз африканцев Танганьики (ТАНУ) последовательно проводит в жизнь решения Арушской декларации 1967 г., направленные на подъем жизненного уровня крестьянства — основной массы населения, на ликвидацию эксплуатации человека человеком. Партия и правительство выдвинули задачу развития сельского хозяйства Танзании на основе кооперации и коллективного труда — по принципу создания деревень-уджамаа. Уджамаа предусматривает совместное участие жителей в производстве и сбыте сельскохозяйственной продукции, модернизации сельского хозяйства, научную организацию производства, использование современных методов агротехники. Деревни-уджамаа начали создаваться в 1967 г. Эффективность их неодинакова, так как большинство из них находятся на стадии организации и уровень общественного производства довольно низок. Но часть кооперативов представляет собою многоотраслевые производственные хозяйства с довольно высоким уровнем коллективного производства, рентабельные. Их создание наталкивается на сопротивление зажиточных слоев деревни.

На пленуме Национального исполнительного комитета ТАНУ в 1972 г. (Иринга) указывалось на два основных направления в развитии сельского хозяйства. Первое — увеличение производства продовольственных культур в целях самообеспечения страны продовольствием; второе — увеличение производства тех экспортных культур, которые обеспечивают на данном этапе основные валютные поступления страны. В решении этих задач особая роль возлагалась на производственные кооперативы деревень-уджамаа и намечались дальнейшие меры их модернизации, улучшение их хозяйственной деятельности.

Глубокие демократические преобразования ведутся в течение последних лет в Эфиопии, с приходом к власти Временного военного административного совета (ВВАС). Декретом о земельной реформе 1975 г. вся земля объявлена общенародной собственностью [10, с. 103—105]. Земля распределяется среди крестьян, батраков, арендаторов. Лица, сами обрабатывающие землю, могут иметь наделы в частном владении, но не разрешается нанимать батраков. Специальный декрет отменяет долги и обязательства арендаторов перед бывшими землевладельцами.

На уровнях района, округа, провинции в Эфиопии создавались крестьянские ассоциации, на которые первоначально возлагались задачи осуществления земельной реформы (с помощью уполномо-

моченных администрации они выполняли функции учета и распределения земель). Впервые за длительную историю крестьяне получили право на управление землей и хозяйством. Затем на базе крестьянских ассоциаций стали создаваться производственные кооперативы. Государственные фермы в будущем станут основной производственной ячейкой, которая должна обеспечить нужды страны в продовольствии. Крупные товарные хозяйства постепенно перейдут в государственную собственность и станут базой для модернизации сельского хозяйства. Ставится задача ликвидации системы перекупщиков и создания закупочно-сбытовых кооперативов. Организуются центры просвещения крестьян, где их обучают современным методам обработки земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.
2. Алжир. Справочник. М., 1977.
3. Гаврилов Н. И. Проблемы планирования и развития сельского хозяйства в странах Африки. М., 1973.
4. Гарруа Ж.-П. Африка — умирающая земля. М., 1954.
5. Кастро Ж. де. География голода. М., 1954.
6. Кацман В. Я. Современная Танзания. М., 1977.
7. Ковальчук Н. С. Некоторые экономико-географические аспекты продовольственной проблемы в развивающихся странах Африки.— Известия Всесоюзного географического общества. Т. 108. Л., 1976.
8. Ковальчук Н. С. Географический аспект современного животноводства в Африке.— Африка. Продовольственная проблема Африки (социальные, политические и экономические аспекты). М., 1977.
9. ООН. Всемирная продовольственная конференция. Рим, 5—16 ноября, 1974 г. Conf. 65/3.
10. Старушенко Г. Б. Социалистическая ориентация в развивающихся странах. М., 1977.
11. Cornevin R. et M. Histoire de l'Afrique. P., 1964.
12. FAO. The State of Food and Agriculture. Rome, 1950.
13. FAO. The State of Food and Agriculture. Rome, 1952.
14. FAO. The State of Food and Agriculture. Rome, 1963.
15. Gautier E. F. L'Afrique blanche. P., 1939.
16. Isnard H. Le Magreb. P., 1966.
17. Julien Ch.-A. Histoire de l'Afrique du Nord. P., 1966.
18. Launay M. Paysans algériens. P., 1963.
19. UN. Statistical Yearbook, 1972. N. Y., 1973.

Ю. Д. Дмитриевский

ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ СУДАНА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

1 января 1956 г. в Хартуме состоялось торжественное провозглашение нового суверенного государства, которое ныне носит название — Демократическая Республика Судан.

Незадолго до этого события в стране была проведена первая в ее истории перепись населения, и выяснилось, что численность его на 1955/56 г. составила 10,2 млн. человек.

Основные особенности географии населения к моменту провозглашения независимости сводились к следующему:

1) городское население составляло не более 5—6%; лишь в одном Омдурмане проживало более 100 тыс. человек;

2) вместе с тем уже в то время сформировался «тройной город» Хартум—Омдурман—Северный Хартум (при слиянии Белого и Голубого Нила), общая численность населения которого, по данным переписи, составила 146 тыс. человек (примерно $\frac{1}{2}$ всего городского населения страны);

3) бросались в глаза большие различия в плотности населения по провинциям и внутри их (при средней плотности для всего Судана 4,1 человека на 1 кв. км соответствующий показатель для провинции¹ Хартум, в первую очередь, конечно, благодаря «тройному городу», составлял 24,1, для провинции Голубой Нил — 14,6, а для пустынной Северной провинции, где население сосредоточено лишь в долине Нила, — 1,8 человека на 1 кв. км; среди отдельных «переписных» округов особо значительной была плотность населения в районе орошения Северной Гезиры (включая г. Уэд-Медани) и в районе орошаемого земледелия дельты хора² Гаш (с г. Кассала);

4) согласно нашим приблизительным оценкам [4, с. 101], оседлое население составляло 70%, оседло-кочевое³ — 20, полукочевое — 3, кочевое — 7% общего населения страны;

5) примерно для 54% населения арабский язык был родным, а еще для 13% — вторым; 71% населения исповедовал ислам; при

¹ Провинции — по административному делению того времени.

² Временного водотока.

³ К нему мы относим народы, круг основной хозяйственной деятельности которых совмещает оседлое земледелие с отгонно-пастбищным животноводством.

этом мусульманское, преимущественно арабоязычное, население сконцентрировано на севере страны, в то время как Юг — область, населенная большим числом народов, говорящих на разных языках и исповедующих преимущественно различные формы традиционных религий Тропической Африки; это этноконфессиональное деление страны на Север и Юг имело и имеет важнейшее значение и самым существенным образом отразилось на всех последующих изменениях в географии населения, о которых речь впереди;

б) аграрный характер экономики Судана имел своим следствием малую численность рабочего класса, которая, по ориентировочным данным (вместе с сельскохозяйственным пролетариатом), составляла 400—500 тыс. человек [5, с. 79]; подавляющая часть рабочих была сосредоточена в «тройном городе», Порт-Судане и в хлопководческих районах Северной Гезиры и дельт хоров Гаш и Барака.

Все публикуемые данные об изменениях численности населения Судана, его отдельных районов, показатели прироста населения весьма приблизительны — в первую очередь из-за неточности оценок для Юга.

Все же можно констатировать, что естественный прирост населения (в 1965—1970 гг. — 30,5% при рождаемости 48,9% и смертности 18,4%, в 1970—1975 гг. — соответственно 30,3, 47,8, 17,5%) в 60-х и 70-х годах был выше общего прироста (в 1963—1972 гг. — 2,7%) [10, с. 134; 12, с. 154], откуда следует несомненный вывод об отрицательном сальдо миграций населения⁴. В первой половине 70-х годов отток населения из страны увеличился, ибо в 1970—1974 гг. средний годовой прирост населения составил всего 2,5%, а свидетельств уменьшения естественного прироста нет [11, с. 109].

Основная причина оттока населения из Судана — события на юге страны, начавшиеся в конце 50-х годов и прекратившиеся в начале 70-х, после того, как 27 марта 1972 г. в Аддис-Абебе было подписано соглашение об автономии Юга, положившее конец трагическим событиям в этой части государства. Причины этих событий, их ход и последствия не являются темой настоящей статьи⁵. Здесь важно лишь подчеркнуть, что к моменту заключения упомянутого соглашения в результате многолетней и чрезвычайно болезненной коллизии на Юге (а к нему обычно относят три провинции — Экваториальную, Верхний Нил и Бахр-эль-Газаль) прекратили работу имевшиеся там многочисленные промышленные предприятия; дороги и мосты были разрушены; большая часть школ закрыта; Белый Нил и его притоки перегорожены зарослями водного гиацинта и затонувшими судами; так называемая «схема Занде» (своего рода показательный многоотраслевой «агропромышленный комплекс») заброшена; товарные культуры практиче-

⁴ Подробности о движении населения Судана в 60-е годы см. в статье А. Л. Бессоновой [1].

⁵ О них см. в книге Е. А. Биргауз [2].

ски исчезли с полей [8, с. 512—513]. Все это было теснейшим образом связано с невиданными для страны миграциями населения (включая отток его за границу).

Опубликованные цифры, конечно, очень разноречивы, но достаточно ярко демонстрируют масштабы миграций.

Как отмечает Е. А. Биргауз, в период правления в стране генерала Аббуда «количество южносуданских беженцев составляло, по оценочным данным, 50 тыс. Уменьшившись в результате позитивных мер революционного правительства в конце 1964 — начале 1965 г., этот поток снова резко возрос в связи с кровавыми инцидентами во второй половине 1965 и в 1966 г. достигал, по данным ООН, 100—115 тыс. Затем правительству Махджуба с помощью создания „мирных деревень“ внутри страны и заключения взаимовыгодных соглашений с соседними странами удалось репатриировать из-за границы некоторую часть беженцев. Но потом ввиду половинчатости южной политики правящих кругов Судана, активизации Анья-Нья⁶ и усиления ответных карательных действий правительственных войск в результате усиленной пропаганды южносуданских сепаратистов число беженцев снова возросло и в 1969 г. достигло 160—170 тыс.» [2, с. 158].

Но дело не ограничилось эмиграцией южан в соседние страны. Часть их оказалась в лагерях внутри страны, и, по мнению Д. Родена, около полумиллиона южносуданцев оказалось в лагерях беженцев внутри и вне страны [8, с. 512—513]. Огромное количество людей бежало из населенных пунктов в саванну. По данным Д. Родена, в ходе этой внутренней миграции от болезней и голода в 1963—1972 гг. погибло около полумиллиона человек и столько же — в ходе военных действий [8, с. 513]. Тем не менее еще около 1 млн. беженцев было к марту 1974 г. репатриировано из саванны. К этой же дате около 200 тыс. человек было репатриировано и из-за границы [2, с. 194].

По мнению Д. Родена, кроме того, от 750 тыс. до 1 млн. человек в ходе южносуданских событий ушло с юга на север страны в поисках убежища и работы. Эта масса людей явилась огромным источником дешевой рабочей силы [8, с. 513].

Юг был, конечно, самым крупным, но не единственным районном внешних и внутренних миграций. В те же, 60-е годы «в самом Судане также находились беженцы из других стран: мусульмане из Эритреи (Эфиопия) — около 20 тыс., а также конголезские (заирские.— Ю. Д.) симба — около 7 тыс.» [2, с. 160].

На севере страны крупные миграционные процессы были связаны с новым гидростроительством и развитием искусственного орошения. Так, районом притяжения земледельческого населения продолжал оставаться главный хлопководческий район Судана — Северная Гезира, где на западе были орошены новые земли в результате создания Манагильской ветви Гезирской системы. При этом число арендаторов и сезонных рабочих Гезиры удвои-

⁶ Вооруженная повстанческая организация южан.

лось, а плотность населения в западной части Северной Гезиры резко возросла.

В 1966 г. был перекрыт плотиной Голубой Нил близ судано-эфиопской границы, появились ГЭС Росейрос и расположенное выше водохранилище, воды которого предназначены для орошения земель Южной Гезиры (система Кенана). Эта оросительная система уже притянула в последние годы значительное население из разных районов страны.

После перекрытия Нила в ходе сооружения в Египте высокой Асуанской плотины (1964) началось заполнение водохранилища Наср, воды которого постепенно затопили прилегающие районы Судана с г. Вади-Хальфа. Поэтому пришлось выселить из района затопления примерно 55 тыс. человек и всех, за небольшим исключением, переселить на берега р. Атбары, где построены плотина Хашм-эль-Гирба, небольшая ГЭС и создана оросительная система по левобережью Атбары, рассчитанная на освоение примерно 200 тыс. га земель (главным образом под хлопчатник, пшеницу, арахис, сахарный тростник) [7, с. 182]. В районе Хашм-эль-Гирба появилось не только численно значительное сельское население, но и новый город — Новая Хальфа.

Как и во всех других странах, в Судане в годы независимости происходили миграции из сельской местности в города, причем не только внутрирайонные, но и, как уже отмечалось, перемещения жителей Юга в северные и центральные города.

Известно, что 70% населения Судана живет на 24% территории страны [2, с. 43], что отражает крайнюю неравномерность размещения населения. Рассмотренные выше миграционные процессы в целом лишь усилили ее: население еще более сконцентрировалось на севере страны, и особенно в расположенных преимущественно вдоль рек городах и районах крупнейших ирригационных систем.

Известно также, что в результате разных темпов прироста населения численность арабского и арабоязычного населения Судана увеличивается медленнее, чем «остального» — как его иногда называют, «африканского» — населения (преимущественно южан). Поэтому «ежегодно число африканцев возрастает на 50 тыс. больше, чем арабов. Следовательно, с течением времени страна по этностатистическому признаку все более становится негроидной» [2, с. 178].

По оценке американского ученого М. Шаффера, в 1971 г. из 15 640 тыс. человек, проживающих в Судане, арабы и арабизированные этнические группы составляли лишь 7260 тыс. [9, с. 142], т. е. 46% населения страны (накануне провозглашения независимости они составляли 54%). По некоторым данным [6, с. 788], в 1972 г. арабы составляли 39% населения Судана. Конечно, цифры эти более чем приблизительны, ибо и сами оценки численности населения Судана после переписи 1955/56 г. очень неточны, что легко понять в свете происшедших на Юге событий.

Каковы же оценки численности населения Судана в первой по-

ловине 70-х годов? 1970 г.— 15 503 тыс. человек [6, с. 788]; 1972 г.— 16 489 тыс. [10, с. 121]; 1974 г.— 17 324 тыс. [11, с. 109]; 1976 г.— 16 100 тыс. человек [13, с. 000]. Вместе с тем цenz 3 апреля 1973 г. дал юридическую цифру численности населения — 14 171 732 человека [11, с. 109]. Как видно, расхождения весьма значительны. Средняя ожидаемая продолжительность жизни, исчисленная на основании данных 1970—1975 гг., для женщины Судана оценивается в 50 лет, для мужчин — в 47 [12, с. 154]. Согласно прогнозам ООН, численность населения Судана должна возрасти до 26 млн. к 1985 г. и до 30 млн. человек к концу века [2, с. 18].

За годы независимости заметно возросла доля городского населения: по оценке 1972 г. [10, с. 147], оно составляло 2057 тыс. человек (т. е. 12,5% общей численности), а согласно оценке 1974 г. [11, с. 136] — 2289 тыс. человек (т. е. 13,2%).

За годы независимости изменилась «иерархия» крупнейших городов страны, причем число «стотысячников» уже к 1970 г. достигло четырех.

На первое место по числу жителей выдвинулась столица Хартум (1970 г.— 255 740 [6, с. 788], 1971 г.— 261 840 жителей [12, с. 254]); Омдурман остался на втором месте (1970 г.— 252 430, 1971 г.— 258 532 человека). На третье место выдвинулся занимавший в 1955—1956 гг. лишь седьмое место Северный Хартум (1970 г.— 123 050, 1971 г.— 127 672 человека) — промышленный район «тройного города», общая численность населения которого составила тем самым 631 220 человек в 1970 г. и 648 044 человека в 1971 г. (за годы независимости рост более чем в 4 раза) [12, с. 254].

В период суверенного существования Судана сильно вырос Порт-Судан: численность его населения возросла с 48 тыс. в 1955—1956 гг. до 110 тыс. человек в 1971 г., т. е. почти в 3 раза.

Численность населения «столицы Гезиры» Уэд-Медани увеличилась с 48 тыс. в 1955—1956 гг. до 75 тыс. человек в 1970 г., центра Кордофана Эль-Обейда — с 52 тыс. до 60 тыс., важного промышленного и транспортного центра Атбары — с 36 тыс. до 56 тыс. человек. Нетрудно подсчитать, что на долю семи названных городов приходится около половины городского населения страны.

Несмотря на создание в годы независимости ряда промышленных предприятий, расширение транспортной сети, Судан остается аграрной страной, и не удивительно, что и к 1970 г. 87% рабочей силы было занято в сельском хозяйстве [6, с. 788]. При этом численность промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, численность занятых на транспорте и в сфере обслуживания по сравнению с серединой 50-х годов значительно возросла (особенно в «тройном городе», Порт-Судане, Атбаре, Северной и Южной Гезире, Хашм-эль-Гирбе). Вместе с тем общая доля оседлого населения страны по сравнению с нашей оценкой для 50-х годов, по-видимому, не изменилась [3, с. 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонова А. Л. География трудовых ресурсов Демократической Республики Судан.— География трудовых ресурсов капиталистических и развивающихся стран. М., 1971.
2. Биргауз Е. А. Национально-этническая проблема Судана (1956—1968). М., 1975.
3. Демократическая Республика Судан (Справочник). М., 1973.
4. Дмитриевский Ю. Д. Судан. М., 1959.
5. Киселев В. И. Путь Судана к независимости. М., 1958.
6. Africa south of the Sahara 1972. L., 1972.
7. Babiner A. B. Die Landwirtschaft in der Demokratischen Republic Sudan.— «Petermanns Geographische Mitteilungen». DDR. Gotha, 1974, № 4.
8. Roden D. Regional Inequality and Rebellion in the Sudan.— «Geographical Review». N. Y., 1974, № 4.
9. Shaffer M. The Sudan: Arab-African Confrontation.— «Current History» (California). 1966, March.
10. UN. Demographic Yearbook 1972. N. Y., 1973.
11. UN. Demographic Yearbook 1974. N. Y., 1975.
12. UN. Demographic Yearbook 1975. N. Y., 1976.
13. UN. Demographic Yearbook 1977. N. Y., 1978.

Г. А. Лашова

ТИПОЛОГИЯ ФОРМ РАССЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУНИСЕ

Рассмотрение форм расселения — необходимый аспект экономико-географического изучения страны. Результаты научных исследований по выявлению особенностей территориальной организации населения учитываются при составлении планов развития страны, в практике государственного регулирования, т. е. представляют практический интерес. В формах расселения существуют два разнокачественных типа населенных пунктов — городские и сельские. Соотношение между ними является важнейшим классификационным признаком.

Особенности урбанизации. Тунис относится к числу африканских государств с относительно высокой степенью урбанизированности. Население городов людностью более 20 тыс. составляет 23% общей численности [10, с. 384]. По национальной статистике удельный вес городского населения равен 40%. В Тунисе к категории «город» относят населенные пункты, в которых находятся органы управления низшей административно-территориальной единицы — коммун. До 1957 г. их насчитывалось 66, а в 1966 г. — 144 [2, с. 11]¹. В 1971 г. в городах проживало 50,5% населения страны. Высоким уровнем урбанизации можно объяснить относительно низкие темпы роста городского населения в Тунисе на фоне других африканских государств. Городская цивилизация в стране зародилась еще в античные времена, и на Африканском континенте Тунис выделяется разветвленной, древней, относительно устойчивой сетью городов. Показательно, что после завоевания независимости ни один новый город не возник на «пустом месте».

Для городской сети страны характерно тяготение к морю. Все крупные и большинство малых городов сосредоточены в плотно заселенной равнинной береговой полосе.

Одной из центральных проблем географии населения является экономико-географическая классификация (типология) городов. плодотворно разрабатываемая видными советскими учеными

¹ Настоящая статья написана преимущественно на материалах всеобщей переписи населения Туниса, проводившейся в мае 1966 г. Последняя перепись была проведена в мае 1975 г. Ее материалы можно будет использовать в дальнейших исследованиях.

В. В. Покшишевским, О. А. Константиновым и др. При построении типологии городов Туниса учитывалась совокупность признаков: людность, функции, генезис, транспортно-географическое положение. Первоначально города Туниса были сгруппированы по людности, так как «игнорирование этого показателя,— указывает О. А. Константинов,— обесценивает попытки создания синтетической экономико-географической типологии городских поселений» [1, с. 7]. Выделены малые (от 10 тыс. до 20 тыс.), средние (от 20 тыс. до 50 тыс.), крупные (более 50 тыс.) в соответствии с конкретным составом численности тунисских городов.

Группа малых городов наиболее многочисленна, однако на нее приходится только 16,7% городского населения. Большая часть малых городов размещается в гуверноратах Сус, Гафса и Тунис². В этой группе встречаются многофункциональные и однофункциональные городские поселения. К ним относятся:

а) сельскохозяйственные города. Выросшие из крупных сельских населенных пунктов, они заняты обслуживанием прилегающей сельской местности, являясь ее организационными центрами. Слабое развитие чисто городских функций, в первую очередь промышленной, позволяет утверждать, что эти центры находятся еще на нижней стадии развития городской жизни. Наилучшие перспективы для роста, на наш взгляд, имеют Джендуба (единственный в группе малых городов административный центр гувернората), Матир, Тозер, обладающие в настоящий момент хорошими коммуникациями;

б) горнорудные города (Метлави, Редиф) — молодые по возрасту, возникли в непосредственной близости к месторождениям фосфоритов, в неблагоприятных климатических условиях с острым дефицитом влаги. Размещаясь в экономически отсталой, южной части Туниса, горняцкие города играют заметную роль в хозяйстве и распределении трудовых ресурсов страны. Сфера их влияния выходит за рамки гув. Гафсы, где они находятся, распространяясь от Джерида до окрестностей Эль-Кефа [19, с. 00];

в) города-спальни представлены ближайшим пригородом столицы Бен-Арус. Этот тип городских поселений обязан своим возникновением стремительному росту столицы (наиболее людные малые города относятся к полифункциональным);

г) торгово-ремесленно-сельскохозяйственные города имеют малый радиус сферы влияния (не более 25 км). На их развитие активное воздействие оказывает удобство транспортно-географического положения. Примером служат города-двойники Хаммам-Сус и Калья-Кебира. Расположение Хаммам-Суса на магистральном шоссе способствует его росту, постепенному превращению в спутник г. Суса. Худшие транспортные условия Калья-Кебиры, крупнейшего по людности среди малых городов, снижают темпы роста численности его населения;

² В административном отношении территория страны делится на 13 гуверноратов (гув.).

д) торгово-ремесленно-промышленные города (Махдия, Ксар-Хеллаль), в которых все большее градообразующее значение приобретает промышленность. Махдия в настоящее время превратилась в крупный рыболовный порт с развитой рыбоконсервной промышленностью. Стимулирующее воздействие промышленности заметно и для Ксар-Хеллала, но соседство с более крупным по размеру городом Мокнин сдерживает его развитие;

е) промышленные города-спальни (Мануба и Эль-Марса), обязанные своим возникновением расширению столицы, исполняют роль ее жилых и промышленных предместьев. Эль-Марса к тому же является дачным местом.

Средние города (вторая группа) в отличие от малых выделяются лучшей обеспеченностью транспортом и большим многообразием выполняемых функций. В средних городах проживает 23% городского населения Туниса. Расширенный спектр функций этих городов в отличие от малых определяет выделение типов в этой группе по преобладающей функции.

Первая. Административные центры — наиболее представительный тип средних городов. Они являются крупнейшими городами своих гуверноратов, занимают, как правило, центральное положение, имеют хорошее транспортное обеспечение. По происхождению города различны: Эль-Кеф возник как военная крепость, Кайруан — как опорная база арабского завоевания, Беджа выдвинулась в период европейской земельной колонизации. Привилегированное положение административных центров содействует высоким темпам роста: за последние 30 лет произошло удвоение численности их населения. Основные функции лежат в сфере нематериального производства (торгово-распределительная, административная, культурное обслуживание населения своего гувернората и страны в целом). Так, Кайруан является местом паломничества и крупным университетским городом Туниса. В последние годы отчетливо наметилась тенденция к диверсификации функций за счет промышленной и туристической.

Вторая. Города-спальни (Арьяна и Бардо), главной функцией которых является разгрузка столицы. Бардо занимает одно из первых мест по темпам роста среди тунисских городов.

Третья. Торгово-ремесленно-промышленные города. Среди них динамично развивается Монастир, который в последние годы стал оказывать конкуренцию Сусу (это один из наиболее благоустроенных городов Туниса, в течение двух веков служил «питомником» административных кадров страны и местом пребывания бывших чиновников и военных. В последнее время функции его расширились за счет развития промышленности и транспорта. Этому соответствует увеличение численности населения); «хирение» Мсакена объясняется близостью расположения к «региональной столице» Сусу, пригородом которого он должен стать в будущем.

Четвертая. Промышленные города представлены спутниками столицы (Ла-Гуллетт или Хальк-эль-Уэд, Радис, Хаммам-Лиф) и Мензель-Бургиба, который в известной мере можно рассматривать

как спутник Бизерты. Его формирование началось при протекторате с созданием арсенала для ремонта военных кораблей. После ликвидации военно-морской базы в Бизерте наличие квалифицированных безработных и хорошая обеспеченность пресной водой дали возможность построить здесь металлургический комплекс, на базе которого расширилась металлообработка. Таким образом, за годы независимости в развитии Мензель-Бургиба произошел качественный скачок — превращение из промышленного придатка военно-морской базы в один из опорных пунктов индустриализации всей страны. Вместе с тем это единственный город страны, население которого за период между переписями 1956 и 1966 гг. убыло, что объясняется массовым выездом европейцев, которые в 1956 г. из 34,7 тыс. жителей составляли 13,3 тыс. [11, с. 255].

На города с людностью более 50 тыс. (третья группа) приходится 35,7% городского населения Туниса. Крупные города полифункциональны по своей структуре; являются административными центрами экономически развитых губернаторатов со сферой притяжения, выходящей за рамки этих административных единиц; имеют много общего в транспортно-географическом положении (крупные порты, железнодорожно-автомобильные узлы).

Сфакс, второй по величине город страны, обязан своим возникновением торговле. В конце XIX в. мощными факторами роста города явились вывоз через его порт фосфоритов месторождений Гафсы и расширение оливковых насаждений в прилегающей округе. Сфакс разбогател на торговле маслинами. До настоящего времени он контролирует торговую сеть Южного Туниса и выделяется среди крупных городов страны тесными связями с сельским окружением. Город имеет низкую плотность застройки, по своей планировке и облику похож на огромное сельское поселение. Доля населения собственно города в Сфакской агломерации равна 39% [10, с. 355]. Самобытность Сфакса заключается в его пригородах, представляющих гигантскую зону садов с редким заселением. Внешние контуры агломерации, несмотря на увеличение численности населения, почти стабильны, перемещаются только внутренние границы между пригородом и городом, отражая процесс роста плотности заселения предместья [5, с. 173]. В настоящее время промышленный сектор города расширяется. Своеобразие индустриального развития Сфакса состоит в том, что промышленность создается главным образом местным частным капиталом с ориентацией на изготовление предметов потребления.

Сус — крупный порт и железнодорожный узел, возглавляет иерархию прибрежных городов, являясь древней «региональной столицей»³. В последние годы, испытывая конкуренцию со стороны других городов, в первую очередь Монастира, он перестает быть самодовлеющим центром прибрежной полосы Туниса. Индустриализация Суса началась раньше, чем Сфакса, основана на государственных капиталовложениях и служит примером преобра-

³ Тунис превратился в столицу при династии Хафсидов (XIII в.).

зующей роли государства в формировании городов страны. В настоящее время Сус — крупный центр текстильной и металлообрабатывающей промышленности.

Бизерта — молодой город в сравнении с городами Сфакс и Сус. Импульс к развитию он получил в колониальную эпоху, став опорной базой проникновения французов. Стратегическое положение в бассейне Средиземного моря определило создание военно-морской базы, обслуживание которой явилось функцией Бизерты. В известной мере порт породил город. В Бизерте проживало европейское население, что сказалось на его планировке. После завоевания независимости началась реконверсия функций города в сторону создания тяжелой промышленности. Если в прошлом близость к столице угнетала рост Бизерты, то теперь положение коренным образом изменилось. Расположение вблизи столичного рынка потребления и хорошая транспортная связь с ним способствуют индустриализации города.

Тунис занимает особое, столичное положение в группе крупных городов, сосредоточивая четверть городского населения страны. Гор. Тунис смог стать столицей благодаря превосходному местоположению как на море, так и на суше, которое обеспечивает связь со всей страной. Он находится на пересечении долин р. Меджерды, обеспечивающей проход в Алжир, р. Мильяны (на запад) и межгорной котловины Громбалии (в Сахель и на юг). Выход к морю облегчает осуществление внешних сношений. Микрорасположение между лагуной и себхой Седжуми в прошлом обеспечивало безопасность, но ныне оно создает нехватку площади для застройки, вынуждая столицу расширяться за счет предместьев.

На формирование города сильный отпечаток наложила колонизация. До 1946 г. столица росла преимущественно за счет притока европейцев, накануне независимости они составляли 34% населения, в настоящее время их только 2% [7, с: 128]. Деколонизация страны изменила этнический состав столицы. В силу своего столичного статуса город быстро разрастается, выполняя все расширяющийся спектр городских функций. Являясь старейшим промышленным центром, оплотом индустриализации страны, столица в настоящее время специализируется на изготовлении трудоемких, сложных фабрично-заводских изделий (применительно к тунисскому уровню развития промышленности), массовых предметов потребления.

Таким образом, большинство городов страны возникло в качестве торговых центров. В годы независимости происходит их функциональная перестройка, в первую очередь в сторону наращивания производственной активности в портовых городах.

Сеть городов отражает особенности территориальной структуры хозяйства страны, города являются организующими центрами формирующихся экономико-географических районов. Для городского расселения Туниса характерно тяготение к морю. Большинство городов, включая столицу, находится в приморской полосе.

Здесь же расположены локальные системы городских поселений Сахеля и района столицы. Образование первой связано с высокой плотностью населения. Древняя по своему происхождению сахельская локальная система страдает от избытка малых городов, неразрывавших связи с сельскохозяйственным производством, чрезмерной скученности поселений. В настоящее время происходит ее перестройка в связи с промышленным строительством и развитием туризма, в ходе которой жизнеспособность городов в значительной мере определяется выгодностью экономико-географического положения.

Столичная локальная система — детище колонизации. Чрезмерное разрастание столицы вызвало необходимость передачи предместьям части функций, прежде всего промышленной. Гипертрофия столицы по численности населения и доле выполняемых функций требует строгого регулирования ее дальнейшего роста. Задача эта трудновыполнима в связи с тем, что большой город представляет собой саморазвивающуюся систему.

Неравномерность в распределении городов между прибрежным и внутренним Тунисом — серьезная помеха экономическому развитию. Отсутствие крупного полифункционального города во внутренних районах выступает как причина и следствие их экономического застоя. Впрочем, благодаря усилиям государства положение административных центров внутренних губернаторов укрепилось за счет развития функции обслуживания населения (торговля, образование, здравоохранение). Но пока они не в состоянии уравновешивать влияния прибрежных крупных городов, особенно столицы.

Особенности сельского расселения. Разнообразие форм сельского расселения объясняется существованием в прошлом оседлого земледелия, полукочевого и кочевого животноводства. В последнее время кочевое и полукочевое животноводство изживает себя с переходом населения к оседлому земледелию. Оседание кочевого населения — сложный социально-экономический процесс, при котором происходит перестройка форм расселения.

При кочевом животноводстве отсутствует постоянно обитаемое жилье. Население пользуется палатками: разбитые кругом во время стоянки, они образуют дуар (круг). По мере оседания кочевников наряду с палатками появляется примитивное, но постоянное жилье, в большинстве случаев периодически обитаемое. Сооружение его является в известной мере способом утверждения прав на определенный участок земли, чаще всего обсаженный деревьями. Обычно жилище располагается на главной парцелле, поближе к источникам воды и к дороге [3, с. 62].

Первоначально «закрепление» бедуинов приводит к сильной разбросанности жилищ — дисперсному расселению. По мере углубления процесса оседания местами появляются сгущения населения — зародыши будущих поселений, — образующие роевое размещение. В дальнейшем пункты, имеющие преимущества в экономико-географическом положении (размещение вблизи дорог, круп-

ных источников воды), превращаются в небольшие деревни с хаотичной и малокомпактной застройкой; большая часть их жителей занята в земледелии и садоводстве. Таким образом, разным стадиям перехода от кочевого хозяйства к земледелию соответствуют и различные формы расселения. Примечательно, что в Тунисе формирующиеся населенные пункты бывших кочевников возникают в местах древних поселений римской эпохи. 65,2% сельского населения Туниса проживает в пунктах людностью менее 50 человек [8, с. 30].

При протекторате французские власти пытались стимулировать стихийно начавшийся процесс оседания кочевого населения путем развития орошаемого земледелия в засушливых районах страны. Эта политика продолжена администрацией независимого Туниса. Государство строит в центре орошаемых массивов современные деревни с одноэтажными зданиями прямолинейной планировки, на основе которых формируются крупные сельскохозяйственные поселения.

Деградация кочевого хозяйства начинается в первую очередь в районах контакта с земледелием и садоводством, где встречаются деревни с небольшим населением. По мере удаления на юг и запад страны дисперсность расселения возрастает. Существует взаимосвязь между плотностью населения и формами его размещения. Редкозаселенные губерновы (Кассерин, Гафса, Габес, Меденин) имеют дисперсное расселение, так как их территория, используемая под полукочевое хозяйство, обладает меньшей емкостью заселения, чем распаханная территория плотнозаселенных губерновов. Малая плотность населения этих губерновов является в известной мере косвенным показателем разброанности жилья, плохо сформированной сети поселений.

В настоящее время в Тунисе завершается процесс оседания бедуинов. При этом сложившиеся горнозаводские центры, транспортные поселения, оазисы, бывшие фермы колонов являются как бы центрами оседания, притягивая полукочевое население.

Древним земледельческим районам Туниса соответствуют иные формы расселения. Наиболее своеобразны крупные сельские поселения, вытянутые в прибрежной полосе от г. Бизерты до г. Сфакса. Они отличаются высокой людностью (от 2 тыс. до 10 тыс.) и наличием некоторых несельскохозяйственных функций (торговой и ремесленной), т. е. по ряду признаков напоминают тунисские города и в ряде случаев являются основой их образования в будущем.

Формированию многонаселенных деревенских поселений, по видимому, способствует сельскохозяйственная специализация на садоводстве, при которой возможна достаточная удаленность жилья от места работы. При таком расселении обычно сосуществуют постоянное (в поселке) и временное (в саду) жилье.

Высокая концентрация крупных аграрных поселков встречается в Сахеле, где их насчитывается около 50 на небольшом «пятачке» от г. Суса до г. Махдия [4, с. 224], что объясняется исто-

рией развития района. Сахельские поселения очень древние, многие из них возникли в античную эпоху параллельно с расширением садоводства. В X—XI вв., во время нашествия кочевых племен хилаль и сулайм, распространения и последующего преобладания кочевого хозяйства, оседлое земледелие здесь все же уцелело, хотя произошло сужение и уплотнение полосы деревенского расселения.

Более рассеяны крупные аграрные поселки северо-востока, отличающиеся оригинальной архитектурой застройки. На их формирование большое влияние оказала андалузская иммиграция в XVII в., которая принесла более совершенные методы строительного дела и агротехники. Сельскохозяйственная специализация северо-востока разнообразнее, чем в Сахеле (цитрусовые, виноградники, зерновые).

Таким образом, особенности многолюдных сельских поселений Туниса заключаются в: а) размещении вдоль побережья с образованием плотной сети; б) специализации на садоводстве; в) обычном совмещении аграрной, ремесленной и торговой функций; г) присутствии в некоторых из них городских черт жизни, определяющих возможности перерастания в города.

Концентрация поселений характерна для оазисов, для районов поливного земледелия. Рисунок размещения оазисных поселений согласуется с расположением естественных выходов подземных вод и искусственных скважин, а людность зависит от их дебита. Сеть оазисных поселений в Тунисе все время расширяется в связи с интенсивным процессом закрепления кочевников и освоением водных ресурсов юга. В настоящее время оазисы изменяют свои функции: из торгово-обменных пунктов между оседлыми и кочевым населением постепенно превращаются в опорные базы отгонного животноводства. В Тунисе можно выделить три крупных ареала оазисных селений: Нефзава, Джерид во внутренней части страны и на побережье.

Во внутренних районах Туниса встречаются небольшие горные деревни. Как и крупные поселения побережья, это древние населенные пункты, в некоторых обнаружены стоянки первобытного человека. Обычно они расположены: а) в предгорьях, около источников воды; б) вблизи массивов плодородных земель, пригодных для неполивного земледелия; в) в труднодоступных местах [6, с. 8]. Последнее является ключом к пониманию происхождения этого типа поселений и их перспектив. Они являются уцелевшими населенными пунктами древней системы земледельческих поселений, разрушенной в ходе арабских завоеваний в VII—XI вв. Поэтому этот тип деревень можно назвать реликтовым.

Изолированное положение, благодаря которому эти поселения сохранились до настоящего времени, является предпосылкой их постепенного исчезновения в будущем. Изменение социально-экономической обстановки в стране, процесс формирования общесоюзного рынка выдвигают иные требования к экономико-географическому положению, содействуя росту населенных пунк-

тов с удобным транспортно-географическим положением и вызывающая обезлюдение деревушек гористой местности.

Таким образом, наиболее распространены в Тунисе малонаселенные деревенские поселения. Раздробленность хозяйств, приводящая к мелкоконтурности полей, местами расчлененный рельеф препятствуют концентрации поселений в Тунисе. В районах прежнего развития европейской земельной колонизации сеть поселений имеет свои особенности. Сгон крестьян, сопровождавший захват земель европейцами, использование их в качестве наемной рабочей силы явились причиной возникновения поселков батраков недалеко от ферм колонистов. Так постепенно началось перераспределение населения в пользу новых поселков для сельскохозяйственных рабочих. Этот процесс стягивания населения вокруг ферм продолжался и после завоевания независимости в связи с образованием сельскохозяйственных кооперативов. Присоединение участков мелких земельных собственников к крупным массивам бывших ферм колонистов в ходе кооперации способствовало росту новых поселений, приводя к укрупнению и более старых населенных пунктов. Таким образом, в районах бывшей европейской земельной колонизации (северо-запад и северо-восток) сформировалась сеть более крупных поселений, что является позитивным моментом, учитывая трудности налаживания культурно-бытового обслуживания в сельской местности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константинов О. А. Типология и классификация городских поселений в советской экономико-географической науке.— Материалы по географии населения. Вып. 2. Л., 1963.
2. *Annuaire statistique*. Tunis, 1966.
3. Bessis A., Marthelot P. Les territoires des Ouled Sidi Ali ben Ali Aouan. Contribution à l'étude des problèmes humaines dans les steppes tunisiennes. Tunis, 1965.
4. Despois J., Reynal R. Géographie de l'Afrique du Nord Ouest. P., 1967.
5. Faknfakh M. Croissance urbaine de l'agglomération sfaxienne.— «Revue Tunisienne de sciences sociales». Tunis, 1971, № 25.
6. Fremont A. Dans la région du Djebel Serdj (Dorsale tunisienne).— «Méditerranée». P., 1969, № 1.
7. Picouet M. Aperçu des migrations intérieurs en Tunisie.— «Population». Numéro spécial. P., 1971.
8. Plan de développement économique et social 1969—1972. Tunis, 1969.
9. Roussi M. Le fait migratoire au Djerid.— «Revue Tunisienne de sciences sociales». Tunis, 1969, № 17—18.
10. UN Demographic Yearbook 1972. N. Y., 1973.
11. Wolko witsch M. L'émigration des Français de Tunisie.— «Annales de géographie». P., 1959, № 367.

К. А. Шахнович

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Для экономического и социального развития многих государств Тропической Африки определенное значение имеют направленность и содержание происходящих в них этнических процессов. В советской африканистической литературе последних лет уже имеется целый ряд работ, посвященных исследованию этнических проблем освободившихся стран континента; многообразие, сложность и актуальность решения этих проблем хорошо показаны, например, в известных монографиях В. Б. Иорданского [2] и Р. Н. Исмагиловой [3].

Среди всей совокупности предпосылок и факторов общественного характера, определяющих хозяйственное использование природных ресурсов в Тропической Африке, этнический фактор представляется особенно интересным и вполне может быть выделен в качестве отдельного, хотя и относящегося к числу общественных факторов, но в африканских условиях относительно самостоятельного. Исследование специфики и «глубины» его влияния в отраслях, базирующихся на непосредственном использовании природных ресурсов, имеет важное значение для выявления и обоснования возможных путей оптимизации природопользования и ускоренного экономического развития молодых государств континента.

В странах Восточной Африки (Кении, Танзании, Уганде) коренное африканское население принадлежит к нескольким этническим группам (крупнейшие из них — восточная и северная группы языковой семьи банту, нилотская и кушитская языковые группы) и характеризуется исключительной пестротой этнического состава. Так, в Уганде насчитывается 28 народностей и племен, в Кении — 48, а в Танзании — около 120 [1, с. 84, 99, 113].

Разноязычные народы Восточной Африки не только отличаются друг от друга уровнем социально-экономического развития, но и относятся к разным культурно-хозяйственным типам: банту занимают главным образом земледелием, нилоты и кушиты — преимущественно скотоводы, многие из которых ведут, как и прежде, кочевой образ жизни. Основными занятиями племен доробо (в Кении) и хадзапи (в Танзании) остаются собирательство

и охота [9, с. 59—60]. Таким образом, у ряда народностей и племен Восточной Африки сохраняется более или менее четко выраженная хозяйственная специализация, основывающаяся на одностороннем использовании узкого круга природных ресурсов.

Определенная хозяйственная специализация у большинства народов Восточной Африки имеет многовековые традиции. По-видимому, она сложилась еще до начала процесса окончательного становления традиционных африканских общественных структур, происходившего в удаленных от побережья океана районах Восточной Африки в XV—XVIII вв. В этот период в условиях значительных миграций нилотских скотоводческих племен в общем направлении с севера на юг уже оформившаяся «этническая окраска» хозяйственной деятельности стала постепенно «размываться», особенно в пределах границ возникавших крупных государственных образований (прежде всего на территории Междоузья). Однако этническая обособленность в целом не только сохранялась, но и во многих случаях даже усугублялась, в частности в результате усиления племенной организации у многих скотоводческих народов [11, с. 171—180].

В колониальный период в хозяйственной жизни отдельных народов Восточной Африки (в первую очередь самых крупных по численности — акикую, баганда, васукума) происходили определенные изменения социально-экономического характера, связанные с ростом товарной (и экспортной) ориентации в ряде африканских хозяйств и их частичным переходом к современным методам земледелия. Такое экономическое «выделение» из общей массы коренного населения названных народов во многом способствовало дальнейшему обострению у них чувства этнической исключительности. С другой стороны, сохраняющийся низкий уровень развития производительных сил, натуральный характер хозяйства у основной части народностей и племен, а также создание колониальной администрацией специальных резерватов, только в пределах которых тем или иным племенам разрешалось проживать и вести хозяйство, означали и закрепление хозяйственной и культурной изоляции многих племенных групп.

Таким образом, после достижения независимости перед государствами Восточной Африки объективно встала задача решения национального вопроса во всем его многообразии. Уже в первые годы обнаружилось, что сложившееся межплеменное территориальное разделение труда в области использования природных ресурсов зачастую оказывалось источником опасных столкновений и конфликтов [2, с. 327—329]. Этническая обособленность (территориальная, экономическая, культурная), традиционные верования и обычаи остаются серьезными препятствиями на пути диверсификации и интенсификации сельскохозяйственного производства, в деле хозяйственного освоения новых территорий и еще неиспользуемых природных ресурсов.

Этнические границы, в пределах которых осуществляется хозяйственная деятельность племени, до сих пор считаются у от-

дельных народов Восточной Африки незыблемыми. По сути дела, на большей части территории региона, удаленной от крупных городов и зон развитого товарного хозяйства, сохраняется положение, отмеченное в свое время в отчете Восточноафриканской королевской комиссии [5, с. 13, 34]. Внутриплеменные и межплеменные границы не выглядят особенно подвижными, хотя и складывались на протяжении десятилетий таким образом, чтобы исключить безземелье в соседних общинах. Передвижения племен из районов, где земли мало или где она неплодородна, в районы, где земля в сравнительном достатке или более плодородна, практически почти невозможны из-за противодействия со стороны соседей. Это обстоятельство в немалой степени способствует сохранению особенностей экономической жизни местного крестьянства, межплеменных различий в уровне социально-экономического развития, в плотности населения в пределах этнических ареалов, в степени транспортной и торговой обслуженности и т. д.

Земледельческие народы Восточной Африки заметно отличаются между собой навыками и методами ведения хозяйства. Акикуйю, баганда, васукума, балухья, акамба издавна занимают полеводством, достигли в этом определенных успехов и в настоящее время все более широко вовлекаются в сферу товарно-денежных отношений. Так, в Кении акикуйю, представляющие приблизительно $\frac{1}{5}$ населения страны, составляют более половины общего числа африканцев, охваченных аграрными программами переселения на земли Центрального нагорья и в другие районы товарно-сельскохозяйственного производства [6, с. 188].

Наиболее искусными земледельцами в Восточной Африке принято считать небольшие народности банту, населяющие преимущественно горные и возвышенные области. В Уганде, например, особенно выделяются бакига, которые тщательнейшим образом террасируют обрабатываемые ими склоны гор [6, с. 197]. Проживающие в Кении и Танзании чагга (ваджагга), вамеру, вапаре, вашамбала и ватейта широко применяют простейшее орошение и перешли большей частью к постоянному возделыванию своих участков, используя систематически в качестве удобрения навоз [9, с. 343]. Опираясь на многолетние традиции и опыт полеводства, эти народности все более активно перенимают и некоторые современные методы хозяйства, расширяют круг выращиваемых культур.

В странах Восточной Африки еще только начинает распространяться смешанное земледельческо-животноводческое хозяйство, в рамках которого земельный фонд может быть использован более эффективно, чем при поликультурном полеводстве. У некоторых земледельческих народов (например, васукума) скот остается лишь своего рода «гарантированным продовольствием» на случай засухи и неурожая [10, с. 112]. Правда, в ряде африканских хозяйств на Центральном нагорье в Кении и на склонах массивов Килиманджаро и Меру в Танзании животноводство продуктивно-го направления постепенно приобретает все более важное значе-

ние, чему в немалой степени содействуют государственные сельскохозяйственные службы [12; 14].

Если среди земледельческих народов Восточной Африки следует отметить заметное расширение и усложнение хозяйственного использования природных ресурсов, то в отношении отдельных скотоводческих племен (особенно кочевых) есть основания говорить об имеющей место стагнации процесса природопользования, в значительной мере связанной с сохраняющейся этнической особенностью, стойкостью многовековых традиций. У некоторых скотоводов (масаи, барабаиг, карамоджонг и др.) существуют если не безоговорочные запреты, то очень устойчивые предубеждения в отношении обработки земли [7, с. 38—39]. Широко распространены среди них и традиционные табу на употребление в пищу тех или иных продуктов, например рыбы [9, с. 335]. Таким образом, реализация имеющихся в ряде скотоводческих районов благоприятных природных предпосылок развития земледелия или рыболовства весьма проблематична: местных жителей эти виды хозяйственной деятельности не интересуют и вообще не устраивают, как и вряд ли устроит их появление в их ареале расселения представителей иного племени, занимающегося земледелием или рыбной ловлей.

Как и почти повсеместно в Тропической Африке, в Кении, Уганде и Танзании господствуют экстенсивные системы животноводства — кочевое, полукочевое, отгонно-пастбищное скотоводство. Все они основываются на использовании в качестве кормовой базы исключительно естественных (природных) пастбищ — различных типов саванн и лесосаванн. Во многих районах традиционного экстенсивного животноводства типичен неупорядоченный выпас скота: нередко кормовые ресурсы пастбищ используются не полностью или, наоборот, чрезмерно. В последнем случае скотом поедается и вытаптывается весь травостой; при этом обнажается и разрушается поверхностный слой почвы, и в конечном итоге происходит деградация пастбища.

Исторически сложившиеся этнические границы ареалов расселения (кочевий) скотоводческих племен и традиционная для многих кочевников потребность в большом количестве скота на душу населения оказываются в ряде случаев в полном противоречии одно с другим. Особенно наглядно это проявляется в периоды типичных для Восточной Африки длительных засух, когда кочевое скотоводство стоит перед острой проблемой так называемой перегрузки пастбищ, а также сохранившихся мест водопоя скота. В условиях экстенсивного животноводства эта проблема может быть решена (и решается) только путем расширения их площадей. Так, в Танзании в 1969 г. было принято решение передать скотоводам-масаям до 95% площади, занимаемой заповедником Нгоронгоро [4, с. 159]. Этот факт свидетельствует о том, что еще и сейчас зоны традиционной хозяйственной деятельности нередко расширяются, причем с ущербом для такого важного направления, как заповедное хозяйство.

Помимо сельскохозяйственного производства, охоты и рыболовства определенную «этническую окраску» можно увидеть и в некоторых других отраслях, основанных на непосредственном использовании природных ресурсов. В районах, где среди местного населения крайне слабо развиты товарно-денежные отношения и не популярна работа по найму, промышленное освоение природных ресурсов (в частности, полезных ископаемых) возможно лишь при участии пришлой рабочей силы. Так, например, 70% общего числа африканцев, работающих на медно-кобальтовом руднике в Килембе (округ Торо), являются представителями племени бакига, этнический ареал расселения которого находится в пределах округа Кигези [13, с. 91].

Современное хозяйственное использование природных ресурсов в Кении, Уганде и Танзании остается, с одной стороны, неразрывно связанным со всей историей социально-экономической эволюции народов этих стран, а с другой — все больше определяется различного рода факторами настоящего времени. Последние нередко «выступают» совместно с сохраняющимися традиционными моментами. К примеру, большинство современных миграций рабочей силы (включая сезонные) в пределах рассматриваемого региона, а также из соседних с ним стран имеет определенную «этническую окраску» и обусловлено объективно действующими причинами социально-экономического характера и в какой-то мере традициями [8, с. 152—156]. (Отметим попутно, что в очагах притяжения и выхода мигрантов, а также на путях следования основных миграционных потоков демографические и социально-экономические предпосылки освоения природно-ресурсного потенциала заметнее более благоприятны, чем в остальных частях Восточной Африки.)

В заключение следует сказать, что влияние этнического фактора в хозяйственной жизни населения региона будет в дальнейшем, несомненно, уменьшаться, что в целом уже наблюдается и в настоящее время. Такая тенденция представляется вполне закономерной в связи с укреплением государственной власти и проводимой правительствами трех стран политикой национальной консолидации. Специальные государственные программы и проекты развития отдельных территорий, активизация деятельности показательных государственных ферм и хозяйств, расширение подведомственной государству сети учреждений просвещения и культуры — все это способствует и будет способствовать ликвидации этнической обособленности, совершенствованию и рационализации экономической жизни народов Восточной Африки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриевский Ю. Д., Шахнович К. А., Ягья В. С. Экономическая география стран Северо-Восточной и Восточной Африки. Л., 1972.
2. Иорданский В. Б. Тупики и перспективы Тропической Африки. М., 1970.
3. Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973.

4. Кулик С. Сафарн. М., 1971.
5. East Africa Royal Commission. 1953—1955 Report. H. M. S. O., Cmd 9475. L., 1955.
6. Grove A. T. Africa South of the Sahara. Oxford University Press. L., 1967.
7. Gulliver P. H. Peoples.—East Africa: its Peoples and Resources. Nairobi—London—New York, 1969.
8. Hance W. A. Population, Migration and Urbanisation in Africa. N. Y.—L., 1970.
9. Murdock G. P. Africa. Its Peoples and Their Culture History. New York—Toronto—London, 1959.
10. O'Connor A. M. An Economic Geography of East Africa. L., 1967.
11. Oliver R. Discernible Developments in the Interior (1500—1840).—History of East Africa. Vol. 1. Ox., 1963.
12. Peberdy J. R. Livestock Development in Kenya.—«World Crops», 1970, № 5.
13. Siviour G. R. Kilembe Copper Mines—Uganda's Most Important Mineral Deposit.—«Geography». L., 1969, vol. 54, pt 1.
14. Williamson H. Experiences with Grade Dairy Cattle in the Peasant Economy on Mount Meru, North Tanzania.—«Nurnberger Wirtschafts und Sozialgeographische Arbeiten». 1968, № 8.

А. Г. Поздоровкин

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГЕОГРАФИИ ГОРОДОВ ЕГИПТА

§ 1. Города рабовладельческого Египта

Долина Нила относится к тем территориям мира, где впервые в истории человечества появились городские поселения. Возникновение наиболее крупных из них связано с образованием в Египте около 3000 г. до н. э. централизованного раннерабовладельческого государства. Важной предпосылкой его развития выступало создание единой системы ирригационных сооружений — этого первого и необходимого условия для развития земледелия в долине Нила. Ирригационные каналы, средства сообщения представлялись «делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами» [1, с. 7].

Созданное в интересах господствующего класса на основе принудительного объединения примитивных государственных образований, централизованное государство могло существовать только в форме деспотии. Опорными пунктами деспотической власти служили города. В них сосредоточивались родовая знать, многочисленный чиновничий аппарат, силы подавления и усмирения (войска, суды, духовенство). Города «могут рассматриваться здесь только как княжеские станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле» [1, с. 13].

Единое египетское государство делилось примерно на 40 административно-территориальных единиц — номов, каждый из которых имел свой город-центр [7, с. 43]. Города-центры составляли основу городской сети древнего Египта. Они, с одной стороны, выполняли функции «филиалов» центральной деспотической власти, а с другой — сами являлись местными центрами подчиненных им территорий, которые на протяжении почти всей истории древнего Египта продолжали сохранять экономическую, культурную и отчасти политическую обособленность.

Выступления местной родовой знати против тяготившей ее центральной власти неоднократно приводили к ослаблению единого египетского государства, вплоть до его распада, и к возвышению того или иного нома, центр которого становился либо столицей возрождавшегося централизованного Египта, либо центром

какой-то части долины Нила. С этим связана характерная черта городской сети древнего Египта — ее неустойчивость.

Существенной функцией городов древнего Египта была военная защита подчиненных им территорий и государства в целом. Она вызывалась необходимостью отражать нападения соседних народов (наиболее крупное — нашествие гиксосов в 1710—1580 гг. до н. э.) и кочевавших племен. Кроме того, города рабовладельческого государства сами служили базами для организации многочисленных захватнических походов (в Нубию, Ливию, Сирию и др.). Мощные города-крепости находились в пограничных районах Египта — в Северной Нубии, а также в восточной и западной частях дельты Нила.

Города древнего Египта выполняли также и некоторые функции экономических центров. Развитие централизованного рабовладельческого государства в долине Нила способствовало ускорению общественного разделения труда, расширению внутреннего и международного обмена. В городах росло число ремесленников, изготавливавших предметы роскоши, военное снаряжение, несложные орудия труда. Египетские города поддерживали торговые связи с Нубией, Палестиной, Сирией, Критом и другими территориями. Так, например, в центре Элефантийского нома на крайнем юге страны — г. Севене (в переводе означает «цена») — происходил обмен с нубийцами и народами Судана.

Беспощадная эксплуатация деспотией огромной армии рабов и крестьянских масс еще при низком уровне развития производительных сил сделала возможным создание многих монументальных строительных сооружений, которые и по сей день поражают своим совершенством. Трудом рабов были построены сами города древнего Египта, грандиозные храмы, дворцы, пирамиды. Города резко контрастировали с сельскими поселениями древнего Египта, прозябавшими на «допотопном» уровне. «История древности — это история городов», — писал К. Маркс [1, с. 13]. Наиболее крупными городами древнего Египта были столицы централизованного рабовладельческого государства. В них размещался центральный деспотический аппарат во главе с обожествляемым фараоном, неограниченная власть которого являлась воплощением единства страны. Столицы выполняли функции главных военно-политических, торговых, ремесленных и транспортных центров государства. Они были центрами культуры и науки. Наиболее известные из столиц древнего Египта — Мемфис и Фивы.

Города древнего Египта развивались не только в долине и дельте Нила, но и на его Средиземноморском и Красноморском побережьях. Особенно важное значение приморские города имели в поздние периоды древнего Египта — персидский, греко-римский и византийский (525 г. до н. э. — 640 г. н. э.), когда подчинение египетского государства крупными империями способствовало развитию его внешнеторговых связей.

Важнейшее значение для всей географии городов древнего Египта имело основание Александром Македонским в 332 г.

до н. э. на побережье Средиземного моря новой столицы страны — Александрии, которая стала в скором времени крупнейшим торговым и культурным центром эллинистического мира. Впервые в истории древнего Египта столица страны была перенесена из внутренних районов на побережье.

Города Египта занимали заметное место в истории всего древнего мира, но известно о них немного. Почти все они в период разложения египетского рабовладельческого государства пришли в упадок. Сказалась слабая экономическая база древних городов, которые прежде всего осуществляли военно-политические функции и в которых ремесло и торговля играли подчиненную роль.

§ 2. Города во время господства феодальных отношений (VII — середина XIX в.)

Города в период арабского завоевания (VII—X вв.). Становление феодального общества в Египте проходило в условиях завоевания страны арабами и последовавшей затем ее арабизации и исламизации. Включение Египта в состав Арабского халифата и прекращение связей со средиземноморскими державами, в зависимости от которых страна находилась более тысячелетия, привели к существенному изменению географии городов, а также к заметным переменам в самом их облике.

Во всех завоеванных арабами странах резко уменьшалось значение приморских городов и активизировалось развитие городов внутренних районов. В Месопотамии быстро рос Багдад, в Леванте и Тунисе ведущими центрами стали Дамаск и Кайруан вместо приморских городов Антиохии и Карфагена. Египетская столица была перенесена из Александрии, являвшейся тогда крупнейшим городом страны, в город-крепость Фустат (араб. «шатер»), который вновь построили на стыке двух основных районов страны — долины и дельты Нила, месте, откуда в наибольшей мере мог осуществляться контроль над завоеванной территорией. Фустат унаследовал географическое положение одной из первых столиц централизованного рабовладельческого государства — Мемфиса.

Другие поселения арабов, так же как и столица, возникали прежде всего как укрепленные пункты. Военные поселения строились в стратегически важных местах, часто около, а иногда и внутри уже существовавших городов, разрушенных и обезлюдивших при господстве византийцев. Они становились центрами пространства нового образа жизни и новой религии.

Со временем ранее обособленные арабские поселения стали сливаться с древними египетскими, которые при восстановлении подвергались значительной реконструкции и все больше приобретали черты «восточного», арабского города. Неотъемлемым элементом городской панорамы становятся мечети, со строительство которых начинались строительство и возрождение всякого городского поселения. Определенную роль в формировании арабского

города, для которого характерна высокая плотность застройки, сыграл образ жизни городского мусульманского населения.

Города в конце X—XIV вв. После распада Арабского халифата Египет становится центром государства Фатимидов (969—1171), основавших в 969 г. свою столицу Каир в нескольких километрах к северо-востоку от Фустата.

При Фатимидах Египет превращается в один из центров оживленной торговли пряностями и другими товарами между странами Востока и Западной Европы. Международная транзитная торговля оказала значительное влияние на развитие Египта, где, несмотря на господство натурального хозяйства, появились богатые и многолюдные города, многие из которых унаследовали местоположение древних городов.

Все пути транзитной торговли, проходившие по территории Египта, пересекались в Каире, который был ее главным центром. Столица государства служила оптовым рынком, местом обмена товарами между странами Запада и Востока. Итальянец Фрескобальди, посетивший Египет в 1385 г., писал, что «население в Каире более многочисленно, чем в Тоскане, и в Каире на Ниле стоит больше кораблей, чем в таких портах, как Венеция, Генуя и Анкона, вместе взятых» [4, с. 250]. На рубеже XIII и XIV вв. население Каира достигло 1 млн. человек, а занимаемая им площадь составляла 60% территории современного Каира. В то время столица Египта была одним из крупнейших, если не самым крупным городом мира.

В центрах транзитной торговли, особенно в Каире и Александрии, накапливались значительные богатства, наблюдался дальнейший рост общественного разделения труда, углублялись товарно-денежные отношения, феодальный строй находился в начальной стадии разложения [5, с. 69]. В этих городах развивалась мировая наука и культура. Международная транзитная торговля определяла развитие лишь некоторых, отдельных городов страны, рост которых в значительно большей степени зависел от этого внешнего фактора, чем от развития внутреннего рынка. Экономические связи крупнейших городов благодаря тому, что они играли роль центрального звена в торговле между Востоком и Западом, простирались далеко за пределы Египта, в то время как их экономические отношения с другими городами и территориями страны, лежащими в стороне от торгового пути, были развиты крайне слабо или отсутствовали вовсе.

Города — центры международной транзитной торговли — резко контрастировали с остальными поселениями Египта. В пределах обширных территорий, лежавших вне путей международной транзитной торговли, процесс отделения ремесла от сельского хозяйства и связанные с ним рост городов, развитие товарного производства и внутреннего рынка происходили значительно медленнее: внутренние социально-экономические условия способствовали сохранению натурального характера хозяйства Египта и препятствовали развитию городов. Они оказывали сдерживающее влия-

ние на углубление товарно-денежных отношений в крупнейших городах и стали непреодолимым барьером для их распространения во всех других частях страны.

Города в XV — середине XIX в. В течение XV в. значительно сокращается объем международной транзитной торговли, определявшей рост крупнейших городов страны в XI—XIV вв. Затем последовал резкий упадок ведущих городов страны, выявивший уязвимость их градообразующей базы, в значительной мере зависевшей от внешних факторов.

В позднее средневековье в Египте продолжали сохраняться застойные формы феодальных отношений. Они существенно отличались от тех социально-экономических условий, которые сложились в Западной Европе, где зародившиеся в недрах ремесленного производства элементы капиталистических отношений получили простор для дальнейшего роста и обусловили прогрессирующее развитие городов. Разная степень общественного разделения труда в Западной Европе и на Арабском Востоке определила и то важное обстоятельство, что само развитие городов в этих двух регионах происходило при ведущей роли различных социальных сил.

В условиях централизованного военно-феодалного государства в Египте наиболее влиятельным элементом во внутригородской жизни были феодалы. Жили они в основном в городах [7, с. 63], где в силу своего богатства и господствующего положения в обществе имели значительные политические и экономические позиции.

Городские ремесленники и купцы в средневековом египетском городе играли второстепенную роль. Установление контроля централизованного военно-феодалного государства над развитием ремесленного производства и торговли обусловило слабую организацию трудящегося городского населения. Объединения городских ремесленников и купцов не достигли развитых форм (самоуправляющихся цехов) и не имели общегородского масштаба [6, с. 231—248]. Не играя видной общественной и политической роли, ремесленники и купцы не смогли организовать и возглавить борьбу трудящихся горожан против господства феодалов, обосновавшихся в городе, добиться, подобно ремесленно-торговому населению городов Западной Европы, особых для себя городских прав и свобод и тем самым расчистить путь для своего прогрессирующего развития.

Различные социально-экономические условия определили и разные факторы размещения городов в Западной Европе и в Египте. В Западной Европе средневековый город основывался обычно на новом месте и с самого начала функционировал как хозяйственный центр территории. Для его дальнейшего развития наибольшее значение имели выгоды *экономико-географического* положения. В Египте средневековый город развивался не на новом месте, а на месте бывших когда-то городов. Для его развития было важно прежде всего выгодное *политико-географическое* по-

ложение, так как его главная функция состояла в административном подчинении окружающей территории, что давало правящей феодальной верхушке право и возможность обогащаться за счет ограбления этой территории.

Полное господство феодальных отношений и феодального государства в городах Египта препятствовало самостоятельному развитию городского ремесла и торговли, сдерживало рост товарного производства и зарождение капиталистических отношений. В этом состоит существенное различие в развитии средневекового города в Западной Европе и на Арабском Востоке. Быстрое развитие капиталистических элементов в западноевропейском городе предопределило его становление как города капиталистического, в то время как на Арабском Востоке медленный рост производительных сил, сдерживаемый раннефеодальными производственными отношениями, не мог не привести к упадку и длительному застою в развитии города.

В условиях глубокого и длительного экономического и политического кризиса в XV—XVIII вв. уменьшается численность городского населения. Почти все города страны испытали отток населения, а некоторые из них, как, например, красноморские порты, исчезли вовсе. Наиболее разительные перемены произошли с городами, обслуживавшими оживленную транзитную торговлю между Востоком и Западом. Города, бывшие в XIII—XIV вв. одними из крупнейших в мире, превратились в незначительные поселения. Так, Александрия стала небольшим приморским поселком с 7 тыс. жителей. Население Каира сократилось в 4 раза (т. е. с 1 млн. до 250 тыс. человек), но, выполняя функции столицы Египта, город по-прежнему оставался наиболее крупным городом страны. По данным французских историков, участвовавших в египетской экспедиции Наполеона в 1798—1802 гг., в то время в стране городов с числом жителей более 3 тыс. человек насчитывалось лишь 17 (см. «Geography». April, 1962, vol. XLVII, p. 2, с. 121).

§ 3. Развитие городов в условиях капитализма колониального типа (середина XIX — середина XX в.)

Закабаление Египта иностранным капиталом и установление там колониального режима в период разложения средневекового феодального общества глубоко затронули все стороны социально-экономического развития страны, в том числе и процесс урбанизации. Этот этап в развитии городов Египта имеет наиболее важное значение для объяснения многих черт и особенностей современной географии городов страны.

В развитии городов Египта в условиях капитализма колониального типа можно выделить два периода.

Первый (середина XIX — начало XX в.) — период активного проникновения в экономику Египта иностранного капитала, который к концу 70-х годов прошлого века установил над хозяйством

страны полный финансовый контроль [2, с. 236]. За довольно короткий срок Англия, ставшая крупнейшим кредитором Египта и оккупировавшая страну в 1882 г., превратила Египет в свой аграрно-сырьевой придаток, придавала его экономике исключительно монокультурный характер. «Англия,— писал В. И. Ленин,— из Египта все более делает страну, производящую только хлопок» [3, с. 78], и «искусственно „мешает“ промышленному развитию» [3, с. 71].

Колониальная политика англичан нарушила традиционное общественное и территориальное разделение труда, исторически сложившееся относительное равновесие между городом и деревней.

С одной стороны, она обусловила резкое повышение спроса на рабочую силу в сельской местности, где во второй половине XIX в. постоянно ощущался недостаток рабочих рук [10, с. 125]. Это было связано с проведением оросительных работ большого масштаба, получивших в Египте название «ирригационной революции», существенным увеличением обрабатываемой и посевной площадей (соответственно с 1852 по 1907 гг. с 4160 тыс. до 5402 тыс. федданов, или на 30%, и с 4160 тыс. до 7662 тыс. федданов, или на 84%) [8, с. 93], а также со значительным расширением посевов хлопчатника, сахарного тростника и некоторых других трудоемких культур.

С другой стороны, «антипромышленная» политика иностранного капитала привела к падению ремесел и домашних промыслов, лишила значительную часть деревенского и городского населения неземледельческих занятий и вынудила его искать приложение своих сил почти исключительно в сельском хозяйстве. В середине XIX в. промышленность, строительство и ремесло с учетом домашних промыслов сосредоточивали не менее 25—30%, а в 1907 г.— лишь 11% всего экономически активного населения. Между тем в сельском хозяйстве в 1882 г. было занято около 62%, а в 1907 г. уже до 71% экономически активного населения страны.

Втягивание Египта в орбиту мирового капиталистического рынка в качестве его аграрно-сырьевого придатка и соответствующие сдвиги в экономике страны во второй половине XIX в. в значительной мере сдерживали развитие городов и рост городского населения. По различным оценкам, число жителей городов Египта в то время составляло не более $\frac{1}{5}$ всего населения страны. Первые статистические данные о динамике роста городского населения, появившиеся на рубеже XIX—XX вв., зафиксировали заметное отставание роста числа жителей городов от численного роста сельского населения. Так, в 1897—1907 гг. среднегодовой темп прироста городского населения равнялся 1,1%, а сельского — 1,7%. В некоторых городах в те же годы наблюдалось даже абсолютное сокращение численности населения: небольшое — в Танте, Эз-Заказике и Гизе, значительное — в Кене, Асьюте, Думьяте и др. [12, с. 20].

В то же время несколько городов, в развитии которых был заинтересован иностранный капитал, росли быстрыми темпами. Это относится прежде всего к столице государства Каиру, а также к Александрии, ставшей к тому времени главным портом страны. Население Каира выросло в течение XIX в. более чем в 2,5 раза, население Александрии, которая в начале XIX в. была небольшим рыбацким поселением,— более чем в 25 раз. К 1907 г. число жителей Каира и Александрии достигло соответственно 654 тыс. и 332 тыс. Быстрыми темпами развивались города Суэцкого канала, строительство которого завершилось в 1869 г., но численность их населения к концу XIX в. была еще невелика: в Порт-Саиде — 50 тыс., в Суэце — 18 тыс. жителей.

Накануне первой мировой войны начался второй период рассматриваемого историко-географического этапа урбанизации Египта, в течение которого наблюдалось постоянное, хотя и неравномерное увеличение процента городских жителей во всем населении страны (с 19% в 1907 г. до 33% в 1947 г.). Изменение в соотношении роста городского и сельского населения было следствием определенных сдвигов в социально-экономическом развитии Египта на рубеже XIX—XX вв. Они были связаны с тем, что период проникновения капиталистических отношений колониального типа сменился периодом их господства в экономике страны, и с тем, что наступила эпоха общего кризиса капитализма. Первое обстоятельство, в частности, привело к образованию относительного аграрного перенаселения, обусловившего массовое бегство населения из сельской местности. В свою очередь, ослабление позиций иностранного капитала способствовало в определенной мере развитию национальной промышленности и, следовательно, росту городов.

Процесс массового обнищания и разорения крестьянства был обусловлен в первую очередь консервацией в интересах иностранной и компрадорской буржуазии пережитков феодализма и укреплением позиций крупных землевладельцев в экономической и политической жизни страны.

Усилению земельного голода в стране способствовало резкое сокращение темпов роста обрабатываемых земель и посевных площадей. Английские империалисты, превратившие Египет в свою хлопковую плантацию, к началу XX в. уже ввели в сельскохозяйственный оборот почти все земли, мелиорация которых не требовала слишком больших расходов. Вместе с тем в стране стали сказываться отрицательные последствия хищнической ирригационной политики англичан, приведшей к засолению и заболачиванию десятков тысяч федданов. В результате прирост обрабатываемых земель и посевных площадей заметно отставал от темпов роста сельского населения, что в значительной степени сужало сферу приложения его труда и ухудшало условия занятости (табл. 1).

В итоге масштабы и темпы пауперизации крестьянства значительно превосходили соответствующие показатели роста сельскохозяйственного производства, о чем свидетельствует расширение

**Площади обрабатываемых земель и рост сельского населения
в Египте в 1907—1952 гг. ***

	1907 г.	1917 г.	1927 г.	1937 г.	1947 г.	1952 г.
Площадь обрабатываемых земель, млн. федданов	5,4	5,3	5,5	5,3	5,8	5,7
Индекс	100	98	102	98	107	106
Площадь посевов, млн. федданов	7,7	7,7	8,7	8,4	9,2	9,3
Индекс	100	100	113	109	120	122
Численность сельского населения, млн. человек	9,1	10,1	11,0	12,1	13,2	14,4
Индекс	100	111	121	133	145	158
Численность сельскохозяйственного населения, млн. человек	8,0	8,9	9,4	11,3	11,9	12,9
Индекс	100	111	118	141	148	160

* Составлено по [8, с. 98].

относительного аграрного перенаселения в течение первой половины XX в. О динамике роста относительного аграрного перенаселения в Египте в 1907—1952 гг. (% к общему числу занятых в сельском хозяйстве) можно проследить по следующим данным [8, с. 101]:

	1907 г.	1917 г.	1927 г.	1937 г.	1947 г.	1952 г.
Общие масштабы аграрного перенаселения	20	22	24	29	28	29
Показатели полного или всеобщего перенаселения	5—10	10—11	14—15	17—18	17—18	18—19

Если в начале нынешнего столетия относительное аграрное перенаселение составляло пятую часть общего числа занятых в сельском хозяйстве, то к 1950 г. оно выросло почти в полтора раза. При этом доля «полностью излишней» рабочей силы (т. е. не находившей себе применения даже в период пика сельскохозяйственных работ) увеличилась вдвое.

Образование относительного аграрного перенаселения обусловлено действием фактора «выталкивания» незанятой рабочей силы из сельской местности. Однако действие этого фактора не является достаточным условием для массового переселения людей из деревни в город. Так, в 1897—1907 гг. относительное аграрное перенаселение было распространено уже довольно широко, но, несмотря на это, сельское население росло все же быстрее город-

Рост городского и сельского населения Египта в 1907 — 1970 гг. *

Год переписи	Д	Население																
		городское					сельское					всего						
		1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5		
1907	—	2 125	—	—	—	19,1	9 058	—	—	—	—	80,9	11 183	—	—	—	—	100,0
1917	10,0	2 641	516	24,2	2,2	20,6	10 030	972	10,8	1,0	79,4	12 670	1 487	13,2	1,3	100,0	100,0	
1927	10,0	3 771	1 530	43,0	3,7	26,6	10 407	377	3,7	0,4	73,4	14 178	1 508	11,9	1,1	100,0	100,0	
1937	10,0	4 436	665	17,6	1,6	27,6	11 485	1 077	10,4	1,0	72,4	15 921	1 743	12,3	1,2	100,0	100,0	
1947	10,0	6 262	1 826	41,2	3,6	33,0	12 705	1 220	10,6	1,0	67,0	18 976	3 046	19,1	1,8	100,0	100,0	
1960	13,5	9 864	3 601	57,5	3,6	37,8	16 120	3 416	26,9	1,8	62,2	25 984	7 017	37,0	2,5	100,0	100,0	
1966	5,7	12 042	2 178	22,2	3,4	40,5	17 690	1 569	9,7	1,6	59,6	29 732	3 748	14,4	2,3	100,0	100,0	
1976	10,0	16 096	4 054	33,7	2,9	43,9	20 560	2 870	16,2	1,5	56,1	36 656**	6 924	23,3	2,1	100,0	100,0	

* Составлено по [13; 14; 11; 15].

** Без учета египтян, выехавших за границу.

Д — длительность межпереписного периода в годах.

1 — численность, тыс. человек.

2 — прирост за межпереписной период, тыс. человек.

3 — прирост за межпереписной период, %.

4 — среднегодовой темп прироста, %.

5 — удельный вес в населении страны.

ского. Для массовой миграции сельских жителей в города необходимо, чтобы в городах существовал определенный спрос на дополнительную рабочую силу. Но если в течение первой половины XX в. фактор «выталкивания» трудовых ресурсов из деревни действовал постоянно и с возрастающей силой, т. е. в каждый данный момент в сельской местности находилась значительная масса разорившихся крестьян, готовых покинуть деревню, то фактор «притяжения» рабочей силы в города в условиях «антипромышленной» политики колонизаторов возникал лишь эпизодически, в периоды ослабления зависимости Египта от мирового капиталистического рынка. Импульсивный характер развития экономики городов Египта определил неравномерность роста числа городских жителей в первой половине XX в. (табл. 2).

Анализ динамики роста численности городского населения в первой половине XX в. показывает, что периоды убыстрения роста числа горожан были тесно связаны с действием фактора «притяжения» рабочей силы в города. Импульсы развития городской экономики давали как бы сигнал для начала миграции сельских жителей не от них. Фактор «притяжения», возникавший эпизодически, влиял на динамику роста городского населения лишь во времени. Величина же миграционного потока из сельской местности в города определялась в первую очередь степенью развития относительного аграрного перенаселения, размеры которого в течение всей первой половины XX в. были огромны. Действие мощного и постоянно функционировавшего фактора «выталкивания» крестьян из сельской местности приводило к тому, что в периоды оживления экономики городов число разорившихся феллахов, вынужденно перебравшихся в них в поисках работы, значительно превосходило спрос на дополнительную рабочую силу, предъявляемый со стороны городов. В результате существенная часть армии безработных и не полностью занятых в городах стала прямым «продолжением» аграрного перенаселения.

Процесс увеличения городского населения за счет притока «вытолкнутых» из деревни крестьян, намного превышающего рост потребности городов в рабочей силе, получил в литературе название «ложной урбанизации». Такое явление было широко распространено в Египте. За 1907—1947 гг. население городов увеличилось в целом на 4,1 млн. человек, в том числе на 1,9 млн. за счет естественного прироста и на 2,2 млн. в результате приезда разорившихся крестьян. За то же время число занятых в промышленности и строительстве возросло лишь на 202 тыс. человек. В 1907—1947 гг. в Каире и Александрии число людей, искавших работу, по крайней мере вдвое превышало прирост промышленного населения [9, с. 302]. Быстрое увеличение армии безработных в городах и медленное в условиях полукolonиальной зависимости развитие экономики городов привели к тому, что стала практиковаться массовая высылка приехавших в город крестьян обратно в сельскую местность. Эту функцию выполняли так на-

**Распределение экономически активного населения Египта
по основным отраслям хозяйства в 1937 и в 1947 г. ***

Отрасль хозяйства	1937 г.		1947 г.	
	Число занятых, тыс.	В % к общему числу	Число занятых, тыс.	В % к общему числу
Сельское хозяйство	4020	69,2	4439	63,5
Промышленность и строительство .	485	8,3	687	9,9
Транспорт	139	2,4	203	2,9
Торговля и финансы	440	7,6	590	8,4
Сфера обслуживания	726	12,5	1075	15,3
Итого все экономически активное население	5810	100,0	6994	100,0

* Составлено по [13, т. 2, с. XIV].

зываемые Бюро труда, созданные при полицейских управлениях.

Неспособность городов страны удовлетворить спрос на рабочие места со стороны вынужденно бежавших из сельской местности крестьян объяснялась слабостью их экономической базы, и в первую очередь промышленности — главной составляющей притягательной силы городов.

В результате медленного развития фабрично-заводской промышленности и разорения ремесленного производства вся масса промышленного населения увеличивалась в относительно незначительных размерах (табл. 3). В то же время колониальный характер экономики Египта, насильственно ориентированной на вывоз сырья и ввоз иностранных товаров, привел к гипертрофированному развитию сферы обмена и распределения. В сфере обслуживания, торговле и финансах в 1947 г. сосредоточивалось более четверти всего экономически активного населения. Такое распределение экономически активного населения означало ничем не оправданное выключение значительных масс трудоспособного населения из сферы производства материальных благ в пользу сферы обмена.

Многолетняя колониальная эксплуатация Египта, чрезвычайно медленный рост производительных сил и крайняя неравномерность в уровне социально-экономического развития различных районов страны обусловили сложный и противоречивый характер урбанизации. В отдельных районах страны масштабы относительного аграрного перенаселения были различными, и далеко не все города Египта в равной мере служили центрами «притяжения» для переселенцев из сельской местности. Так, пауперизация крестьянства особенно далеко зашла в провинциях Верхнего Египта, где в 1939—1950 гг. разорилось 184 тыс. хозяйств, или 43% крестьян-собственников, учтенных в 1939 г. [8, с. 147]. Разорение мелких собственников носило трагический характер, поскольку оно со-

проводилось массовым голодом и эпидемиями. Почти полное отсутствие крупной промышленности и невозможность найти работу в городах Верхнего Египта превратили этот район в главного поставщика сверхдешевой рабочей силы на внутренний рынок труда. Разорившиеся крестьяне устремлялись в основном в Нижний Египет, и прежде всего в наиболее крупные его города.

Гипертрофия крупнейших городов страны в первой половине XX в. еще более возросла. В 1947 г. Каир и Александрия сосредоточивали 48% городского населения Египта, причем каждый третий горожанин был жителем столицы страны. Изменился облик городов, их микрогеография стала более контрастной. Массовый приток крестьян в наиболее крупные города привел к разрастанию в них трущоб, а рост иностранной, инонациональной и местной буржуазии — к созданию в них современных кварталов, мало напоминающих кварталы восточного города. Для египетских городов стали характерны многие социальные и экономические проблемы: массовая безработица, жилищная, транспортная и др.

Внедрение иностранного капитала в экономику Египта и развитие в стране капитализма колониального типа определили появление многих острых противоречий, в том числе связанных с процессом урбанизации. Приступить к их разрешению можно было лишь в условиях освобождения страны от пут иностранного капитала и радикального изменения господствовавших общественных отношений.

§ 4. Современный этап урбанизации

Период проведения прогрессивных социально-экономических преобразований при президенте Г. А. Насере (1952—1970). 23 июля 1952 г. в Египте свершилась революция, открывшая путь для глубоких социально-экономических преобразований в стране, осуществлявшихся под руководством Насера. Революция 1952 года стала началом качественно нового этапа урбанизации Египта. Он нашел свое выражение в появлении новых тенденций в динамике и соотношении основных факторов урбанизации, размещении населения, predetermined активное вмешательство государства в процесс урбанизации.

Темпы роста городского населения в послереволюционный период заметно возросли. Так, если в 1907—1947 гг. число жителей в египетских городах выросло на 4 млн., то в 1947—1975 гг. — примерно на 10 млн., среднегодовой темп прироста городского населения составил в этот период около 3,5%, что выше прироста сельского населения (1,8%) почти в 2 раза.

Арабская Республика Египет — самая урбанизированная среди всех развивающихся стран Африки. В 1976 г. в городах Египта проживало более 16 млн. человек, или 44% всего населения страны. Этот процент выше, чем средний по Африке (20%), примерно вдвое. Среди африканских стран АРЕ выделяется также высокой концентрацией городского населения. В городах с числом жите-

лей более 100 тыс. сосредоточено почти $\frac{3}{4}$ всех горожан; этот показатель уже сближает Египет с развитыми странами. Каир — самый большой по численности населения город Африканского континента; он входит в список крупнейших в мире (с пригородами около 8 млн. человек в 1976 г.). Александрия (около 2,3 млн. жителей) — второй по величине город Африки.

В послереволюционный период рост городского населения характеризовался не только ускорением темпов, но и относительной равномерностью. Эти новые черты в урбанизации Египта связаны с изменением соотношения основных ее факторов. Заметно возрастает притягательная сила городов, и, что самое главное, она стала постоянно действующим фактором урбанизации в отличие от той роли, которую она играла в прошлом, когда, подобно «отводному каналу», функционировала лишь эпизодически.

В основе роста значения фактора «притяжения» лежал неуклонный курс египетского правительства на широкую индустриализацию страны, создание новых отраслей промышленности, имеющих большой градообразующий потенциал. Так, удельный вес промышленной продукции в национальном доходе увеличился с 16% в 1952/53 г. до 25% в 1976 г. Опережающими темпами развивалась тяжелая индустрия: ее доля в совокупной продукции всей обрабатывающей промышленности за то же время возросла с 18 до 32,2%.

Наряду с ростом промышленности стали более значимы после революции такие составляющие притягательной силы городов, как развитие образования, культуры, науки и др. Однако, несмотря на заметное укрепление экономической базы городов, не была обеспечена полная занятость прибывающих в город сельских жителей.

Поэтому одновременно с развитием городов очень важное значение для решения острой проблемы «ложной урбанизации» имела глубокие социально-экономические преобразования в самой египетской деревне, проведенные при президенте Насере. Они в значительной мере способствовали снижению степени относительного аграрного перенаселения. Одни из них были направлены на изменение общественных отношений, сложившихся в колониальный период (проведение трех этапов аграрной реформы, ограничившей землевладение до 2,1 га на человека; передача изъятых излишков безземельным и малоземельным феллахам; кооперирование крестьян; создание государственных хозяйств). Другие — на расширение обрабатываемых и посевных площадей. Это прежде всего строительство с помощью СССР Асуанского гидроэнерготехнического комплекса, позволяющего увеличить площадь обрабатываемых земель на $\frac{1}{3}$, оградить египетскую часть долины Нила от разрушительных наводнений и опустошительных засух. Улучшению условий занятости в сельской местности способствовали созданию там агропромышленных комплексов и иные меры.

Активная политика государства в то время, когда его возглавлял президент Насер, по развитию экономической базы городов и сокращению степени относительного аграрного перенаселения

предопределила тенденцию к изменению соотношения основных факторов урбанизации. Продолжение и углубление такой политики могло бы со временем разрешить проблему несоответствия роста городского населения и спроса городов на дополнительную рабочую силу.

Как видно, влияние государства на процесс урбанизации в послереволюционный период стало значительным. Это тоже одна из наиболее важных черт урбанизации. Такая возможность для государства во время деятельности президента Насера была связана с господствующим положением в экономике страны государственного сектора, развивающегося на плановой основе. Можно привести несколько примеров влияния государства, хотя и опосредствованного, на многие стороны процесса урбанизации. Мы остановимся лишь на одном из них, наиболее важном с экономико-географической точки зрения.

Значительным шагом на пути создания системы взаимосвязанных городов, соответствующей национальным интересам, является децентрализация промышленного производства и городского населения. В наследие от колониального прошлого Египту досталась слаборазвитая сеть городов, сложившаяся в условиях долговременной зависимости страны от мирового капиталистического рынка.

Одной из важнейших черт урбанизации АРЕ является значительная концентрация городского населения в двух крупнейших городах — Каире и Александрии (табл. 4). В столице страны и ее главном морском порте сосредоточивается около половины всех городских жителей АРЕ. В двух этих городах концентрируется почти 60% всех египетских промышленных предприятий, на которых работает около половины всех занятых в обрабатывающей промышленности страны. В Каире и Александрии находится преобладающая часть крупных торговых фирм, банков и транспортных компаний. В то время, когда Египет служил аграрно-сырьевым придатком мирового капиталистического рынка, именно через эти два города иностранный капитал проникал в страну, что обусловило их стихийное и гипертрофированное развитие.

Противоположностью крупнейшим городам Египта выступают малые (менее 20 тыс. жителей) и средние (20—100 тыс. жителей) города, составляющие большинство городских поселений республики (87%). Они выполняют функции местных торгово-ремесленных и административных центров с ограниченной зоной «тяготения». Выделение их из числа окружающих сельских поселений связано с начальной, доиндустриальной стадией урбанизации, когда сельскохозяйственное производство уже не является основным видом занятий населения. По своей морфологии, характеру застройки и образу жизни жителей такие города мало отличаются от крупных сел. Малые и средние города довольно равномерно размещены по освоенной части территории Египта в соответствии с общей картиной сельского расселения, с которым они генетически связаны. Такие города, как правило, привлекают население

из деревень в ограниченных масштабах и нередко сами служат промежуточными пунктами для сельских жителей, мигрирующих из них в более крупные города. Доля населения малых и средних городов во всем городском населении Египта заметно уменьшилась (с 42% в 1947 г. до 25% в 1970 г.).

Промежуточное место между крайними полюсами городской структуры Египта занимают города с числом жителей более 100 тыс. и менее 1 млн. Таких городов в Египте 14. Самый крупный из них — Эль-Гиза (712 тыс. жителей в 1970 г.) — по числу жителей почти в 3 раза уступает Александрии. В последние десятилетия население этой группы городов растет быстрее, нежели население Каира и Александрии. Продолжение такой тенденции может привести со временем к ослаблению гипертрофии крупнейших городов и к более равномерному распределению городского населения по освоенной части территории Египта. Однако следует отметить, что не все города этой группы своим ростом способствуют этой положительной тенденции.

По экономико-географическому положению и выполняемым функциям крупные города Египта делятся на три группы. К первой относятся спутники Каира, фактически части Каирской агломерации. До 1966 г. эта группа состояла из трех городов: Эль-Гизы, Имбабы и Шубра-эль-Хеймы. Территориальная близость и тесные хозяйственные связи со столицей порождают частые (от переписи к переписи населения) изменения границ между ними. С 1966 г. Имбаба входит в состав Эль-Гизы, их население в 1970 г. — 712 тыс. человек. Быстрый рост числа жителей этих городов, которые до начала 60-х годов не были «стотысячниками», объясняется влиянием Каира.

Вторую группу составляют города зоны Суэцкого канала: Порт-Саид, Суэц и Исмаилия. Их развитие в основном связано с деятельностью канала и определяется внешними факторами, а не потребностями прилегающей территории, так как, окруженные со всех сторон пустыней, они не имеют сколько-нибудь обширного хинтерланда.

В третью группу входят крупные административные центры губернаторств, расположенные по всей освоенной части территории страны. Это Танта, Эль-Мансура, Даманхур, Эз-Заказик в дельте Нила; Асуан, Асьют, Эль-Файюм и Эль-Минья в Верхнем Египте. К этой же группе мы относим г. Эль-Махалла-эль-Кубра — административный центр не губернаторства, а дистрикта, большая людность которого обусловлена размещением в нем крупных текстильных предприятий. Каждый из этих городов обслуживает довольно обширную территорию и является головным центром местной городской сети, обеспечивая окружающую местность специализированными коммерческими и административными услугами и распределяя товары, созданные на месте и в других городах.

Для решения проблемы децентрализации городского населения наиболее подходят города третьей группы. После революции 1952 года правительство независимого Египта, возглавлявшееся

Рост городского населения АРЕ в 1947 — 1970 гг. *

Группа городов разной людности	Население, тыс. человек			Процент ко всему городскому населению			Среднегодовой темп прироста	
	1947 г.	1960 г.	1970 г.	1947 г.	1960 г.	1970 г.	1947 — 1960 гг.	1960 — 1970 гг.
Более 1 млн. человек:								
Каир	2091	4 220	4 961	33,4	33,9	35,4	3,7	3,9
Александрия	919	1 801	2 032	14,7	15,4	14,5	3,9	2,9
100 тыс. — 1 млн. человек	643	2 906	3 468	10,3	19,9	24,1	8,9	6,8
В том числе:								
города периферии Каирской агломерации	—	398	744	—	4,0	6,2	—	11,0
города зоны Суэцкого канала	285	565	706**	4,6	5,9	5,7	5,7**	3,4
административные центры губернаторств .	358	994	1 707	5,7	10,0	12,2	8,2	6,8
Менее 100 тыс. человек	2609	3 115	3 537	41,6	30,8	25,3	1,2	0,4
Всего	6262	12 042	13 998	100,0	100,0	100,0	3,6	3,4

* Составлено по [13; 14; 11].

** Оценка.

Насером, уделяло большое внимание развитию отдаленных губернаторств. Яркий пример такой политики — создание с помощью Советского Союза нового мощного промышленного очага на крайнем юге страны, основой которого служит гидроэнергетический комплекс Высотной Асуанской плотины, что уже сказывается на развитии городской сети этого до недавнего времени малоосвоенного района Египта, откуда отток сельских жителей был наиболее велик. Число жителей г. Асуана за последнее время увеличилось примерно в 4 раза и сейчас превышает 200 тыс. человек. Из небольшого городка в крупный город превратился Наг-Хаммади (в 290 км к северу от Асуана), где при техническом и экономическом содействии советских специалистов построен большой алюминиевый завод.

В плановых органах Египта велась работа и по составлению программы развития Каирской и Александрийской агломераций. Запрещалось строительство крупных промышленных объектов в центральных частях агломераций. Новые предприятия размещали в периферийных районах. В этом причина быстрого роста Гизы—Имбабы и Шубра-эль-Хеймы и Хелуана. В этих городах-спутниках вместе с промышленными предприятиями созданы обширные жилые массивы для расселения рабочих, что имело целью в значительной мере сократить маятниковые поездки.

Анализ влияния социально-экономических преобразований на развитие городов в Египте в 1952—1970 гг. представляет собой большой интерес в плане изучения опыта воздействия государства на урбанизацию в условиях развивающейся страны. Несмотря на ограниченность этого опыта во времени, можно сделать вывод о его некоторых положительных моментах. Целенаправленное развитие экономики страны в соответствии с национальными интересами, на основе укрепления госсектора и при содействии социалистических стран способствовало уменьшению элемента стихийности в процессе урбанизации и, что не менее важно, давало возможность в определенной мере регулировать этот процесс в территориальном аспекте путем более сбалансированного регионального развития.

Период «либерализации» экономики при президенте А. Садате. В основе государственного регулирования процесса урбанизации в первые 20 лет послереволюционного развития лежало господствующее положение государственного сектора в экономике Египта. Во второй половине 70-х годов правительство нового президента, А. Садата, стало проводить курс на более широкое привлечение в страну иностранного капитала, на поощрение деятельности национальной буржуазии, на свертывание экономических отношений с социалистическими странами. Новая экономическая политика открывает простор для развития капиталистических отношений, подрывает позиции госсектора и систему централизованного планирования хозяйства, сопровождается пересмотром осуществленных ранее прогрессивных социально-экономических преобразований и значительным ухудшением положения широких трудя-

щихся масс. Для Египта нескольких последних лет характерно резкое обострение многих социально-экономических проблем, в том числе связанных с процессом урбанизации.

Рост экономической базы городов, столь характерный для первых двух послереволюционных десятилетий, в настоящее время не получает достаточной поддержки, так как ставка нынешнего руководства Египта на обильный приток частных иностранных капиталовложений в промышленность не оправдалась. Они направляются главным образом в туризм, банковское дело, торговлю и лишь в некоторые отрасли легкой промышленности, а также в нефтяную промышленность. Это же можно сказать и в отношении египетского частного капитала. В то же время госсектор в новых условиях все более теряет свою эффективность в служении общенациональным интересам.

В сельской местности новая экономическая политика вновь возродила тенденцию к росту относительного аграрного перенаселения. В 1974 и 1975 гг. были приняты законодательные меры, согласно которым началось возвращение конфискованных земель бывшим владельцам, существенно повышена арендная плата и вновь санкционирована издольщина, иностранные компании получили право аренды земли и покупки с аукциона новых, отвоеванных у пустынь площадей. Все эти меры резко увеличили армию сельской бедноты, численность которой в последние годы превысила 4 млн. человек.

Осуществление политики «либерализации» экономики привело к значительному ухудшению условий занятости в стране. По свидетельству министра планирования АРЕ А. Магида, число безработных в настоящее время достигло 1,6 млн. человек, или более 10% рабочей силы страны. К этому необходимо добавить, что около 1,5 млн. египтян вынуждены в последнее время эмигрировать из страны в поисках работы за рубежом.

Новая экономическая политика ведет к усилению территориальных диспропорций в размещении хозяйства и в городском расселении. Иностранный и национальный частный капитал устремляется в районы с уже развитой инфраструктурой, прежде всего в крупнейшие агломерации страны — Каирскую и Александрийскую, существенно усугубляя проблему их гипертрофии. Особенно остро стоят жилищная, транспортная, экологическая и многие другие проблемы в столице Египта Каире, число жителей которого при сохранении нынешних темпов роста к 2000 г. составит 20 млн. человек, или треть всего населения страны. В городе в аварийном состоянии находится более 70% домов в кварталах, где живут трудящиеся, серьезно нарушена работа связи и общественного транспорта, отсутствует нормальная система водочистки и т. д.

В 1976 г. в Египте объявлено о намерении построить новую столицу страны. Однако, исходя из современного состояния экономики АРЕ, это мероприятие представляется слишком маловероятным и скорее преследует пропагандистскую цель, как и многие

другие широко рекламируемые проекты правительства А. Садата.

Новая социально-экономическая ситуация, складывавшаяся во второй половине 70-х годов, меняет те положительные тенденции, которые имели место в первые 20 лет послереволюционного развития и объективно содействовали нормализации процесса урбанизации в Арабской Республике Египет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
2. Ленин В. И. Крах II Интернационала.— Полное собрание сочинений. Т. 26.
3. Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полное собрание сочинений. Т. 28.
4. Андреев В. И. В стране пирамид. М., 1972.
5. Новая история стран Зарубежного Востока. М., 1952.
6. О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). М., 1962.
7. Объединенная Арабская Республика (Справочник). М., 1968.
8. Фридман Л. А. Египет (1882—1952): социально-экономическая структура деревни. М., 1973.
9. Фридман Л. А. Капиталистическое развитие Египта (1882—1939). М., 1963.
10. Grouchley A. E. The Economic Development of Modern Egypt. L., 1938.
11. Demographic Year-Book of UN. N. Y., 1971.
- 12а. «Middle East». L., 1976, August, № 22.
13. «Population Census of Egypt, 1960». Cairo, 1961.
14. «Population Census of Egypt, 1966». Cairo, 1967.
15. سكان مصر، نتائج التعداد العام للسكان والاسكان نوفمبر ١٩٧٦
تقديم جمال عسكر، ملحق يوزع مع عدد اول مايو ١٩٧٨
(Предварительные итоги переписи населения и жилищ в Египте в 1976 г. Каир, 1978.)

К. П. Калиновская

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ КИКУЙЮ В ПЕРИОД КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА

Столетний период колониальной зависимости на пути развития многих народов Африки справедливо определяют как историческую фазу, именуемую колониальным обществом. Этот особый тип социального развития явился связующим звеном между уходящей эпохой архаической формации и современными социальными формами африканских обществ.

Англия, как и другие европейские государства, выступала в Африке под лозунгом «цивилизовать и поднять бедных дикарей» [3, с. 124]. Само собой разумеется, что культуртрегерские, миссионерские идеи прикрывали основную задачу британского империализма — завладеть обширными территориями Африки и превратить их в свой экономический придаток. В отношении Кении политика Великобритании проводилась под лозунгом превращения этой страны в «страну белого человека».

В 1897 г. английское правительство объявило всю территорию Кении собственностью британской короны. Колониальные власти получили право отнимать у африканцев земли без всякой компенсации. Земельная политика, проводимая здесь, не принимала в расчет традиционных норм и прав местного населения на землю. Чтобы освободить плодородные участки под плантации монокультур (сизаль, кофе, каучуконосы, пшеница), применялись насильственные методы переселения туземцев и организации резерватов. Местное население было обложено множеством налогов и принудительных повинностей в форме отработок на фермах и плантациях европейцев; была введена единая денежная система и приняты другие меры.

Земледельцев-кикуйю изгнали с их обширных плодородных земель. Многие вынуждены были уйти работать к европейцам на фермы, плантации и в города. Остальное население, собранное в резерватах, продолжало заниматься традиционным земледелием. Условия резерватов были чрезвычайно тяжелы из-за перенаселенности (плотность в резерватах кикуйю доходила до 1000 человек на 1 кв. км) и малой площади пахотной земли. У кикуйю не стало возможности оставлять поле на отдых для восстановления. Они вынуждены были истощать почвы до предела; сушеи

и дожди увеличивали эрозию. Вследствие этих причин положение с землей сложилось крайне трудное [1, с. 167; 2, с. 142—148].

В результате колониальной политики метрополии лучшие земли — и пахотные и пастбищные — были у кенийцев отобраны, а масса рабочих рук отнята у местного хозяйства африканцев. Эти меры в корне подорвали основы традиционной экономики африканских обществ, что не замедлило отразиться на их социальной организации.

Колониальная администрация в Кении столкнулась с различными формами социальной структуры, сложившимися за долгую эпоху доклассовой формации. Что касается кикуйю, то следует отметить, что в основе их социальной организации ко времени прихода европейцев хотя и в значительно деформированном виде, но все еще сохранялась система возрастных группирований.

Существование возрастных систем в классическом варианте реконструкции выражалось в следующем. Вся жизнь общества была организована в соответствии с делением на возрастные группы независимо от кровнородственных связей. Группы формировались с учетом реального возраста индивидов. Система распространялась как на мужскую, так и на женскую часть общества. Каждая возрастная группа через определенные, одинаковые по длительности периоды, через обряды инициации передвигалась от самой низшей общественной степени к самой высокой. На ранней степени возрастные группы молодежи проходили период обучения, затем они переходили в возрастную степень воинов, далее шла степень руководства, как бы органа управления, последняя степень являлась советом старейшин. Каждый отдельный член общества, находясь в группе сверстников, проходил в неперемennom порядке все стадии общественного положения независимо от кровного родства.

К концу XIX в. у кикуйю эта система уже не представляла классического образца древних социальных форм, основой которых был принцип половозрастного разделения труда, общественный характер производства и управления.

К моменту прихода европейцев в Восточную Африку структуры африканских обществ, в частности кикуйю, представляли несколько иную картину. Эти народы находились на поздней стадии развития доклассовой формации. Возрастные системы в определенной мере уже утратили первоначальное значение, хотя форма организации еще сохранилась. Однако принцип кровного родства в основе пополнения этих систем вытеснил возрастной. Функции социальных степеней все еще сохраняли свою силу, однако ряд прерогатив, прежде достигавшихся всеми членами общества, теперь передавался от отца к сыну, и получали их не все члены общества. Появились фамилии, узурпировавшие у общества право на постоянное выделение из среды своих родственников кандидатов на высокие посты в системе. Социальное неравенство сказывалось в первую очередь на иерархии ступеней возрастной системы, самых высоких теперь достигали через прямую зависимость

от кровных связей, а получение ведущих должностей в системе находилось в большой зависимости от материального благополучия семьи. Земля и пастбища продолжали быть общим владением. Однако процесс вычленения собственности отдельных семей углублялся.

Приход европейцев ускорил процесс. Выражалось это в следующем. Колониальные власти не были заинтересованы в полной ликвидации традиционных форм организации местных обществ. Колониальная система управления в определенной мере способствовала сохранению таких элементов традиционной социальной организации, как институт вождя или возрастные группы, приспособляя эти элементы для своих целей. Однако, лишив кикуюю земли и рабочей силы, англичане в корне подорвали их хозяйственную базу, что неизбежно повлекло за собой изменение их традиционного общественного устройства [4, с. 25—31, 69].

Перемены, в частности, сказались на нарушении периодичности формирования звеньев возрастной организации. Так, у кикуюю образование возрастных групп по традиции повторялось через каждые 13 лет, в которые включался четырехлетний перерыв, в течение которого группы не иницировались. После 1918 г. весь период инициации групп был сокращен до шести лет. Вызвано это было следующим. В 1910 г. колониальная администрация ввела в Кении непомерно высокий подушный налог на мужчин, начиная с 16-летнего возраста [2, с. 147]. Неуплата влекла тюремное заключение или отправку на принудительные работы. И тем не менее юноши отказывались от уплаты на том основании, что этот акт был знаком участия в общественных делах зрелых, иницированных мужчин и никто из неиницированных не имел права участвовать в таких делах. Государственная служба, налоги были делом взрослых. Однако английские чиновники, не имевшие понятия об обычае перерыва инициации на четыре года, сочли, что молодежь отказывается от инициации с целью избежать уплаты налога. В результате давления, оказанного колониальными властями, руководящая группа кикуюю («старшие») вынуждена была отменить четырехлетний перерыв, и иницировать юношей стали ежегодно. Таким образом, метрополия добилась поступления в казну налогов, а возрастная система кикуюю утратила регулярность формирования групп и подразделений, так как традиционный цикл был нарушен [4, с. 12].

Переселение кикуюю с их земли в резерваты нарушило и традиционное объединение возрастных групп в младшее и старшее поколения для передачи управления страной уходящими старшим своим детям и внукам.

Объединения стали оформляться нерегулярно. Из-за этого изменялся однородный возрастной состав групп, т. е. нередко в ранее иницированной группе оказывались индивиды младше по возрасту, нежели в группе, иницированной позднее. Все это происходило потому, что нередко колониальная администрация целые группы переселяла на новое место, а это сразу ломало хро-

нологию системы. Постепенно формирование возрастных групп по поколениям и в соответствии с дуальным делением кикуйю было не только нарушено, но местами, на юге в районе Киамбу, уничтожено полностью [5, с. 16].

По традиции каждый кикуйю после инициации принадлежал к определенной возрастной группе и сохранял эту принадлежность пожизненно. После 1934—1935 гг., когда англичанами была проведена очередная массовая передислокация местного населения, кикуйю были так разобщены и перемешаны, что восстановить цельность возрастных групп оказалось невозможным. В результате еще одно нарушение возрастной системы — исчезла обязательность пожизненной принадлежности к одной определенной группе после инициации [4, с. 36].

Прежде передача управления страной одним поколением другому сопровождалась ритуальным сражением, имитировавшим узурпацию воинских привилегий младшими у старших. Колониальные власти запретили этот ритуал. Пресечены были любые упрощения подразделений воинов, которые по традиции были их постоянным занятием. Эти меры англичан свели на нет возрастную степень воинов в системе кикуйю.

Создание возрастных групп воинов было связано с традиционной функцией обороны и нападения. Инициация этих групп всегда сопровождалась ритуальным военным рейдом на соседние народы. Британские власти запретили эти рейды, и формирование групп воинов утратило свою прежнюю основу. В связи с этим степень воинов в возрастной системе кикуйю фактически прекратила свою деятельность [4, с. 65, 76—80].

Британская администрация неоднократно создавала и реформировывала местные советы, управлявшие резерватом. Причем состав этих органов определялся англичанами, включавшими в комитет вождей по своему выбору и платившими им жалованье.

Прежде власть решать земельные споры принадлежала совету старейшин. Причем земля была общим владением, а потому любая отдельная семья распоряжалась в свою пользу только урожаем.

В новых условиях положение резко изменилось. Глава семьи мог уже без обращения в совет старейших воспользоваться своим личным правом на землю: он мог продать свой участок и переехать на другой, купив его в другом дистрикте. В такой сделке участвовали уже частные владельцы, и споры, возникавшие между ними, рассматривались на уровне колониальных органов правосудия, а не были в компетенции традиционной социальной организации. Земля — основа экономики — перестала быть общим владением.

Введение европейской денежной системы, ограничение специальными центрами свободной прежде торговли и введение тяжелых налогов на участников торговли — все это разрушало традиционные основы жизни кикуйю. Тяжелый налог на жилье в пользу британского правительства привел к тому, что целые семьи

теснились в одной хижине. А по традиции в каждой семье жена имела свой дом, считавшийся священным очагом семьи и местом общения с предками, а муж имел свою хижину, где принимали друзей и знакомых. Это тоже вело к ломке традиционного образа жизни африканцев.

Интенсивная миграция сельских жителей в город и на фермы для заработка лишала хозяйство рабочей силы и делала бессмысленным организацию мероприятий возрастной системы без массы участников.

Традиция коллективной ответственности была всегда неотъемлемой частью правового кодекса возрастной системы кикуюю. Если человек совершал преступление, ответственность ложилась на всю возрастную группу, к которой он принадлежал. В соответствии с этой традиционной нормой кикуюю продолжали действовать (в случае каких-либо нарушений со стороны членов их общества) и в период колониального режима. Так, если колониальные власти назначали штраф за нарушение, то кикуюю штраф вносили коллективно, от всей группы, к которой принадлежал нарушитель. Такое явление было совершенно непонятно колониальной администрации, потому что никак не увязывалось с английскими правовыми нормами, и потому всячески пресекалось администрацией. А в результате таких пресечений рушились традиционные обычаи и функционирование возрастной организации.

До прихода англичан у кикуюю высшим органом управления были советы старейших. Каждый член общества, пройдя главную церемонию инициации, означавшую переход в состояние зрелости, должен был принять активное участие в управлении. Не было в этом статусе никакого личного наследования, не было оплачиваемых должностей в совете. Институт власти был, по существу, демократическим.

Колониальная система управления, установленная Великобританией, система правительственных чиновников и назначаемых ими оплачиваемых вождей, ничего общего не имела с прежней организацией общества народов Кении.

В 1928 г. состоялась последняя большая церемония *itwika* — церемония передачи власти над страной старшего поколения младшему, после чего британское правительство запретило эту традицию народа кикуюю [4, с. 40—42].

Колониальная администрация неоднократно принимала меры для пресечения традиционного обычая кикуюю *igua* — церемонии, отмечавшей переход от детства к зрелости, означавшей вступление молодежи в группы возрастной системы. Пресечение отдельных элементов этой традиции наносило разрушительный удар по символу, объединявшему возрастные группы. Действия англичан разрушали тот «дух коллективизма и национальной солидарности, который поддерживал кикуюю с незапамятных времен»; европейский империализм запретил людям «свободно действовать и двигаться в их собственной стране» [3, с. 135, 211—212].

На примере кикуйю отчетливо видно, как колониальный режим подрывал основы традиционной экономики африканских обществ, ускорял процесс разрушения их древней социальной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исмагилова Р. Н. Народы Кении в условиях колониального режима. — Труды ИЭ. Т. 34, 1956.
2. Кулик С. Ф. Современная Кения. М., 1972.
3. Kenyatta J. Facing Mount Kenya. The Tribe Life of the Gikuyu. L., 1938.
4. Lambert H. E. Kikuyu Social and Political Institutions. L., 1946.
5. Middleton J. The Kikuyu and Kamba of Kenya. East Central Africa. Pt V. L., 1953.

В. А. Попов

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
АШАНТИЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА НТОРО**

Ашантийцы — один из наиболее крупных этносов современной Ганы, играющий большую роль в общественно-политической и культурной жизни этого западноафриканского государства. Ашантийцы являются самым многочисленным народом группы акан, населяющих гвинейское побережье и центральные районы Ганы, Того и Берега Слоновой Кости. По данным на 1975 г., общая численность народов акан составляла 5,8 млн. человек, из них ашантийцев — более 1 млн. [1, с. 37].

Народы акан объединяются в одну группу прежде всего по языковым признакам: все они говорят на взаимопонимаемых языках, относящихся к группе ква гвинейских языков Западной Африки. По степени языковой близости народы акан подразделяются на две подгруппы: западную, в которую включают аньи, бауле, нзима, аханта, сефви, афема, аовин, аброн (бронг), чокоси и др., и восточную, в которую включают ашантийцев, аквапим, ачем (аким), фанти, акваму, кваху, васау, аданси, джаман и др. [7, с. 324; 10, с. 6; 14, с. 363; 33, с. 79].

Несмотря на близость языков, общность происхождения и определенное единство материальной и духовной культуры, народы акан весьма различны по уровню социально-экономического развития. Однако в науке еще не сложилось единого мнения о том уровне, которого народы акан достигли в доколониальный период, поскольку еще недостаточно изучены многие особенности их традиционной общественной организации, в том числе социальный институт нторо, его происхождение и соотношение с другими социальными подразделениями. Настоящая статья посвящена характеристике социального института нторо у ашантийцев середины XIX — начала XX в.

По представлениям ашантийцев, каждый человек состоит из двух элементов: *моджа* (moguа) и *нторо* (ntorɔ). Моджа — это кровь, передаваемая ребенку матерью. Моджа придает человеку его внешний, физический облик и передает ему положение члена определенного матрилинейного рода — абусуа (abusua). Нторо (нтон) — душа, личность человека, его характер. Нторо получают от отца. Словом «нторо» обозначается также мужское семя [29,

с. 44]. Этим же термином ашантийцы называют патрилинейные группировки (у фанти аналогичные подразделения носят название *egyabosom* 'дух отца').

Членами абусуа являются кровные родственники по материнской линии, ведущие свое происхождение от реальной или мифической прародительницы. Каждая абусуа имеет свое название, девиз и тотем, которые являются символами единства. Идеологическое единство абусуа проявляется в общем культе предков и в некоторых обрядах. Все члены одной абусуа, как живые, так и умершие (предки), обладают одинаковыми правами и обязанностями. Они несут коллективную ответственность за долги и преступления сородичей, имеют право пользоваться землями, принадлежащими их абусуа. Вся земля у ашанти поделена между абусуа и принадлежит только им [12; 15; 16; 19; 24; 29; 30].

К одному нторо принадлежат все родственники, происходящие от одного предка-мужчины, а также женщины, живущие в домохозяйствах — *фиефо* (*fiefɔ*) — своих мужей. Р. С. Рэттрей указывал, что все нторо экзогамны [29, с. 47]. Но другие исследователи утверждают, что ограничение браков в пределах одного нторо было не таким строгим, как в абусуа. Потомки одного мужчины в 5—6-м поколении могли вступать в брак друг с другом [24, с. 24]. Поэтому нет никаких оснований считать нторо аналогичным родовым группировкам абусуа, как это проскальзывает у Р. С. Рэттрея, когда он пишет об экзогамности нторо. Ведь членами нторо являлись не только потомки одного предка-мужчины, но и жены, живущие вместе со своими мужьями. Это не экзогамия, при которой полностью исключается возможность того, чтобы супруги принадлежали к одной абусуа. Нторо скорее эктогамное подразделение, т. е. такая система, при которой человек не может вступать в брак с членом своей собственной группы, но супруг включается в состав этой группы¹.

Члены одного нторо не владеют землями, постройками и т. п. и не имеют взаимных обязательств, как члены одной абусуа. Их связывают в некое единство соблюдение определенных табуаций, общий набор имен, формы этикета и общие ритуалы, связанные с духом-покровителем определенного нторо.

Число нторо неодинаково в разных районах страны Ашанти (от 4 до 12). В Кумаси лучшие знатоки ашантийских обычаев дают следующий список из семи нторо [13, с. 198]:

1. Босоммуру с подразделениями:
Адуфодие, Акрудие, Асадофие, Аниние.
2. Босомпра с подразделениями:
Абоадие, Анкамадуа.
3. Ативидие с подразделением Аджинадие.
4. Аждафефо с подразделением Нкатиа.
5. Амоадие.
6. Аканкадие.
7. Абанкадие.

¹ Термин «эктогамия» предложен Ю. И. Семеновым [8, с. 83].

К. Г. Харпер, первым обративший внимание на группировки нторо у народов акан, отметил четыре главных нторо: Босумору, Босумчви, Босумпра и Нкетиа [21, с. 184—185]. Р. С. Рэттрей описал девять нторо [29, с. 47]. Дж. Б. Данква в одной из ранних работ перечисляет шесть основных [16, с. 242]:

<i>Рэттрей</i>	<i>Данква</i>
Босоммуру	Босоммуру
Босомпра	Босомпра
Босоммаран	Босомчве
Босомчви	Поаква
Аджинадие	Атвере
Аджимадие	Конси
Нкансадие	
Аканкадие	
Абанкадие	

В более поздней работе Дж. Б. Данква упоминает двенадцать главных нторо [17, с. 12]:

Босоммуру	Босомафи
Босомпра	Босомайесу
Босомтви	Босом-Конси
Босомпо или Босом-Нкетиа	Босомсика
Босом-Дверебе	Босомафрам
Босом-Аком	Босомкрете

Первая часть названий большинства нторо — *босом* (bosom, obosom) — переводится как 'дух'; вторая часть составляет имя духа, под покровительством которого находятся члены данного нторо, причем в большинстве своем имена духов являются названиями рек и водоемов: *Босомпра* 'дух реки Пра', *Босоммуру* 'дух реки Буру', *Босомпо* 'дух моря' (по 'море'), *Босомчви* 'дух озера Босомчви' и т. д. Считается, что члены нторо — дети речных духов или, точнее, духов воды, от которых они получают свое нторо. А эти речные духи, в свою очередь, являются детьми высшего духа — духа неба *Ньяме* (Nyame). Духи рек считаются самыми могущественными из всех детей Ньяме (духов сил природы, которые являются одним из основных объектов поклонения у ашантийцев).

Характерна форма вопроса, употребляемого ашантийцами для того, чтобы выяснить, к какому нторо принадлежит человек: «Какое нторо ты омываешь?», «Какой реке ты поклоняешься?» [25, с. 116]. Вода и вообще жидкость (слюна и др.) играют большую роль в различных ритуалах у всех народов акан.

В некоторых источниках сообщается, что нторо — синоним *сунсума* (sunsu) — одной из душ человека («душа-тень», по терминологии Б. И. Шаревской [11, с. 160]). Однако К. А. Бусиа отмечает, что нторо — более общее понятие, чем сунсум. Сунсум — дитя определенного нторо. Поэтому те, кто принадлежит к одной группе нторо, обладают одним сунсумом [13, с. 198].

Иногда понятие «нторо» смешивают с понятием «кра» (kpa,

ока) — особой жизненной силой (каждый день недели находится под опекой особого кра, которое покровительствует людям, родившимся в этот день). Так, М. Дж. Херсковиц в 30-х годах XX в., проводя полевые исследования в стране Ашанти, в деревне Асо-коре, установил, что ее жители называли группирования, аналогичные по своим характеристикам нторо, *kra-washing groups* [22, с. 292]. М. Дж. Филд отмечала, что ачем (аким) считают понятия «кра» и «нторо» синонимами [18, с. 97].

В целом соотношения нторо с другими анимистическими категориями ашантийцев недостаточно изучены. Источники дают очень противоречивые сведения, и в этом еще предстоит разобраться.

Основным ритуалом группировок нторо была церемония *afodie*, которая представляла собой жертвоприношение (обычно курицы) эпониму данного нторо. Каждое нторо имело также особый ритуальный день омовений — *asum dware*, — в который совершались различные очистительные обряды. Иногда эти дни совмещались с *akra dware* 'днями кра'. Отсюда, по-видимому, и происходит смешение понятий «нторо» и «кра».

Духовные узы между членами одного нторо крепились также верой в то, что все они склонны обладать особым складом характера (то же самое характерно и для членов одной абусуа). Дж. Б. Данква дает следующий список качеств, которыми должны обладать члены определенного нторо [17, с. 12]:

<i>Босоммуру</i>	' благородные '
<i>Босомпра</i>	' стойкие, выносливые '
<i>Босомтви</i>	' добрые '
<i>Босомпо (Босом-Нкетиа)</i>	' смелые '
<i>Босом-Дверебе</i>	' эксцентричные '
<i>Босом-Аком</i>	' фанатичные '
<i>Босомафи</i>	' скромные '
<i>Босомайесу</i>	' жестокие '
<i>Босом-Конси</i>	' искусные '
<i>Босомсика</i>	' привередливые, разборчивые '
<i>Босомафрам</i>	' щедрые '
<i>Босомкрете</i>	' великодушные '

Для каждого нторо табуированы отдельные виды животных, птиц и растений. Например, для Босоммуру — буйвол, питон и собака, для Босомпра — леопард и т. д. Этим животным запрещалось убивать и употреблять в пищу. В определенные дни необходимо было воздерживаться от употребления пальмового вина. Если эти табу не соблюдать, то человек рисковал заболеть [13, с. 199; 29, с. 48].

У каждого нторо имеется набор определенных имен, которые к настоящему времени превратились в фамилии. Эти имена могут служить своего рода индикаторами, по которым можно определить, к какому нторо принадлежит тот или иной человек. Например, для Босоммуру: Осей, Овусу, Поку, Саакодие, Анин, Нти, Аманкваа; для Босомпра: Ачампонг, Боатенг, Боаче, Дуа, Офори, Бедьяко и др.; для Босомпо; Адом, Баафи, Дуко и др. [13, с. 199].

Члены одного нторо также употребляли одинаковые формы

ответа на приветствия, и по ним можно определить принадлежность к определенному нторо. Например [13, с. 199]:

Босоммуру: Акудонро, Абуру.

Босомпо: Эсса, Аньяаде.

Босомпра: Аку, Эсон.

Р. С. Рэттрей высказал предположение о том, что группировки нторо, так же как и абусау, некогда обладали дуальностью. В монографии «Ашанти» он дал только список из девяти нторо [29, с. 47—48]. Но после более тщательного изучения этих группирований Р. С. Рэттрей обнаружил, что многие из них имеют то ли подразделения или ветви, то ли половины одной организации, которые различаются между собой тотемами, но соблюдают идентичные пищевые ограничения. В результате он склонен их трактовать как взаимобрачающиеся (эпигамные) половины [31, с. 68]:

1. Босоммуру-Адуфодие + Босоммуру-Асафодие

2. Босомпра + Босомпра-Авири

3. Босомчве + Босомчве-Атведие

4. Босоммаран + Босоммаран-Ннуамоа

5. Абанквадие + Абанквадие-Асанквадие

А то обстоятельство, что большинству его информаторов ничего не известно относительно такой дуальности, Р. С. Рэттрей объясняет тем, что обе половины, так же как и дуальные абусау, слились в одну группу [31, с. 68].

Члены одного нторо находятся в дисперсном состоянии и не встречаются для ритуальных или каких-либо социальных целей. Все свои функции группировки нторо осуществляют в рамках фиефо и деревни (акуга).

Брак у ашанти в середине XIX — начале XX в. был либо вирилокальным, либо авункулолокальным, когда супруги жили в доме брата матери мужа [12, с. 289]. Замужние женщины соблюдали табуации и ритуалы нторо своего мужа в течение всего времени совместной жизни с ним, сохраняя при этом принадлежность к нторо своего отца и не нарушая запретов этого нторо. Особенно тщательно жена должна была соблюдать все ритуалы нторо своего мужа в период беременности и первые семь дней после родов, когда ребенок еще не имел своего второго имени. Если она нарушала табу или делала что-нибудь не так, как требовалось, ребенок мог пострадать от гнева отца.

Отец принимал определенное участие в воспитании своих детей. Но наиболее важная его обязанность по отношению к детям состояла в том, что именно он давал им второе имя [29, с. 51; 30, с. 52—54]. Первое имя ребенок получал сразу же после рождения от того дня недели, в который родился. Например, родившийся в *субботу* получал имя *Кваме*, во *вторник* — *Квабена*; девочка — соответственно *Ама* и *Абена*. Второе имя давалось отцом на восьмой день после рождения ребенка и являлось именем одного из предков отца, чаще всего именем деда ребенка. Причем второе имя ребенка никогда не совпадало с первым именем предка. Если в одном фиефо появлялось несколько детей с одинако-

выми первыми именами, то могло даваться третье имя, которое либо отражало порядок рождений: *Менса* 'третий', *Нкрума* 'девятый' или относительный возраст: *Кума* 'младший', либо давалось в честь какого-либо события.

Связь между отцом и детьми сохранялась в течение всей жизни. Даже после женитьбы или замужества детей отец по-прежнему отвечал за их поступки. В частности, только отец был ответствен за аморальное сексуальное поведение своего сына [24, с. 24]. Главной обязанностью детей по отношению к отцу были участие по его смерти в похоронной церемонии и покупка гроба [24, с. 24].

Завершая описание социального института нторо, кратко охарактеризуем его структурно-компонентный состав. Группировки нторо представляют собой несколько поколений родственников и свойственников, связанных между собой патрилинейностью, экзогамией, общей символикой (имя, тотем, этикет), общим культом и обрядностью. Главным структурообразующим признаком следует признать патрилинейность.

Ашантийцев обычно относят к позднематрилинейным (поздне-материнским, позднематриархальным) обществам, под которыми понимаются этносоциальные организмы, достигшие высокой стадии развития, но сохранившие матрилинейный (материнский) род [6, с. 189; 9, с. 100—103; 12].

Однако наличие патрилинейных группировок нторо в социальной организации ашантийцев дало основание Р. С. Рэттрею квалифицировать традиционное ашантийское общество как общество, обладающее двойной филиацией (*double descent*), т. е. и матрилинейностью и патрилинейностью одновременно. Эта точка зрения надолго определила характер представлений о социальной организации ашантийцев у части этнографов, хотя и не помешала другим исследователям считать ашантийцев хрестоматийным примером матриархата в Африке. К первым можно отнести Дж. П. Мердока [26, с. 555], Дж. Б. Кристенсена [15, с. 6], М. Дж. Херсковица [22, с. 287], ко вторым — М. О. Косвена [3]. А. Р. Рэдклифф-Браун в ранних работах также солидаризовался с первой точкой зрения [27, с. 157], но впоследствии он определил общество ашантийское как «nearest approach to pure mother-right» [28, с. 79].

М. Форрес считал, что термин «*double descent*» неприменим к ашанти, и решительно возражал против его употребления, так как, по его мнению, нторо не является корпоративной группой [19, с. 253]. С этим вряд ли можно согласиться. На наш взгляд, социальный институт нторо характеризует достаточное число корпоративных признаков. Но общий вывод не вызывает сомнений. Институт нторо свидетельствует об определенной значимости патрилатеральных связей, но не о появлении патрилинейной филиации, поскольку генеалогии нторо распространялись не более чем на три поколения вверх.

Дж. Гуди, предложивший классификацию обществ с двойным

счетом родства, поместил ашантийцев в тип В 2, к которому он относит общества с матрилинейными подразделениями и параллельным существованием второстепенных агнатных унилинейных групп, имеющих название [20, с. 11]. В целом такая позиция представляется наиболее правильной и соответствующей реальному соотношению институтов абусуа и нторо в традиционной социальной организации ашантийцев XIX в., только вместо термина «унилинейный» было бы правильное употребить «унилатеральный».

Нторо является семейным институтом и в случае вирилокального брака в силу экзогамии совпадает по своему составу с фиефо. Прослеживается типологическое сходство нторо с институтом лунунгу у баила, который также относится к семейному ряду и соответствует по своим основным параметрам ашантийскому нторо [5, с. 36; 32, с. 244].

Не ясно только, почему эти группировки утратили свою социальную значимость в современных условиях, когда, казалось бы, все вокруг стимулировало развитие семейных, и именно патрилинейных, институтов. М. Дж. Филд отмечает, что многие ашантийцы не могут назвать своего нторо [18, с. 49]. Р. А. Листад обнаружил, что в Ахафо вообще не знают слова «нторо» [23, с. 63].

Обращает на себя внимание тот факт, что в 40-х годах XX в. М. Фортез мог получить информацию о нторо только у стариков, которые были из абусуа вождей и старейшин [19, с. 265]. Вполне возможно, что не у всех свободных ашантийцев (рабы не могли быть членами нторо [19, с. 265]) функционировали эти объединения, что они были распространены преимущественно в среде вождей и старейшин. Во всяком случае, знать свое нторо и совершать его ритуалы — это признак знатности предков, а знатные предки — это вожди и старейшины.

Однако это предположение противоречит следующему обстоятельству: в традиционном обществе ашанти и других народов акан на основе нторо создавались военные отряды *асафо* (*asafo*), в рамках которых не действовали нормы абусуа. Это были патрилатеральные формирования. Как правило, в один отряд асафо входили члены одного нторо, проживающие в одной акуре. Роль отрядов асафо в общественной жизни народов акан трудно переоценить. Достаточно вспомнить шесть англо-ашантийских войн, в которых английские колонизаторы потерпели поражение [4, с. 225]. В мирное время асафо занимались строительством дорог, рынков, сельскохозяйственными и другими общественными работами, сбором налогов и т. п. Принимали они также активное участие в организации и проведении различных праздников.

Тесная связь института нторо с традиционной военной организацией наводит на мысль о том, что нторо — не новое образование, отражающее переходность от матрилинейного к патрилинейному счету родства, а, наоборот, реликт предшествующей стадии [2, с. 20] в развитии социального организма родства ашантийцев и других народов группы акан. Вполне вероятно, что истоки нторо восходят к периоду разложения дуально-эпигамных общ-

ностей и возникновения патрилатеральных элементов в структуре билатерального социального организма родства. Анализ группировок нторо с этой точки зрения, по-видимому, поможет понять их происхождение.

В целом социальный институт нторо требует внимательного изучения. Представляется, что выяснение сущности этого социального подразделения имеет не последнее значение для исследования тенденций исторического развития традиционной социальной организации ашантийцев в доколониальный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брук С. И. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире.— СЭ, 1976, № 3.
2. Гиренко Н. М. Традиционная социальная организация ньямвези (основные тенденции развития в доколониальный период). Автореф. канд. дис. Л., 1975.
3. Косвен М. О. Матриархат в Западной Африке.— СЭ, 1934, № 1—2.
4. Куприянов П. И. Англо-ашантийские войны.— Африка. Энциклопедический справочник. Т. 1. М., 1963.
5. Ольдерогге Д. А. Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки.— Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.
6. Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1974.
7. Потехин И. И. Становление новой Ганы. М., 1964.
8. Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности.— СЭ, 1968, № 4.
9. Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества.— Первобытное общество. М., 1975.
10. Чумаси Аппиа. Некоторые аспекты материальной культуры, социальной организации и обычного права акан. Автореф. канд. дис. Л., 1971.
11. Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.
12. Basehart H. W. Ashanti.— Matrilineal Kinship. Berkeley and Los Angeles, 1961.
13. Busia K. A. The Ashanti of the Gold Coast.— African Worlds. Ox., 1955.
14. Busia K. A. Akan.— Encyclopaedia Britannica. Vol. 1. L., 1966.
15. Christensen. Double Descent Among the Fanti. New Haven, 1954.
16. Danquah J. B. Gold Coast: Akan Law and Customs and the Akim Abuakwa Constitution. L., 1928.
17. Danquah J. B. Akan Society.— West African Affaires. L., 1951.
18. Field M. J. Akim Kotoku. L., 1948.
19. Fortes M. Kinship and Marriage Among the Ashanti.— African Systems of Kinship and Marriage. Ox., 1950.
20. Goody J. M. The Classification of Double Descent Systems.— «Current Anthropology». Chicago, 1961, vol. 2, № 1.
21. Harper C. H. Notes on the Totemism of the Gold Coast.— «Journal of the Royal Anthropological Institute». L., 1906, vol. 36.
22. Herskovitz M. J. The Ashanti Ntoro: a Re-Examination.— «Journal of the Royal Anthropological Institute». L., 1937, vol. 67.
23. Lystad R. A. Marriage and Kinship of the Ashanti and Agni.— Continuity and Change in African Cultures. Chicago, 1959.
24. Manoukian M. Akan and Ga-Adangme Peoples of the Gold Coast. Ox., 1950.
25. Meyerowitz E. The Sacred State of the Akan. L., 1951.
26. Murdock J. P. Double Descent.— «American Anthropologist». Wash., 1941, vol. 43, № 4, pt 1.

27. Radcliffe-Brown A. R. Bilateral Descent.—«Man». L., 1929, vol. 29, № 199—200.
28. Radcliffe-Brown A. R. Introduction.—African Systems of Kinship and Marriage. Ox., 1950.
29. Rattray R. S. Ashanti. Ox., 1923.
30. Rattray R. S. Ashanti Religion and Art. Ox., 1927.
31. Rattray R. S. Ashanti Law and Constitution. Ox., 1929.
32. Richards A. J. Some Types of Family Structure Among the Central Bantu.—African Systems of Kinship and Marriage. Ox., 1950.
33. Westermann D., Bryan M. A. Languages of West Africa. Pt II. Ox., 1952.

В. С. Ягья

ЛИДЖ ИЯСУ — ПРЕЕМНИК МЕНЕЛИКА II НА ЭФИОПСКОМ ТРОНЕ (1913—1916)

В 1974 г. в Эфиопии произошла антифеодальная революция, позднее переросшая в национально-демократическую. Революционная демократия, взявшая власть в стране, объявила о своей приверженности научному социализму, избрав социалистическую ориентацию в качестве пути развития Эфиопии. В стране сложилась новая морально-общественная атмосфера и социально-политическая обстановка. Содержание эфиопских исторических и политических книг, газет и журналов, издающихся с сентября 1974 г., резко изменилось в сравнении с предыдущими десятилетиями, когда единственным творцом истории страны в новейшее время признавался Хайле Селассие I (1916—1930 гг.— регент, 1930—1974 гг.— император).

В царствование Хайле Селассие пресса, политическая и историческая литература Эфиопии носили, по существу, придворный характер, так как отражали официальную концепцию развития страны, состоявшую в том, что вся деятельность монарха направлена на благо народа, что все связанное с его именем свято и не подлежит критике, что трон — основа независимого существования Эфиопии и что император — высший арбитр нации, ниспосланный богом и постоянно заботящийся о каждом жителе империи, создатель современной Эфиопии, развивающейся неуклонно под его руководством по пути прогресса, герой освободительной борьбы против фашистской Италии, инициатор всех государственных дел, а также крупный международный деятель, выступающий за мир, социальную справедливость и гуманизм.

В настоящее время ни один печатный орган страны не напишет о том, что все сделанное в Эфиопии за минувшие 50 с лишним лет было сделано Его Величеством, декретировано Его Величеством или осуществлено народом, живущим мыслями о Его Величестве, и не задастся вопросом: «Не будет ли правильнее сказать, что Его Величество — это вся Эфиопия?» [15, с. 3]. Теперь иные суждения, теперь гневно обличают низложенного монарха (Хайле Селассие свергнут 12 сентября 1974 г., умер 27 августа 1975 г.).

В изменившейся обстановке в стране происходит переоценка

политической истории Эфиопии XX в., пересматриваются сложившиеся представления о прошлом. Известный поворот в этом отношении произошел и в зарубежной литературе.

Большой интерес в свете недавно обнаруженных фактов представляют события первых двух десятилетий XX в., связанные с царствованием внука императора Менелика II — Лиджа Иясу (1913—1916)¹.

В настоящей статье предпринята попытка осветить некоторые вопросы, касающиеся трехлетнего правления Иясу (в ее основу положен доклад на тему «Лидж Иясу и его время», сделанный автором на Всесоюзном симпозиуме «Основные проблемы африканистики» в Ленинграде в мае 1978 г.).

В зарубежной и отечественной литературе существуют самые разноречивые оценки трех лет царствования Иясу. Наиболее распространенная точка зрения базируется на мнении официальной эфиопской историографии, признанной при императоре Хайле Селассие I. В годы регентства и царствования Хайле Селассие I правящим кругам страны нужно было обосновать законность свержения Иясу в 1916 г. и оправдать приход к власти регента раса Тафари Мэконнына (тронное имя — Хайле Селассие I), императрицы Заудиту (1916—1930) и их сторонников. Этим целям и призвана была служить официальная версия о том, что Иясу якобы разрушил единство эфиопского государства, вступил в «преступный» сговор с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, предал интересы христианской церкви, приняв мусульманство, и т. д. Этот официальный взгляд прочно утвердился в эфиопских исторических трудах, публиковавшихся до середины 70-х годов (см., например, [8, с. 107—109]). Западная историография, как правило, следовала этой официальной версии. И хотя в нее нередко вносились некоторые модификации, суть оставалась неизменной, тем более что буржуазным историкам важно было обелить деятельность Англии, Франции и Италии, направленную на утверждение влияния этих государств в Эфиопии и низложение Иясу, прилагавшего немало усилий, чтобы избавиться от англо-франко-итальянских колонизаторов (см., например, [25, с. 69]). Имеются, однако, в западной литературе и позитивные суждения о Лидже Иясу [22, с. 158—159; 17, с. 12]. Показательна также оценка, данная польскими учеными А. Бартицким и И. Мантель-Нечко. «Лидж Иясу, — пишут они, — получил хорошее образование, свободно владел французским и арабским языками. Это был способный и энергичный человек. Позднейшие сведения якобы об отсутствии у него способностей неверны. Это результат пропаганды, проводимой против императора эфиопской церковью за его промусульманские симпатии. Иное дело, что недостаток политического опыта и неумение применять соответствующую тактику для достижения намеченных целей — явления, понятные у человека в таком мо-

¹ Лидж — феодальный титул, означающий близость к императорской фамилии. В отечественной и зарубежной литературе «Лидж» употребляется обычно как часть имени этого императора.

лодом возрасте,— стали одной из основных причин поражения Лиджа Иясу» [3, с. 191]. Отмечая недюжинный ум и сильную волю Лиджа Иясу, А. Кохановский (врач, проработавший несколько лет в российской миссии в Аддис-Абебе) еще в 1913 г. предупреждал: «Иясу, вероятно, придется выдержать сильную борьбу и проявить много энергии, чтобы не испытать судьбы Дмитрия Самозванца» [6, с. 330]. Советский исследователь И. Левин назвал Иясу даровитым внуком Менелика II [7, с. 64]. В 1976 г. советские историки Ю. М. Кобищанов и М. В. Райт в совместно написанном предисловии к переводной книге А. Бартницкого и И. Мантель-Нечко подчеркивали, что Иясу был одним из главных сторонников прогрессивных преобразований в стране [4, с. 22]. В докладе, прочитанном в мае 1978 г. на упоминавшемся выше симпозиуме в Ленинграде, Ю. М. Кобищанов четко сформулировал свою оценку деятельности Лиджа Иясу. По его мнению, этот эфиопский монарх был прогрессивным правителем; был свергнут в результате заговора, организованного Англией, Францией и Италией; обвинения, выдвигавшиеся против него буржуазной и официальной эфиопской (при Хайле Селассие I) историографией,— клевета. Подобную же точку зрения Ю. М. Кобищанов высказал также в лекции «Лидж Иясу и прогрессивные традиции в Эфиопии», прочитанной 25 января 1978 г. в Аддис-Абебском университете (см. также [5а, с. 79—81]).

Таким образом, мы имеем полярные взгляды на деятельность Иясу. Можно лишь согласиться без каких-либо оговорок с тем, что обвинения, выдвигавшиеся в адрес Иясу,— клевета.

Анализ истории Эфиопии трех лет царствования Иясу свидетельствует о сложности и противоречивости проводимой им политики, а также о вмешательстве западноевропейских государств во внутренние дела Эфиопской империи. Остановимся на основных исторических событиях тех лет, рассмотрение которых позволяет воссоздать политическую ситуацию в Эфиопии в 1913—1916 гг., расставить правильные, с нашей точки зрения, акценты при оценке прошлого страны.

Внутриполитическая борьба в Эфиопии в 900-е годы, полная драматизма, завершилась восшествием на престол Иясу. Это означало, как казалось, дальнейшее укрепление позиций шоанских и южноэфиопских феодалов и одновременно ослабление политического и экономического влияния феодалов севера. Вскоре, однако, выяснилось, что новый император стремился действовать как общегосударственный руководитель, в связи с чем он пытался подорвать политическую гегемонию шоанских и южноэфиопских феодалов, освободиться от чрезмерной зависимости от них, изменить расстановку социально-политических сил, сделав ставку на расширение связей с мусульманами страны, составлявшими около 50% ее населения и контролировавшими важные сферы хозяйства (особенно внутреннюю торговлю). Подобный оборот дела вначале насторожил, а затем резко восстановил против Иясу многих могущественнейших феодалов Шоа и юга, причем даже тех, кто

поддерживал лиджа в тот момент, когда при дворе имели место острые распри по поводу кандидатуры преемника Менелика II.

Уже в 1914 г. обострились отношения Иясу с абуной Маттеосом, и особенно после того, как рас Микаель, отец Иясу, стал негусом, получив в свое управление всю северную часть Эфиопской империи. Дело в том, что Микаеля короновал негусом абун Петрос, обосновавшийся в Тигре с самого начала своего пребывания в Эфиопии² и считавшийся при императоре Йоханнесе IV (1872—1889) главой Эфиопской церкви: в связи с перемещением центра государства при Менелике II в Шоа руководителем всей церкви признавался абун Маттеос, всецело поддерживавший императора и пользовавшийся высоким авторитетом среди шоанско-южноэфиопских феодалов. Взаимозависимость объединила впоследствии Маттеоса и знать Шоа и юга страны в вопросе о низложении Иясу. В условиях, когда абун Петрос все активнее поддерживал Иясу и негуса Микаеля, надеясь тем самым восстановить свою прежнюю позицию в Эфиопской церкви, абун Маттеос, опасавшийся (а вместе с ним церковно- и священнослужители, делавшие на него ставку) лишиться своей ведущей роли в церкви и ориентировавшийся на шоанско-южноэфиопскую знать, и все меньше поддерживал императора. Вряд ли поэтому правы А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко, утверждающие, что именно события 8 февраля 1913 г. в Аддис-Абебе (т. е. те, что произошли за несколько месяцев до смерти Менелика II и были связаны с нарушением Иясу права убежища в резиденции Маттеоса, которое было предоставлено абуной фитаурари Гэбрэ Марьяму) означали для лиджа потерю поддержки Маттеоса³ [3, с. 190].

Деятельность и надежды абуны Петроса, а также тех церковно- и священнослужителей, кто рассчитывал на него, свидетельствуют о противоположных мнениях относительно Иясу, которые

² Эфиопская церковь с самого своего возникновения (IV в. н. э.) выступала в качестве епархии Александрийской (коптской) церкви, которая назначала в Эфиопию епископом (абуной) копта-египтянина, притом, как правило, одного. Эфиопские императоры и церковь не раз требовали от Александрийского патриарха не только увеличить число направляемых в Эфиопию епископов, но и предоставить одному из таких епископов право хиротонисать в епископский сан эфиопских священников. Йоханнесу IV удалось добиться от Александрийского патриарха назначения четырех епископов. К моменту описываемых событий в живых осталось двое — Петрос и Маттеос, со времени приезда в страну отпавлявший церковную службу в Шоа.

³ 8 февраля 1913 г. Иясу (возвратившийся в Аддис-Абебу из Дессе по поступлении слухов о смерти Менелика II) двинулся с войсками к императорскому дворцу с целью занять его. Стража под командованием фитаурари Гэбрэ Марьяма отказалась впустить Иясу как нового хозяина дворца на том основании, что о смерти Менелика II никто официально не объявлял. Ожесточенные бои продолжались несколько дней, и тогда вмешался абун Маттеос, принудив Гэбрэ Марьяма, которому была обещана личная неприкосновенность в резиденции Маттеоса, уступить. Однако Иясу, невзирая на существовавшие обычаи, ворвался в дом абуны, арестовал Гэбрэ Марьяма и сослал его в Годжам. В результате, как пишут польские ученые, «начался конфликт между Лиджем Иясу и Эфиопской церковью, отрицательные результаты которого для нового императора не замедлили сказаться» [3, с. 190].

существовали в Эфиопской церкви. Надо иметь в виду, что еще при менеликском дворе Иясу вообще располагал к себе многих. «Лидж Иясу,— писала принцесса крови Асфа Ильма, которую никак нельзя заподозрить в симпатиях к Иясу в силу ее исключительной апологетичности деятельности Хайле Селассие I,— был в то время фаворитом в придворных кругах. Высокий, хорошо сложенный юноша с бронзовым отливом на здоровом лице, он привлекал к себе своей простотой... хорошими манерами и прежде всего большими способностями в спортивных занятиях (бег, верховая езда, стрельба и метание копья, распространенные и популярны тогда в Эфиопии.— В. Я.)» [11, с. 115]. Разумеется, не столько личное обаяние наследника создало особую атмосферу расположенности к нему при дворе (хотя и сыграло, по-видимому, немаловажную роль), сколько выбор, сделанный в его пользу Менеликом II и поддержанный тогда влиятельными силами во дворце.

Лидж Иясу, еще будучи наследником, по-видимому, не только очень заботился о сохранении своего престижа при дворе Менелика II, но и предпринимал меры с целью его укрепить. Следуя монархическим традициям Эфиопии, Иясу в 1912 г. предпринял военные походы в юго-западные земли, включенные Менеликом II в конце XIX в. в Эфиопскую империю в соответствии с политикой реконквисты (как она была определена эфиопскими учеными на V Международном конгрессе эфиопистов в Ницце в 1977 г.). Усмирив население Джиммы, Кэфы, Гимиры и Ануак, Иясу захватил 40 тыс. пленников и обратил их в рабов. Из них осталось в живых 20 тыс. (остальные умерли от оспы, дизентерии, голода и усталости во время похода), которыми Иясу распорядился следующим образом: раздал каждому солдату своей армии по одному-два раба, по 50—100 рабов наиболее отличившимся и важным военачальникам, большое число рабов было отдано церквям и монастырям [26, с. 108]. После юго-западных походов, как писал И. Ванин, первым из советских людей побывавший в Эфиопии, Иясу «решил по примеру Менелика II расширить свое поле деятельности, подчинив эфиопской короне мусульман данакиль, лишь номинально считавшихся до тех пор под эфиопским сюзеренитетом... Следуя во всем традициям своего предшественника,— продолжал И. Ванин,— молодой наследник захотел пустить в ход кроме силы оружия... также и дипломатическое искусство» [5, с. 538]. Подобные действия Иясу повышали его авторитет государственного деятеля в глазах подданных, особенно среди амхара, ибо традиция, освященная веками, предписывала монарху предпринимать военные походы, лично руководить войсками на поле боя и захватывать богатую добычу. Попутно заметим, что многие поступки Иясу, за которые позднее его осуждала эфиопская официальная историография при Хайле Селассие I (а вслед за ней и историография на Западе), находились в русле монарших традиций и потому тогда не вызывали негативного отношения.

В соответствии с теми же традициями Иясу, став императором, старался применить в системе государственного управления прием так называемого равновесия власти, заключавшийся в предоставлении соперничавшим крупным феодалам (или их группам) равных прерогатив власти и позволявший монарху тем самым лавировать между ними, ослабляя их позиции, добиваясь превосходства над ними и вассально зависевшими от них феодалами. Судя по всему, высшим проявлением «равновесия власти» при Иясу должно было стать возвышение политической роли мусульман в стране, ибо ставка на мусульман отнюдь не означала низведения христиан на вторые роли в государстве. За счет достижения равенства сил между мусульманами и христианами Иясу стремился осуществить многие политические цели, в том числе укрепление власти самого монарха.

Во внешнеполитическом курсе, проводимом Иясу, также прослеживается стремление, с одной стороны, расширить контакты с Турцией и ее союзниками — Германией и Австро-Венгрией (и тем возвысить политическую роль мусульман в стране), а с другой — избавиться от влияния Лондона, Парижа и Рима (и тем ослабить позиции могущественных феодалов-христиан и их вассалов, имевших широкие хозяйственные и политические связи с Англией, Францией и Италией). Разумеется, на внешнеполитической деятельности Иясу сказались и его антиимпериалистические взгляды и честолюбивые помыслы. Успеху такой политики способствовала в значительной степени международная обстановка, характеризовавшаяся острым соперничеством государств Антанты и Тройственного союза (от которого постепенно отходила Италия, пока в 1915 г. по секретному Лондонскому соглашению она полностью не перешла на сторону Антанты) за территориальный передел мира, приведшим к первой мировой войне.

Эфиопия стала ареной ожесточенной политической борьбы двух группировок европейских держав. Иясу не замедлил воспользоваться сложившейся ситуацией, упрочив связи с Германией и ее союзниками — Турцией и Австро-Венгрией, так как видел в них реальную силу, противостоящую Англии, Франции и Италии. Он фактически продолжил начатый уже покойным тогда императором внешнеполитический курс, придав ему новые аспекты.

До поры до времени эфиопский двор стремился скрыть свою позицию в отношении воюющих стран. Еще в марте 1915 г. в связи с отказом Италии разрешить германской миссии во главе с Лео Фробениусом проезд по территории Эритреи в Аддис-Абебу британский посланник в Эфиопии Тезайджер писал в Лондон, что «трудно сказать, где находятся истинные симпатии [Эфиопии], но очевидно желание [Иясу] и его советников сохранить в тайне [эти симпатии] до тех пор, пока не станет ясно, кто одержит победу» [10а, с. 16].

В апреле 1915 г. Иясу посетил дипломатические миссии, аккредитованные в Аддис-Абебе, и обсуждал там ход и перспективы мировой войны, надеясь выяснить, какая из противоборствующих

сторон окажет поддержку Эфиопии в ее территориальных, административных, политических и экономических устремлениях. Судя по всему, дипломаты Германии, Турции и Австро-Венгрии в отличие от англо-франко-итальянских коллег заверили Иясу в том, что поддержат его планы.

Здесь следует вспомнить, что, когда началась мировая война, Турция усилила в Эфиопии панисламскую пропаганду. В стране также распространялись слухи, что Германия приняла мусульманство, почему и выступает на стороне мусульманских народов.

Еще в конце 1913 г. эфиопская сторона вела переговоры с Австро-Венгрией через ее консула в Аддис-Абебе Карла Швиммера о покупке артиллерийских орудий и боеприпасов. В марте 1914 г. специальная миссия, сопровождаемая К. Швиммером, прибыла в Вену, где была принята императором Францем-Иосифом. Эфиопы смогли получить у австрийского правительства 40 тыс. ф. ст. на приобретение 100 пушек, 200 тыс. снарядов и 50 тыс. винтовок. Предполагалось также на эти средства привлечь в Эфиопию одного генерала и шесть офицеров для инструктирования эфиопской армии. В середине мая того же года закупленное в Австрии военное снаряжение поступило в Эфиопию [18, с. 55—56], что не могло быть не замечено дипломатами Англии, Франции и Италии. Для них становилось ясно, что пополнение военного потенциала Эфиопии таким значительным количеством артиллерийского и стрелкового оружия делало реальными вторжение негуса Микаеля в Эритрею и изгнание оттуда итальянцев, сведениями о подготовке чего в феврале 1915 г. они располагали [13, с. 66].

Обладание новым военным потенциалом также делало для Эфиопии возможной реализацию планов помощи восставшим в Британском Сомалиленде под руководством Мухаммеда бен Абдаллы Хасана, прозванного англичанами «бешеным муллой». Более того, до дипломатов этих стран доходили слухи, что Германия и Турция якобы просили Иясу вторгнуться в Англо-Египетский Судан с пятидесятитысячной армией (за подобную акцию Иясу позднее был бы вознагражден передачей под его власть Джибути, который надеялись захватить страны австро-германского блока).

Вероятно, сведения о намерении Иясу освободить Эритрею из-под итальянского господства, вернув ее, таким образом, эфиопской короне, не были лишены оснований. В первой половине 1914 г. уже был прецедент, когда эфиопские войска во главе с расом Уольдэ Гийоргисом, преследуя мятежного дэджазмача Гэбрэ Селассие, укrywшегося в Эритрее, подошли к границе с этой итальянской колонией (бывшей еще совсем недавно частью Эфиопии) и лишь ждали приказа вступить на ее территорию. В мае они отошли, ибо в их рядах начались массовые заболевания из-за плохой питьевой воды в пограничной реке Мэрэб. Старожилы в Тигре и Хамасене рассказывают, что итальянцы специально отравили воду в реке, чтобы не допустить эфиопскую армию в

Эритрею. Эфиопский историк Тэкле Цадык Мэкурия, который поведал об этом, пишет, что неизвестно, достоверны ли подобные воспоминания [8, с. 106—107]. В официальном документе, подготовленном Форин офисом, утверждается, что в то время в Аддис-Абебе открыто говорили о готовящемся нападении на итальянцев в Эритрее. Р. Л. Хесс в статье «Италия и Африка: колониальные устремления в годы первой мировой войны», основанной на изучении четырехтомного секретного издания документов министерства иностранных дел Италии, приводит немало сведений о намерениях Эфиопии в отношении Эритреи [21]. В условиях, когда колониальные интересы Италии находились под угрозой, Рим предпринимал не раз попытки усилить свои позиции в Эфиопии. В частности, итальянцы дважды, в 1913 и 1915 гг., обращались (притом безуспешно) к Иясу с требованием предоставить концессию на строительство железной дороги Сэтит — Гондар, которая прочно привязала бы Северо-Западную Эфиопию к Эритрее [13, с. 60]. В Риме строили также планы установления в Эфиопии итальянского протектората.

Та же самая идея провозглашения протектората (но, разумеется, британского) над Эфиопией рассматривалась и в Англии [20, с. 62], где особенно были обеспокоены все расширявшимися контактами Иясу с сомалийскими повстанцами. В свою очередь, лидеры национально-освободительного движения сомалийцев в конце XIX — начале XX в. придавали большое значение связям с Эфиопией, ибо контакты стимулировали развитие антиколониальной борьбы в этом районе Африки. Прав Е. Р. Туртон, утверждая, что на сторону Мухаммеда бен Абдаллы Хасана люди, в том числе и с территории Эфиопии, шли скорее по политическим соображениям (т. е. в результате глубокого недовольства колонизаторами), чем по религиозным [27]. В этой же работе сообщается, что в 1909—1910 гг. среди восставших сомалийцев ходили слухи о заключении Мухаммедом бен Абдаллой Хасаном союза с эфиопами (известно также, что Иясу собирался жениться на одной из дочерей Мухаммеда бен Абдаллы Хасана). В 1915—1916 гг. участились случаи поставок оружия эфиопами восставшим сомалийцам [23, с. 272—273]. В августе 1916 г. дипломаты Англии, Франции и Италии широко обсуждали достоверность слухов о готовящемся совместном эфиопо-сомалийском наступлении на Харгейсу. В целях создания благоприятных условий в юго-восточных районах страны для развития связей с национально-освободительным движением в Британском Сомалиленде Иясу осуществил там ряд административных перестановок: например, назначил мусульманина Хасиба Идлиби нэгадрасом Харэра и Дыре-Дауа, изъяв тем самым поступления таможенных пошлин от дэджазмача Тафари Мэконнына и вассально зависевших от него феодалов в этих городах; в Харэре в новые полицейские отряды были набраны арабы, сомалийцы и галла, а отряды, состоявшие из амхара и подчинявшиеся Тафари Мэконныну, распущены; в августе 1916 г. после смещения Тафари Мэконнына с поста губернатора провин-

ция Харэр перешла под управление мусульманской администрации.

Еще весной 1916 г. в Англии, Франции и Италии окончательно пришли к выводу, что политика Иясу угрожает позициям этих стран на Ближнем Востоке и в Восточной Африке, тем более что к тому времени германские войска в восточной части континента под командованием генерала фон Леттов-Форбека нанесли ряд серьезных поражений британской армии. Американский историк Г. Маркус пишет, что в Лондоне, Париже и Риме твердо были убеждены в том, что «германская политика продолжала направлять эфиопский национализм против Эритреи (точнее, против итальянского господства в Эритрее.— В. Я.), а интересы турецкой политики сосредоточены... на мулле и сомалийских племенах» [23, с. 273].

В ориентации самого Иясу на Германию, Австро-Венгрию и Турцию сказались не только его приверженность внешнеполитическому курсу прежнего императора и уж, конечно, не особые промусульманские настроения нового монарха. Стремление расширить пределы своего государства и покончить раз и навсегда с англо-франко-итальянским присутствием на границах Эфиопии — вот мотивы, побудившие Иясу проводить политический курс, направленный на сближение со странами Тройственного союза, странами, которые сражались на полях войны с извечными врагами Эфиопии: Англией, Францией и Италией. Надо учитывать, что ни Германия, ни Турция и ни Австро-Венгрия не имели по соседству с Эфиопией колоний, и это в глазах Иясу выгодно отличало от англо-франко-итальянских колонизаторов. Наверняка на внешнюю политику Иясу повлияли и его честолюбивые мечты стать предводителем освободительной борьбы народов обширной территории Африки, а позднее стать главой крупного государства, тем более что есть сведения об обещании Турции и Германии в случае успеха в войне передать под власть Иясу за оказанную им помощь значительные районы на континенте. Нельзя забывать также, что для феодального государства, каким была Эфиопия, грабеж побежденных в войне — обычное средство пополнения государственной казны и существенный источник обогащения феодалов. Изгнание колонизаторов из окружающих Эфиопию территорий, таким образом, должно было по замыслам Иясу решить многие проблемы страны, что и предопределило в конечном счете его прогерманскую и протурецкую ориентацию. Он рассчитывал на помощь Тройственного союза в осуществлении своих грандиозных и честолюбивых планов возвышения Эфиопской империи на политической карте мира.

Расширение связей со странами Тройственного союза, в том числе закупка у них оружия, усиленное налаживание контактов с сомалийцами, восставшими в Британском Сомалиленде под предводительством Мухаммеда бен Абдаллы Хасана, предпринятая Иясу активизация мусульманских сил внутри Эфиопии, его намерение освободиться от присутствия на границах империи

Англии, Франции и Италии и стремление увеличить территорию страны за счет соседних районов — все это сильно обеспокоило англо-франко-итальянских колонизаторов, которые справедливо увидели в том, как развивались события в Эфиопии, угрозу их владениям и интересам в Северо-Восточной Африке. Активная поддержка Эфиопией освободительной борьбы мусульманских народов и даже предполагавшееся ее непосредственное участие в этой борьбе ухудшали позиции стран Антанты в первой мировой войне, подрывая безопасность их важнейших коммуникаций на Красном море и Суэцком канале. Кроме того, вполне вероятно, что развернувшаяся антиколониальная война на северо-востоке Африки могла перекинуться в Индию и другие страны Азии, а это уже очень беспокоило англичан и их союзников. По-видимому, Эфиопии при Иясу предстояло сыграть существенную роль в сопротивлении англо-франко-итальянским колонизаторам.

Согласно мнению Леонардо Мосли, мусульмане Судана, Британского, Итальянского и Французского Сомали и Эритреи надеялись, что Иясу освободит их от угнетателей, видя, кажется, в нем нового махди, в ожидании которого мусульманский мир многих районов Тропической Африки уже давно находился [25, с. 75]. Эти настроения умело подогревались Германией и Турцией, связанной со многими народами Северо-Восточной Африки общностью религии. Конечно, страны Тройственного союза преследовали собственные колониалистские цели, а отнюдь не заботились об интересах народов Северо-Восточной Африки в целом и Эфиопии в частности. Таким образом, Эфиопия в годы первой мировой войны стала страной, где переплелись колониальные устремления западноевропейских держав и где резко обозначились межимпериалистические противоречия.

Для установления еще более тесного сотрудничества с Турцией Иясу 12 мая 1916 г. через турецкого генерального консула в Харэре Идлиби передал властям Блистательной Порты свое пожелание заключить с нею договор о союзе. Но этого сделать не удалось: через несколько месяцев Иясу свергли с трона.

Неверно утверждать (как это часто делается во многих работах), что в правящих кругах страны только Иясу придерживался протурецкой и прогерманской позиции. Весной 1915 г. Тезайджер сообщал в Лондон, что среди министров Эфиопии сложились две группировки: одна, в состав которой входили битводдэд Хайле Гийоргис и военный министр фитаурари Хабтэ Гийоргис, выступала за тесные отношения с Англией, Францией и Италией, а другая, представленная министром иностранных дел Баргена, министром юстиции Теляхуном и др., отстаивала прогерманскую линию внешней политики страны [25, с. 81, 86]. Кроме того, часть придворных, надеясь на победу Германии, настаивала на решительном наступлении против итальянцев в Эритрее и освобождении этой территории. Многие влиятельные сановники, однако, неодобрительно относились к стремлению объявить войну Италии, всячески препятствовали реализации этого плана [23, с. 270]. Все

эти разногласия отражали определенный раскол в феодальном обществе в связи с резким изменением Иясу внешнеполитической ориентации. Дело в том, что в стране ко времени воцарения Иясу укоренились прежде всего экономические, торговые, политические и культурные связи с Англией, Францией и Италией, разрыв которых не сулил ничего хорошего для феодалов и нарождавшейся буржуазии, поддерживавших самые тесные контакты с этими странами. Успех прогерманской политики Иясу заставил бы феодалов и предпринимателей, связанных с Англией, Францией и Италией, уступить место тем, кто с недавних пор стал развивать отношения с державами Тройственного союза. Сторонники англо-франко-итальянской ориентации, опасавшиеся за свое будущее, составляли, таким образом, важную опору Лондона, Парижа и Рима в противодействии Германии и ее союзникам в Эфиопии.

В среде шоанско-южноэфиопской знати росло недовольство в связи с усилившимися к 1916 г. попытками Иясу ослабить ее позиции в стране. Многие крупные феодалы Шоа и юга лишились весьма доходных областей, которыми они управляли в течение нескольких лет (например, дэджазмача Балчу отозвали из Сидамо). На освободившиеся места в центральной и провинциальной администрации были назначены ближайшие сторонники Иясу, причем нередко мусульмане. Фитаурари Хабтэ Гийоргис, некогда поддерживавший Иясу, затаил обиду на него, поскольку с конца 1913 г. был заменен на посту председателя Совета министров (хотя и остался военным министром) битводдэдом Хайле Гийоргисом, родственником и доверенным лицом императора, имевшим, однако, с Иясу, как выяснилось позднее, разногласия по поводу внешнеполитического курса. С особым раздражением Хабтэ Гийоргис, как и большинство крупных, средних и мелкопоместных феодалов Шоа и юга, воспринял указ Иясу о выплате регулярного налога землевладельцами в южных районах, а также постановление о налогообложении земель и имущества в Аддис-Абебе. Не меньшее недовольство вызвал указ Иясу о введении налога в размере 1 талера Марии-Терезии за каждые четыре головы крупного рогатого скота. Причем Иясу не только декретировал эти фискальные законы, но и предпринял решительные меры по их осуществлению.

Линия Иясу на установление военно-политических связей с мусульманскими народами, населявшими пограничные с Эфиопией колонии, и на активизацию мусульман внутри страны вызвала тревогу Эфиопской церкви за господствующее положение христиан, подогревавшуюся дипломатами Англии, Франции и Италии.

Словом, в стране постепенно созревала сильная оппозиция режиму Иясу, которая вполне оформилась к концу лета 1916 г. Среди тех, кто был очень активен в разработке планов низложения Иясу, наибольшим влиянием пользовались дэджазмач Тафари Мэконнын, рас Касса Хайлю, баджиронд Тэкле Хавариат, кэнтиба Габру и нэгадрас Гэбрэ Хыйвот Бэйкеданы.

Американский публицист и историк Томас Коффей полагает,

что среди заговорщиков самым влиятельным был дэджазмач Тафари Мэконнын [14, с. 12], которому в августе 1916 г. его вассалы предложили арестовать находившегося в Харэре Иясу, с тем чтобы он мог объявить себя императором [23, с. 275]. Кстати сказать, что еще в 1914 г. Тафари Мэконнын обнаружил намерения низложить Иясу; тогда его готовы были поддержать младшие по положению придворные. «Но в то время,— пишет Г. Маркус,— Тафари еще не был в состоянии открыто бросить вызов Иясу» [23, с. 268]. В августе 1916 г. Тафари отклонил предложение своих вассалов, ибо «проводил время в Аддис-Абебе, являя собой центр, вокруг которого могла формироваться оппозиция Иясу» [23, с. 275].

Р. Гринфилд считает, однако, что выдающуюся роль в организации заговора против Иясу сыграл рас Уольдэ Гийоргис [19, с. 106]. Этой же точки зрения, по существу, придерживаются А. Бартницкий и И. Мانتель-Нечко [3, с. 168]. В литературе имеются также сведения о том, что немало влиятельных сановников предлагали Уольдэ Гийоргису свергнуть Иясу и самому стать императором [23, т. 2, с. 70]. Однако эфиопский историк Байру Тэфля предполагает, что рас находился в стороне от заговора 1916 г. против Иясу [12, с. 52]. Более того, британскому дипломату, Леланду Бакстону, присутствовавшему в 1917 г. на церемонии коронации Заудиту (см. ниже), рас Уольдэ Гийоргис казался недовольным сложившейся в стране ситуацией [12, с. 53]. Если допустить, что мнение Байру Тэфля верно, то это еще в большей степени убеждает в наличии даже среди шоанской и южноэфиопской знати положительной оценки деятельности Иясу.

Объективно получалось, что желания антиимператорской группировки и англо-франко-итальянских колонизаторов устранить Иясу совпали. Найдя опору в лице части правящих кругов Эфиопии, Лондон, Париж и Рим встали на путь активного участия в организации заговора против Иясу.

Англичане и их колониальные союзники ловко разжигали профессиональный раздор в стране, обвиняя не раз императора в приверженности исламу и отступничестве от христианства. Показательна в этом отношении телеграмма Тезайджера Форин офису от 20 мая 1916 г. В ней предлагалось английскому правительству в удобный момент официально объявить Иясу мусульманином и потребовать, чтобы в стране провозгласили нового императора [25, с. 88].

В конце мая 1916 г. дипломаты Англии, Франции и Италии, аккредитованные в Аддис-Абебе, направили Иясу совместную ноту, в которой предъявлялось ему четыре требования: 1) вернуть британским властям в Сомали пулемет, захваченный повстанцами «бешеного муллы»; 2) отказаться принимать в дальнейшем делегации сомалийских племен; 3) снять с поста губернатора Огадена Абдуллая Садека, харэрского араба, который, по мнению англичан, был агентом Турции; 4) реорганизовать полностью муниципальные органы власти в Дыре-Дауа и уволить с

государственной службы там всех турок и протурецки настроенных арабов [25, с. 88]. Иясу никак не прореагировал на этот совместный англо-франко-итальянский демарш. Пообещав дать 1 августа 1916 г. аудиенцию Тезайджеру для обсуждения содержания ноты, Иясу неожиданно для всех 28 июля тайно покинул Аддис-Абебу. Позднее выяснилось, что он направился в Джиджигу, в расположение своих войск, неподалеку от границы с Британским Сомали.

К тому времени англичане, французы и итальянцы, действуя совместно, создали благоприятную почву в Аддис-Абебе для антиимператорского выступления христианского духовенства, шоанских и южноэфиопских феодалов, обеспокоенных растущими слухами о предстоящей исламизации Эфиопии.

Британская секретная служба летом 1916 г. усиленно работала среди бедняков-христиан, вызывая в них негодование по поводу якобы имевших место промусульманских связей Иясу. В литературе имеется сообщение о том, что в конце августа 1916 г. Эфиопию посетил известный английский разведчик полковник Т. Е. Лоуренс, «прославившийся» своей подрывной деятельностью на Ближнем и Среднем Востоке. Как пишет Л. Фараго, его визит, вероятно, ускорил падение Иясу [16, с. 61]. При участии Лоуренса были сделаны сотни тысяч листовок с портретом Иясу, одетого в мусульманскую одежду, в окружении шейхов. В стране получили широкое хождение слухи, что Иясу составил себе генеалогию, берущую начало от пророка Мухаммеда, что император неоднократно повторял традиционную формулу Корана «нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его», что он молился в мечетях и т. д. Сам Иясу подавал немало поводов для подобных утверждений: ведь его действительно часто можно было видеть в кругу мусульманских лидеров, он участвовал во время церемоний открытия мечетей, раздавал мечетям землю, передавал мусульманам оружие, в его свите постоянно присутствовали мусульмане — арабы, данакильцы, галла, сомалийцы и т. д. Все это возымело свое действие, вызвав сильное негодование в среде христианского населения, привыкшего видеть в своем монархе стойкого христианина и защитника их религии перед иноверцами.

В книге Леонарда Мосли приводится немало сведений, подтверждающих наличие связей между представителями антиимператорской группировки и англо-франко-итальянскими дипломатами. Последние не ограничивались только распространением пропагандистских материалов и слухов об исламофильстве Иясу, а также установлением тесных контактов с его противниками и передачей им денег и оружия. Отказ от поставок оружия Иясу, препятствия, чинимые при снабжении его германским оружием, демонстрация военной мощи посредством передвижения войск к границе с Эфиопией — вот те методы, к которым прибегли Англия, Франция и Италия в целях ослабления позиций Иясу и организации в стране обстановки неуверенности. В такой ситуации легче было осуществить главное: отстранить от власти Иясу.

В своей автобиографии Хайле Селассие I, по существу, признал факт участия Италии в заговоре против Иясу. «В 1916 г., когда Иясу был низложен,— напоминал император, критикуя итальянцев за значительные усилия в организации бегства Иясу в 1932 г. из заточения в Фыче,— итальянцы были в оппозиции к нему, о чем говорили нам не раз» [10, с. 206].

Первая попытка низложить монарха была предпринята 30 августа 1916 г. Тезайджер в тот день в шифровке Форин офису не без скрытого удовольствия сообщал, что «началось движение среди шоанских вождей, чтобы свергнуть Лиджа Иясу» [25, с. 91]. Но тогда все обошлось для Иясу благополучно.

Слущая почти месяц антиимператорская группировка, введя верные войска в Аддис-Абебу, вновь приступила к реализации своих планов, о чем сообщено было дипломатам Англии и Италии. 27 сентября в банкетном зале дворца Иясу, который с 28 июля отсутствовал в Аддис-Абебе, собрались министры, крупные шоанские и южноэфиопские феодалы, абуна, ычэге, причем многие из них, как полагают, не знали о цели предстоящего заседания. После непродолжительной перестрелки между сторонниками и противниками императора, в ходе которой было убито или ранено более 100 человек, организаторы заговора, поддержанные абуной, сообщили, что Иясу свергнут и что монархом Эфиопии провозглашается Заудиту⁴, старшая дочь Менелика II, а регентом и престолонаследником — Тафари Мэконнын⁵, получивший титул раса.

Выдвижение Тафари Мэконнына было обусловлено отчасти его принадлежностью к шоанской ветви Соломонидов и родством с покойным Менеликом II, но прежде всего в результате его личного и очень активного участия в свержении Иясу. На протяжении многих лет, еще с тех пор, как Иясу стал наследником, Тафари предпринимал, судя по всему, немало усилий, чтобы вначале ослабить Иясу, а затем устранить его от власти.

В этом он, кстати, вольно или невольно признается сам в своей автобиографии (опубликованной на английском языке в 1976 г.), хотя и пытается показать якобы свою непричастность к заговору [10, с. 43—50]. Особое недовольство раса Тафари Мэконнына вызвало решение Иясу (в августе 1916 г.) отстранить

⁴ Заудиту первоначально не пользовалась сколько-нибудь заметным влиянием в правящих кругах Эфиопии. Судя по всему, в 1916 г. она даже не была в курсе дел и намерений заговорщиков, не говоря уже о том, чтобы принять участие в государственном перевороте. Заудиту находилась по приказу Иясу под надзором в Фале, неподалеку от Аддис-Абебы. Только на четвертый день после низложения Иясу ее доставили в столицу.

⁵ В 1974 г. после низложения Хайле Селассие в газетах и по радио Эфиопии в целях его дискредитации не раз высказывалась мысль об узурпации им в 1916 г. власти. К антиимператорской кампании были подключены даже оставшиеся в живых сыновья Иясу — Йоханннс и Менелик, прошедшие почти 30 лет под домашним арестом в Аддис-Абебе. Так, в сообщении, переданном 1 декабря 1974 г. по радио, они обвинили Хайле Селассие в преднамеренной клевете на их отца, чтобы захватить трон. В интервью Менелика Иясу, опубликованном 30 октября 1974 г. газетой «Эфиопиэн Гералд», осуждались монархический режим и лично Хайле Селассие.

его от должности губернатора в провинции Харэр, приносившей ему огромный доход и имевшей стратегически важное военное и политическое значение в системе эфиопского государства в то время. П. Джилкс предполагает, что этот шаг Иясу вообще является «ключевым фактором» в окончательном осознании шоанской знатью той угрозы, которая нависла над их властью и положением в результате деятельности Иясу [7, с. 12].

Иясу, находившийся в Харэре, узнал о событиях в Аддис-Абебе в тот же день из перехваченной телеграммы, посланной расом Тафари своему двоюродному брату кэньязмачу Имру, в которой тому предписывалось арестовать низложенного императора. Иясу прежде всего приказал перерезать телеграфную линию, связывающую Харэр с Аддис-Абебой. Затем он разослал солдат за всеми харэрскими священниками, повелев последним собраться на городской площади. Те повиновались. На площади Иясу обратился к ним с просьбой поклясться, что они отлучат от церкви любого, кто окажется неверным ему. Священники исполнили пожелание императора. Затем Иясу, встав на колени, принял из рук харэрского епископа крест и Библию и стал иступленно целовать эти священные христианские реликвии, приговаривая, что всегда был и останется истинным христианином.

Вечером того же дня Иясу отправил одного из своих приближенных к британскому консулу в Харэре майору Додду со специальным поручением. Иясу просил Додда передать в Лондон его особое послание, в котором он предлагал англичанам поставить Эфиопию под защиту британских войск, т. е. фактически ввести в стране систему английского протектората. Удивившись столь неожиданным обороту дела, Додд пожелал лично переговорить с императором. На следующий день беседа состоялась. В ходе ее Иясу вновь повторил свое предложение. Додд, видимо, поняв, что это была своего рода уловка, маневр со стороны Иясу, оставил, по существу, его просьбу без ответа. «Если предложение (Иясу.— В. Я.) — правда,— пишет Р. Гринфилд,— то оно представляло собой только попытку оконфузить Форин офис для того, чтобы выиграть время и чтобы сорвать любые меры, которые Великобритания предприняла бы путем использования военной силы или отправки боеприпасов и оружия в поддержку своего дипломатического вмешательства (в дела Эфиопии.— В. Я.)» [19, с. 139]. В том, что Иясу сразу обратился к британскому консулу, нет ничего удивительного, ибо он хорошо был осведомлен о происках англичан и их союзников против него и его политики. Он попытался славировать в создавшейся обстановке, но безуспешно.

Для задержания свергнутого государя из Аддис-Абебы спешно направили в Харэр войска под командованием дэджазмача Балча. 1 октября при их приближении Иясу с горсткой всадников покинул город и направился сначала в Дыре-Дауа, затем в Ауссу, а оттуда двинулся на соединение с армией своего отца негуса Микаеля.

Негус Микаель, узнав о перевороте в Аддис-Абебе, действо-

вал решительно. Возглавив восьмитысячный хорошо вооруженный отряд, он двинулся на столицу. 17 октября 1916 г. под Анкобером, в Торо Мэск, произошло его первое сражение с посланными из Аддис-Абебы войсками раса Люль Сэгэда; оно закончилось полным разгромом последнего. Успех Микаеля вызвал переполох в Аддис-Абебе, особенно среди иностранных дипломатов. И здесь негус допустил тактическую ошибку, приостановив в ожидании сына продвижение своих сил. А из Аддис-Абебы ему навстречу уже вышел десяти тысячный отряд под командованием военного министра фитаурари Хабтэ Гийоргиса. Одновременно с отправкой этих войск у Франции были запрошены пулеметы. Париж ответил согласием. Тогда же рас Тафари вступил в тайные переговоры с номинальными и фактическими сторонниками Микаеля: с расом Дэмысеу, женой которого была дочь Микаеля, с расом Сеюмом, тоже зятем Микаеля, расом Хайлю, а также с расом Уольдэ Гийоргисом. Нейтрализовав этих могущественных феодалов и получив обещанные Францией пулеметы, Тафари Мэконнын поспешил на помощь своему военному министру. Решающая битва, продолжавшаяся пять часов, между новым режимом в Аддис-Абебе и Микаелем произошла 27 октября в Сэгэле, около Дэбрэ Бырхана. Она закончилась поражением отца Иясу. Несмотря на отчаянную храбрость, Микаель и многие из его видных военачальников были пленены. В честь этой победы в Аддис-Абебе 2 ноября устроили парад победителей. Мимо трибун, где на специально отведенных местах находились императрица Заудиту, министры и иностранные дипломаты, многие крупные феодалы страны, торжественным строем промаршировали конница раса Тафари Мэконнына, армия фитаурари Хабтэ Гийоргиса, войска раса Кассы и воины других феодалов. В колонне победителей шел (что согласно традиции уже само по себе было неслыханным унижением) прикованный цепью к руке кэньязмача Имру негус Микаель⁶. А в это время его внучка Мэнэн, ставшая в свое время по воле Иясу женой раса Тафари Мэконнына, находилась среди знати, окружавшей императрицу Заудиту.

Новый режим в Аддис-Абебе выстоял. Многие исследователи сходятся на мысли о том, что поражение негуса Микаеля и его пленение означали конец царствования Иясу и вместе с тем упреждение позиций императрицы Заудиту и регента. Это утверждение вполне правомерно, ибо все или, точнее, почти все влиятельные и могущественные феодалы оказались на стороне новых правителей Эфиопии. Тем не менее Иясу продолжал возбуждать в Аддис-Абебе заметные опасения.

Уже сразу после коронации Заудиту, состоявшейся 11 февраля 1917 г., стало известно, что Иясу предложил Заудиту сместить раса Тафари Мэконнына, обвинив его в стремлении отдать страну в руки англичан, и вдвоем управлять страной [11, с. 132—133].

⁶ Негус Микаель скончался в 1918 г. на одном из островов оз. Звай, куда его сослали.

Регент, узнав о контактах во дворце с низложенным императором, решительно пресек попытки тайного сговора Иясу с Заудиту. «Едва завершилась коронация [Заудиту],— писал Тезайджер,— как восстали провинции Семиен, Улкаит, Уоджу и Уоган. Мусульмане Уолло... атаквали Дессе и, хотя были разбиты, продолжали вторгаться в Арусси. Мусульманские и языческие племена от Пинора до Доло восстали, и имеются волнения в Тигре» [25, с. 114]. Направляя войска на подавление этих вооруженных выступлений, новые власти в Аддис-Абебе сосредоточивали свои главные силы против Иясу, укрывшегося в Уолло, во владениях отца, и набиравшего быстрыми темпами многочисленную армию. Его постоянно преследовали войска под началом фитаурари Хабтэ Гийоргиса и раса Аббатэ, к которым примкнули вооруженные отряды раса Дэмысеу, дэджазмача Кэббэдэ и дэджазмача Уольдэ Цадька. В конце августа 1917 г. в долине между Дессе и Анкобером сошлись две армии: армия Иясу и армия новых властей Аддис-Абебы, получившая от англичан и французов пушки и станковые пулеметы⁷. В сражении первая была побеждена, но Иясу с немногочисленным отрядом преданных ему людей вновь ушел от победителей, прибыв в Магдалу. После того как рас Аббатэ подверг артиллерийской бомбардировке крепостные сооружения этого города, Иясу и его ближайшие сторонники с большим трудом вырвались из осажденной Магдалы и скрылись в просторах Данакильской пустыни. Свергнутый император нашел кров у данакильцев. На несколько лет он устранился от борьбы за возвращение трона.

В отдельных же районах страны еще некоторое время не прекращались волнения, вызванные недовольством определенных слоев населения свержением Иясу. Очень быстро были подавлены зарождавшиеся восстания в населенных мусульманами областях Джимма и Гураге, где фитаурари Хабтэ Гийоргис публично покарал зачинщиков, повесив даже двух мулл. В западной части страны мусульманские правители, подозреваемые в связях с Германией, оказались брошенными в тюрьму [25, с. 97]. Одно из наиболее серьезных выступлений произошло в Тигре, где младший сын раса Сеюма дэджазмач Касса, губернатор Аксума, Адуа и Шире, отказался признать власть императрицы Заудиту, считая ее узурпатором трона. После непродолжительного сопротивления юный потомок Йоханнуса IV сдался, но был убит, когда пытался тайно пробраться в Тигре, бежав из места заточения под Аддис-Абебой.

Подобные выступления имели локальный, разрозненный характер и потому легко подавлялись правительственными войсками. Сохранила ли бы Эфиопия свою независимость в случае всеобщей гражданской войны — трудно сказать. Одно вполне очевидно, что Англия, Франция и Италия, дела которых на фронтах первой

⁷ Рас Тафари Мэконнин просил также английское правительство через Тезайджера прислать два самолета с экипажами для бомбардировки позиций Иясу, но получил отказ [25, с. 118—119].

мировой войны 1917 г. пошли к лучшему, не остались бы в стороне, тем более что новые власти Аддис-Абебы ориентировались на Лондон, Париж и Рим, искали и находили там помощь в вооружении своих войск, а также морально-политическую и дипломатическую поддержку. По мнению Тезайджера, рас Тафари Мэконнн «был не только единственной реальной силой в стране» в 1917 г., «но и стойким другом Британии» [25, с. 115].

О дальнейшей судьбе Иясу мало что известно. События, касающиеся Иясу в 20-е—30-е годы, выходят за рамки настоящей статьи. Вот почему мы ограничимся только констатацией основных вех жизни низложенного монарха в эти годы.

В 1921 г. Иясу, покинув приютивших его данакильцев, появился в Тигре, рассчитывая, видимо, на покровительство родной сестры Тоабэч, бывшей замужем за расом Сеюмом. Иясу нашел приют в одном из монастырей Тигре, но его там схватили люди раса Гугсы Арая, который выдал его властям в Аддис-Абебе [8, с. 114]. И. Левин предполагает, что «появление Иясу в Тигре было, по-видимому, связано с итальянскими планами, пытавшимися противопоставить его Тафари Мэконнну как стороннику французской ориентации и получить от Лиджа Иясу признание итальянских притязаний в Абиссинии... Однако,— продолжает далее тот же автор,— эта ставка была бита... Тем самым был завершен один из важнейших этапов внутренней борьбы в Абиссинии» [7, с. 67]. Согласно версии, приведенной Л. Мосли, Иясу был схвачен самими же данакильскими вождями и передан ими центральному правительству в обмен на отмену недоимок по выплате налогов и мирный договор [25, с. 127]. По распоряжению раса Тафари Мэконнна бывшего монарха отправили в Фыче под надзор раса Кассы, родственника и ближайшего сторонника регента. В 1932 г. рас Хайлю организовал заговор против императора Хайле Селассие, сделав ставку на освобождение Иясу⁸. Бывший император, удачно ускользнув из-под стражи, был, однако, вскоре схвачен и помещен в строго охраняемый дом на окраине Харэра под присмотр верных вассалов Хайле Селассие. В 1935 г. при таинственных обстоятельствах он скончался (подробнее см. [31]).

Так закончилась жизнь избранника Менелика II, который процарствовал неполных три года, ведя борьбу против господства в стране шоанско-южноэфиопских феодалов и англо-франко-итальянских колонизаторов, за сплочение государства на общенациональной основе, за укрепление его позиций на политической карте мира. Являясь одним из главных сторонников прогрессивного раз-

⁸ Расчет раса Хайлю на Иясу был не случаен. Имя низложенного монарха еще было памятно многим в стране, особенно в районах, удаленных от Шоа. Эфиопская знать и ее вассалы также не забыли Иясу, а часть из них по-прежнему, видимо, благосклонно относилась к узнику в Фыче. Любопытно одно сообщение итальянского консула в Дессе о том, что, когда в 1931 г. в этот город прибыл старший сын Хайле Селассие наследный принц Асфа Уосэн, назначенный в Уолло генерал-губернатором, народ, вышедший ему навстречу, приветствовал его криками «сын нашего императора Иясу» [11, с. 278].

вития Эфиопии, он тем не менее как монарх не стал центром притяжения, центром объединения всех передовых сил страны. Здесь уместно напомнить слова Ф. Энгельса о том, что в период разложения феодализма «все революционные элементы, которые образовывались над поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним» [1, с. 411].

Кроме того, опора Иясу в противодействии Англии, Франции и Италии на Германию и ее союзников таила в себе немало трудностей в последовательном проведении антиимпериалистического курса.

Словом, однозначной оценки деятельности Иясу быть не может. Предстоит еще немало сделать, чтобы составить научно объективную картину политической истории Эфиопии в царствование Иясу. При этом важно учитывать, что, как писал В. И. Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками» [2, с. 178].

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
2. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты.— Полное собрание сочинений. Т. 2.
3. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. Некоторые вопросы политической истории Эфиопии на рубеже XIX—XX вв.— История, социология, культура народов Африки. Статьи польских ученых. М., 1974.
4. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М., 1976.
5. В анн И. Абиссиния.— «Новый Восток». М., 1922, № 2.
- 5а. Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям. М., 1979.
6. Кохановский А. Абиссиния (Доклад министру иностранных дел С. Сазонову 1 июня 1913 г.).— «Новый Восток». 1922, кн. 1.
7. Левин И. Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические формы. М.—Л., 1936.
8. Тэкле Цадык Мэкурия. От императора Теодроса до Хайле Селассие. Аддис-Абеба, 1946 (по эфиоп. летосчис. На амхар. яз.).
9. Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
10. The Autobiography of Emperor Haile Selassie I. My Life and Ethiopia's Progress 1892—1937. Ох., 1976.
- 10а. Alemu Eshete. European Political Adventurers in Ethiopia at the Turn of the 20th Century.— «Journal of Ethiopian Studies». Addis Ababa, 1974, vol. XII, № 1.
11. Asfa Yilm a. Haile Selassie Emperor of Ethiopia. L., 1935.
12. Bairu Tafla. Two of the Last Provincial Kings of Ethiopia.— «Journal of Ethiopian Studies». 1973, vol. XI, № 1.
13. Baravelli G. C. The Last Stronghold of Slavery. What Abyssinia Is. Roma.
14. Coffey T. M. Lion by the Tail. The Story of the Italian-Ethiopian War. L., 1974.
15. «Ethiopia Mirror». Addis Ababa, 1967, vol. VI, № 2.
16. Farago L. Abussinia on the Eve. L., 1935.
17. Gilkes P. The Dying Lion. Feudalism and Modernization in Ethiopia. L., 1975.

18. Great Britain. Foreign Office. Historical Section: Abissinia. L., 1920.
19. Greenfield R. Ethiopia. A New Political History. L., 1965.
20. Hess R. L. Ethiopia. The Modernization of Autocracy. Ithaca — London, 1970.
21. Hess R. L. Italy and Africa: colonial Ambitions in the First World War.— «Journal of African History». L., 1963, vol. IV, № 1.
22. Jones A. H. M. and Monroe E. A History of Ethiopia. Ox., 1955.
23. Marcus H. G. The Life and Times of Menelik II. Ethiopia 1844—1913. Ox., 1975.
24. M é r a b P. Impressions d'Ethiopie. Vol. III. P., 1922.
25. Mosley L. Haile Selassie The Conquering Lion. L., 1964.
26. Pankhurst R. Economic History of Ethiopia. 1800—1935. Addis Ababa, 1968.
27. Turton E. R. The Impact of Abdille Hassan in the East-Africa Protectorate.— «Journal of African History». L., 1969, vol. X, № 4.

С. Б. Чернецов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭФИОПИЯ И ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ
(к истории взаимосвязи
двух родственных нильских культур)

Роль магии и то место, которое занимают магические представления и магическая практика в духовной жизни народов, населяющих Эфиопию, привлекали внимание всех исследователей, занимавшихся культурой этой страны, начиная с родоначальника европейской эфиопистики Иова Лудольфа [28, кн. III, гл. IV]. В научной литературе за средневековой Эфиопией прочно установилась репутация «настоящего кладезя суеверий и магической практики» [29, с. 1], и некоторые современные исследователи утверждают, что «нигде в мире они не являются столь живой действительностью, как в Эфиопии» [24, с. 142]. Этот феномен, однако, не является специфически эфиопским явлением: он имел место повсюду, где на смену политеистическим воззрениям приходила монотеистическая религия. На русской почве это явление было открыто и изучено еще «археологическими романтиками», и в первую очередь Ф. И. Буслаевым, который дал ему название «двоеверия», прочно вошедшее в русскую научную литературу. Он так описал происхождение и причину живучести двоеверия: «Захваченная христианством врасплох, народная фантазия, не очищенная от языческих представлений и запуганная ими уже как наваждением дьявольским, но все же, как от родной старины, не отказавшаяся от них, естественно, должна была сойти с своего свободного творческого поприща и, так сказать, сжаться в более тесном кругу целого ряда мелких суеверий, которые тем не менее обнимали и доселе в простом народе объемлют всю жизнь, все крупные и мелкие явления ее... Поэтому, несмотря на свою фантастическую основу, суеверие важно для народа своей практической применимостью в делах житейских» [1, с. 32].

Это «двоеверное» мировоззрение наложило глубокий отпечаток и на эфиопскую письменность. И. Ю. Крачковский по этому поводу писал: «Едва ли не наиболее существенную количественно часть абиссинской литературы составляют всякие „отреченные писания“, начиная с библейских апокрифов и кончая заговорами и заклинаниями» [5, с. 163]. Немецкий исследователь Энно Литманн также утверждал, что «большая часть эфиопской литературы является литературой магической» [29, с. 2].

Насколько справедливы эти утверждения в том отношении, что письменные памятники эфиопской магии (т. е. писания, предназначенные для магического употребления) при всем своем разнообразии составляют особый, единый род литературы, а именно магическую литературу? На основании какого признака можно объединить столь широкий круг произведений, «начиная с библейских апокрифов и кончая заговорами и заклинаниями»? В каком отношении к произведениям устного магического творчества и к памятникам письменности они находятся? Все эти вопросы неизбежно встают перед исследователем магической литературы, когда он задается целью определить предмет своего исследования.

Первый признак, на основании которого можно выделить письменные памятники эфиопской магии среди иных литературных памятников, есть признак функциональный, т. е. то назначение магических сочинений, ради которого они писались. И. Ю. Крачковский так определил эту функцию: «Одну из популярных отраслей этой „отреченной“ литературы составляют так называемые магические свитки. Содержанием их всегда являются различные тексты, иногда даже канонические, которым, однако, приписывается магическое значение. Еще чаще они наполнены заговорами, заклинаниями и нередко простым набором таинственных имен, значение и происхождение которых почти невозможно установить. Для обладателя свитка это неважно, так как предохранительная сила обыкновенно приписывается не столько чтению свитка, сколько его ношению или даже простому нахождению в помещении» [5, с. 163].

То же следует сказать и о книгах Св. Писания, например о Псалтыри, не только чтение которой, но и хранение и ношение на теле считалось чудодейственным. Нередко чтение Псалтыри с магическими целями сопровождается также магическими действиями и обрядами [13, с. 63—73]. Таким образом, функциональный признак, единый для всех произведений магической литературы (будь то апокрифические сказания, заговоры, заклинания или библейские книги), указывает не только на целевое отличие ее от остальных литературных произведений, но и обуславливает употребление: в отличие от прочих литературных памятников произведения магической письменности предназначаются не столько для прочтения, сколько для обладания ими и играют роль предохранительных амулетов. Тот факт, что каждый такой амулет предназначен для определенного человека, выражается также и в том, что в тексте обязательно и неоднократно указывается имя владельца. Если же такое произведение переходит из рук в руки, то имя прежнего его обладателя тщательно выскабливается и на выскобленном месте пишется новое имя. В текстах же иногда содержатся и указания на употребление того или иного магического произведения — ношение его на шее, обертывание вокруг тела, хранение в доме и т. п. Такие особенности характерны не только для эфиопской магической литературы, но и для русской [2, с. 18—19], греческой [20], коптской [11, с. 205—206] и др.

Итак, кроме функционального признака имеется и формальный, не свойственный литературным произведениям иных жанров.

Однако оба эти признака в равной степени характерны не только для произведений магической литературы, но и для устных заговоров, которым также приписывается предохранительная сила и в которых тоже совершенно обязательным является упоминание имени человека, ради которого заговор произносится. Насколько известно автору настоящей статьи, исследователи заговоров до сих пор в своих работах не проводили различия между заговорами письменными и устными, хотя оно, несомненно, существует. В чем же оно заключается?

Прежде чем отвечать на вопрос, следовало бы определить само понятие «заговор», так как исследователи расходятся в его определении. В данной работе принимается определение Николая Познанского «Заговор есть словесная формула, обладающая репутацией достаточного и неотразимого средства для достижения определенного результата, при условии соблюдения всех требующихся при этом предписаний; средства, противиться которому не может ни закон природы, ни индивидуальная воля, если она не пользуется с этой целью также какими бы то ни было чарами» [8, с. 102] с небольшим дополнением: «Заговор есть словесная или *написанная* формула...».

Правомерно ли разделять заговор устный и заговор написанный? Мы считаем, что на этот вопрос следует ответить положительно, если учесть, что устный заговор основывается на вере в силу слова *произнесенного*, а заговор письменный — на вере в слово *написанное*. И хотя последний, несомненно, произошел от первого, различие между ними весьма велико. Иллюстрацией этого различия в народном сознании может служить наблюдение Н. Виноградова, списывавшего русские заговоры у пастуха, который «заговоры знает наизусть, но уверен, что заговор действителен только тогда, когда прочитан по написанному, „иначе никакой силы не будет, лучше не грешить“» [2, с. 62—63].

Казалось бы, не столь примечательный и вполне естественный переход устного заговора в письменный знаменовал собою, однако, целый этап в развитии человеческой мысли и повлек за собою очень важные последствия. Как впервые было доказано Ф. Зелинским, заговор родился из обряда, магическому слову предшествовало магическое действие. Первая ступень развития магических представлений заключалась в том, что действие стало сопровождаться словами и, таким образом, превратилось в обряд: «для произведения желаемого явления производится чара, т. е. явление, сходное с желаемым и ассоциированное с ним... Мы выразили на словах чару и ее цель и получили формулу заговора» [3, с. 24]. Второй ступенью явилось то, что обряд (т. е. магическое действие) и заговор поменялись местами и не слова уже сопровождали обряд, а обряд стал сопровождать заговор, превратившись пусть в весьма существенный, но уже не главный элемент магической практики. Рассматриваемый же нами процесс

перехода заговора из устной традиции в письменную знаменует собой третью ступень развития магических представлений, когда обряд постепенно теряет свое самостоятельное значение и развивается магический культ, т. е. более или менее организованная и стройная система еще магических по своему характеру представлений, какую мы встречаем, например, в древнем Египте в виде развитого магического культа бога Тот [9].

Следует отметить, что сама письменность при зарождении и в начале своего развития вообще была теснейшим образом связана с магией, точнее, с магическим культом, жрецы которого были знатоками и хранителями письма. (Недаром древнеегипетский бог Тот считался покровителем одновременно и магии и письменности.) Памятники письменности таких древних цивилизаций, как вавилонская, египетская, а также южноаравийская и древнеэфиопская, показывают, что письменность на начальном этапе развития имела далеко не ту коммуникативную функцию, которую она имеет в настоящее время. Надписи, высеченные на многочисленных стелах, конусах, пограничных камнях и столбах, повествуют о победах царей и их добыче, о проклятиях и бедах, которые должны достигнуть нарушителя границы, и об установлениях и законах царства и вселенной. Однако если посмотреть на тексты этих надписей глазами их древнего читателя, то нетрудно заметить, что для него они не столько содержат описание новых, не известных ему событий, сколько закрепляют с помощью резца на камне хорошо известные в те времена сведения, установления и законы. Да и сама эта «монументальная» письменность была доступна пониманию весьма немногих представителей высшего сословия, и без того прекрасно осведомленных в текущих государственных делах. Для выполнения коммуникативной функции эта письменность была крайне неудобна, отличаясь необыкновенной сложностью, что дало повод Б. А. Тураеву заметить: «Египетское письмо, которому была суждена великая, более чем трехтысячелетняя будущность, на первый взгляд поражает своей сложностью и до сих пор заставляет недоумевать, почему египтяне при необходимости часто и много писать не отбросили всего балласта семисот знаков и не остановились на алфавите, который оказывается в числе этих знаков» [12, с. 174—175].

Очевидно, это имело свои причины, и предлагаемое объяснение заключается в том, что целью этих надписей было вовсе не сообщение читателю какой-то новой для него информации, хотя для современных ученых они и служат ее источником. Здесь можно предположить, что эти письма (а письменности всегда приписывалось происхождение божественное) посвящались и предназначались богам и мыслились как символическое преподнесение в дар богам результатов того или иного царского похода или завоевания. Царь, повелевая высечь на камне повествование о своем победоносном походе со скрупулезным перечнем всей захваченной добычи и покоренных областей, приказывал ставить этот камень, трон или стелу близ святилища бога, полагая, что

бог, получив такой дар, будет в дальнейшем заботиться о сохранении этого приобретения. Письменность же при этом была средством осуществления такого дара, т. е. средством общественной магии, осуществлявшей связь между обществом (в лице царя) и богами. Этим объясняется не только обычай установления подобных памятников при храмах и подробное перечисление в высеченном на камне тексте царских захватов и добычи, но и обязательное упоминание имени царя (дарителя) и бога (принимающего дар).

Характер представлений, которые обусловили эту функцию письменности на раннем этапе ее развития, следует, видимо, определить как магиго-религиозный. Такое определение, разумеется, весьма общо, но вряд ли вообще возможно четко отграничить магию от религии и религиозный культ от магического действия. По этому поводу хочется привести любопытное лингвостатистическое наблюдение Эдварда Вестермарка: «Вероятно, есть основания полагать, что близость между религией и магией нашла себе выражение в самом слове „религия“. Предполагается, что латинское *religio* восходит к *religare*, что означает „связывать“. Имеется в виду, что родство между этими словами показывает, что в религии человек связывается своим богом. Но связь между ними, если здесь вообще имеется какая-либо связь, позволяет, похоже, дать и другое, более естественное объяснение, а именно, что не человек связывается богом, а бог связывается человеком... Это и есть то, что мы называем магией, но римляне в прежние времена могли называть это *religio*. Они были склонны скорее к магии, нежели к истинной религии; они предпочитали принуждать богов, нежели быть принуждаемыми богами» [34, с. 10].

Подобные представления определяли характер магиго-религиозного культа и те функции письменности и царской власти, которые трудно назвать иначе, как магическими. Любопытно, что пережитки подобных представлений сохранялись очень долгое время и после принятия христианства, когда в Эфиопии христиане, подданные христианского царя, твердо верили не только в его физическую мощь, но и в его магические способности. Примером этого может служить отрывок из «Хроники царя Амда Сиона» (1314—1344), где царь побуждает своих воинов сражаться с мусульманами: «И так сказав, царь разгневался на них и сказал: „Говорите, что можете сказать. Я же клянусь богом небесным, что не вернусь в мой город, пока не уничтожу мусульман“. И отвечало войско его как едиными устами, говоря: „Ей, царь, мы сделаем все, что повелишь нам. И да будет так, как ты сказал! Но дай нам благословение“. И он благословил их гласом уст своих, сказав: „Мечи неверных, копыя и стрелы их да не падут на нас, но мечи ваши да войдут в сердца неверных; копыя и стрелы ваши да войдут в сердца их, ножи да пожрут их, копыя ваши да искоренят их, а вас да спасет бог и покроет вас щитом своим, да подаст вам силу и победу“. И сказал народ „Аминь! И аминь! Да будет! Да будет!“» [15, с. 27—28]. Царь клянется «богом не-

бесным» и призывает его в помощь, а воины его, твердо убежденные, что именно царь олицетворяет общество и в этом своем качестве имеет магическую связь с богами (или богом), требуют от него магической формулы, которая обеспечила бы им победу, а врагам — поражение.

Эта формула была устной. Однако магиико-религиозный культ сам по себе порождает и жреческое сословие, и магическую письменность. Письменная магия эпохи магиико-религиозного культа (в отличие от бытовавших в то же время устных заговоров и заклинаний) носила не личный, а общественно-государственный характер. И эпиграфические памятники этой письменности призваны были играть роль прочного связующего звена между обществом и богами. Устные заговоры и заклинания, также призванные обеспечивать помощь и защиту со стороны божества (или божеств), носили сугубо личный характер, и соответственно область применения их была шире и доступнее.

Принятие монотеистической религии (в Эфиопии — христианства) повлекло за собою коренные изменения как в области религиозных представлений, так и в области письменности. Монотеизм, по сути своей исключающий веротерпимость и легкость сочетания разных религиозных представлений, монополизирует веру, подавляет и уничтожает как старые магиико-религиозные культы, так и жреческое сословие с его традицией письменных памятников общественной магии. Монотеизм порождает качественно новый вид письменной традиции, который можно назвать религиозной литературой.

Отличительной чертой этой литературы является ее учительный характер, ее проповедническая направленность. Здесь текст пишется для людей, а не для богов и потому не нуждается в том, чтобы его фиксировали на громоздких монументах, а также в сложности и малодоступности, присущей древнему священному письменному языку. Это уже не магическая письменность, предназначенная и посвящаемая богам, это словесность, призванная воздействовать на людей и потому сохраняющая многие черты народной ораторской прозы. Одним из неизбежных последствий распространения монотеистической религии (в нашем случае — христианства) и соответственно произведений учительной христианской литературы было и распространение грамотности в гораздо более широкой среде, нежели прежнее жреческое сословие.

Принятие христианства, самым роковым образом сказавшееся на судьбе магиико-религиозных культов и порожденной ими письменности, весьма мало отразилось на устных заговорах и заклинаниях: они не погибли и продолжали широко бытовать в народе и пользоваться вполне неколебимой репутацией. Распространение грамотности также нисколько не повредило их существованию. Именно на этот период приходятся развитие и расцвет магической литературы, тексты которой в отличие от текстов прежней магической письменности носили не общественно-государственный, а сугубо личный характер, подобно устным заговорам и заклинаниям.

ниями. Если сохранность и передачу из поколения в поколение в неприкосновенности устным магическим текстам обеспечивал обряд, то на рассматриваемом этапе неизменяемость им гарантировала сама письменная форма. Таким образом, способ передачи магических произведений меняется, и устную традицию заменяет традиция письменная.

Письменная магия, несомненно, произошла из магии устной, но письменный заговор оказался не просто устным заговором, который записали. При переходе устной магии в письменную вслед за формой менялось и содержание магических текстов. Устная магия, родившаяся в условиях доклассового общества, имела основным, если не единственным, источником фольклор и местные поверья. Иноземные заимствования здесь редки и сводятся, как правило, лишь к «таинственным именам» в заклинаниях, причем при заимствовании из других языков эти «имена» чаще всего искажаются до полной неузнаваемости [16, с. 124—130].

По-иному обстоят дела в магии письменной. Здесь иноземные заимствования оказываются весьма сильны, заимствование идет уже «литературным» путем, т. е. путем перевода и переписывания произведения; эпическая часть заговоров разрастается до размеров сюжета, и складывается определенный набор магических сюжетов, набор, характерный для той или иной национальной магической письменности. Более широкие возможности, предоставляемые письменной формой, сказались и на структуре заговоров, прежде подчиненных фольклорной ритмике, и на увеличении объема заговора, в особенности эпической его части. Благодаря новой, письменной традиции и высокому авторитету иноземных христианских писаний в эфиопскую магию широким потоком хлынули заимствования: библейские эпизоды, апокрифические сказания, переводы иноземных произведений магической письменности и т. п., которые составили эпическую часть многих заговоров. Таким образом, произведения магии письменной и по объему и по содержанию отличаются от произведений магии устной.

Еще одним важным признаком, отличающим тексты эфиопской письменной магии от магических устных текстов, является язык. Если языком устных заговоров и заклинаний в Эфиопии являются местные разговорные языки и диалекты, то все без исключения памятники магической письменности написаны на мертвом литературном языке геэз. Таким образом, подводя итог изложенному выше, можно прийти к выводу о том, что письменная магия в отличие от устной порождена классовым обществом и обладает собственной письменной традицией и собственным литературным языком. Родившись из устных заговоров и во многом унаследовав структуру последних, произведения магической литературы занимают промежуточное положение между магическим фольклором и собственно литературными памятниками. По содержанию своему эти письменные магические произведения представляют собой единый комплекс, имеющий следующие общие признаки.

1. Функциональный признак: все эти произведения выполняют

роль предохранительных амулетов, оберегов, значение которых заключается уже в простом обладании ими и хранении при себе.

2. Формальный признак: все они написаны не на живом, разговорном, а на литературном языке с обязательным упоминанием имени владельца в самом тексте произведения.

3. Структурный признак: в структурном отношении они сходны с устными заговорами с тем существенным отличием, что эпическую часть письменных заговоров составляет определенный набор магических сюжетов как местного, так и иноземного происхождения.

4. Традиция передачи этих произведений из поколения в поколение заключается в переписывании их с изменением в тексте лишь имени владельца — традиция, характерная для литературных произведений.

Эти признаки, общие для всех эфиопских магических свитков, позволяют рассматривать их как особый род магических произведений — магическую литературу.

Такая магическая литература, связанная с общей эфиопской литературной традицией и все же отделенная от нее достаточно четкой гранью, литература нечитаемая и не предназначенная для чтения, представляет собою весьма своеобразный социологический феномен, весьма характерный, живучий и, строго говоря, незаконный. В стране, принявшей христианство еще в IV в., магические свитки носят и по сей день, и вера в их магическую силу велика, несмотря на то что церковь всегда осуждала и запрещала как вообще всякую магическую практику, так и рукописные амулеты. Постановления, направленные против них, имеются в правилах Никейского и Галатского соборов, обязательность выполнения которых признает и Эфиопская церковь. Осуждение «волхвов и чародеев, пишущих амулеты с именами», содержит и XXV глава широко распространенного и почитаемого в Эфиопии христианского трактата «Целение духовное», переведенного на эфиопский язык в 1687 г. Тем не менее представители духовенства не только мирятся с бытованием рукописных амулетов в народе, но и сами являются основными их распространителями и переписчиками.

Корни этого культурного феномена связаны с тем «двоеверным» мировоззрением, характерным для раннеклассовых обществ, где магия сосуществует с религией. Здесь различие между религией и магией в условиях «двоеверия» заключается в том, что первую признает, охраняет, а нередко и насаждает вся система политической власти, в то время как вторую она не признает, не охраняет и зачастую преследует. Из столь различного отношения политической системы раннеклассового общества к магии и религии следует, что происхождение религии связано с рождением классов и социального угнетения, а корни магии лежат в обществе, еще не имевшем ни классов, ни эксплуатации. Причина же появления «двоеверной» идеологии заключается в той особенности раннеклассовых государств, которая определяется сложившейся

там формой эксплуатации, названной Самиром Амином трибу-тарным способом производства (ближайшая русская аналогия — полюдье) и определенной им следующим образом: «Трибутарный способ производства характеризуется разделением общества на два основных класса: крестьянство, организованное в общины, и правящий класс, который монополизировал политическую организацию общества и взыскивает (нетоварную) дань с сельских общин» [21, с. 10]. Подобный способ производства, а вернее, форма эксплуатации определяет постоянное и неизбежное стремление господствующего класса к тому виду экспансии, который и обозначает русский термин «полюдье». Нечеткие и неустойчивые границы политических объединений раннеклассового общества, как правило, охватывают территорию с далеко не однородной экономической и социальной структурой, но эти политические объединения всегда состоят из центральной области и периферийных сфер, находящихся на различных ступенях ассимилированности и политической привязанности к центру. Это обстоятельство позволяет, на наш взгляд, воспользоваться терминами структурной теории Ю. Гальтунга [26] — центр, периферия и плацдарм — и при анализе идеологических представлений, присущих подобным раннеклассовым обществам.

Периферийные области могут отличаться от центра как в этническом, так и в социальном и культурном отношении. Исторические примеры показывают, что явления культурных, экономических и политических влияний (плацдарм) могут быть направлены не только от политического центра к периферии, но и наоборот, как одновременно, так и в разное время. Сфера идеологических представлений не исключена из этого процесса, результатом которого является «двоеверное» мировоззрение. Несколько упрощая, можно сказать, что религию как идеологию центра правящий класс стремится распространить на периферию, тогда как периферия питает вторую, магическую сторону возникающего «двоеверия», которое становится характерным и для центра.

Видимым выражением плацдарма, связывающего культурный и идеологический центр и периферию, плацдарма, обеспечивающего ход того процесса, который обозначают такими расплывчатыми терминами, как «этническая консолидация» или «культурная ассимиляция», и являлись магические свитки, предназначавшиеся не для чтения, а затем, чтобы самим фактом обладания ими хранить от бед и болезней того, чье имя было вписано в их текст. Действительно, не было никакого препятствия, которое бы мешало самому широкому распространению рукописных амулетов среди разнородных этнических групп, населяющих Эфиопию, поскольку их использование не требовало ни особых знаний, ни умений, в том числе и умения читать. Их широкому распространению не могла не способствовать и убежденность в превосходстве магических свитков над другими амулетами, так как они приходили из центра, т. е. оттуда, где были сосредоточены богатство и неоспоримая военная сила, что само по себе считалось

результатом обладания силой магической. Приобретение магического свитка приобщало его обладателя к более высокой культуре центра без нарушения старых, привычных традиций и в отличие от прямого принятия религии не накладывало никаких обязательств. Религия приходит позже из того же центра, но приходит уже на подготовленную в какой-то мере почву. И трудно сказать, что сильнее цементирует разнородные элементы большой общности с «двоеверной» идеологией, формирующейся в сравнительно широких границах раннеклассового государства, — религия или магия, но не прежняя магия доклассовых обществ, а новая «двоеверная» магия в виде магических свитков, создающая никем не охраняемую, почти невидимую, но чрезвычайно прочную сеть сопричастности к ней, простейшую форму осознания принадлежности к одной культуре и к одному государству. В качестве иллюстрации подобного же явления можно привести аналогичный, хотя и гораздо более поздний пример с насаждением христианства в Уолламо в 1896 г. Когда уолламский мальчик попросил у французского путешественника Гю ле Ру синий шнурок, носимый на шее, который в Эфиопии является таким же знаком христианства, как натальный крестик на Руси, француз спросил мальчика, не собирается ли он принять христианство. Ответ был наивен, но убедителен: «До него мне дела нет, но христианский шнурок мне нужен, потому что сейчас все солдаты глумятся надо мною. Они тыкают в меня пальцами и говорят: „Глянь-ка на этого уолламца без шнурка. Ведь он не лучше собаки!“» [30, с. 275—276].

Так и письменная магия, проникая практически беспрепятственно на периферию, обобщает и нивелирует различия в местных магических представлениях, разрушает тесную связь устной магии с определенными этническими группами, снимает языковые барьеры. Это чрезвычайно важное качество новой письменной магии как культурной, идеологической и социальной предтечи религии и закрепляет ее в роли второй стороны «двоеверной» идеологической системы раннеклассового общества.

Не следует забывать, однако, что в религиозном и культурном отношении центр раннеклассового эфиопского общества, в свою очередь, являлся периферией по отношению к более развитому остальному христианскому миру, и в первую очередь к Александрийскому патриархату. Так как эта связь между религиозным центром (Александрия) и периферией (христианская Эфиопия) имела главным образом не столько экономический и политический, сколько идеологический характер, то здесь плацдарм старательно и заинтересованно сохранялся обеими сторонами, причем инициатива принадлежала, пожалуй, эфиопской стороне. Причины подобной, не вполне типичной ситуации заключаются, по нашему мнению, с одной стороны, в том, что бессильный политический Александрийский патриархат не мог представлять угрозы эфиопскому политическому суверенитету. С другой стороны, поддерживая отношения со своим христианским центром, эфиопская светская власть и церковные иерархи достигали той разницы потен-

циалов, которая обеспечивала достаточно высокое напряжение в культурной цепи, связывающей как Александрийский патриархат с христианской Эфиопией, так и эфиопский государственный центр с его собственной периферией. В эфиопском быту это проявлялось в том высоком уважении, которое оказывали коптам и эфиопским паломникам, побывавшим в Иерусалиме, в государственной и церковной жизни, в том, что на сборы, которые в Эфиопии всегда имели не только религиозное, но и важное государственное значение, приглашались не только коптский митрополит и высшие церковные и монастырские иерархи, но и паломники, побывавшие у Гроба Господня (как это было при осуждении стефанитов при Зара Якобе [15, с. 70]).

Коптские митрополиты и паломники переносили на «эфиопский плацдарм» религиозные и культурные воззрения христианского центра, материализовавшиеся в виде литературных произведений и памятников письменности, достаточно хорошо изученных по тексту и оставшихся вполне таинственными по духу для большинства ученых-филологов. Их общее впечатление от подобных произведений хорошо выразил ветеран эфиопской филологии Эдвард Уллендорф: «Это уже стало общим местом, усвоенным как знатоками, так и непосвященными, несколько снисходительно характеризовать эфиопскую литературу либо как „сугубо церковную“, либо как „просто переводную“. И настоящий автор должен признаться, что, работая над эфиопскими литературными текстами, он часто вспоминал о сомнениях великого Нёльдеке (высказанных по поводу арабской доисламской поэзии) относительно того, стоит ли это эстетическое удовольствие, которое могут доставить эти исследования, труда, необходимого для того, чтобы дойти до понимания этих текстов» [33, с. 137]. Русский филолог И. Ю. Крачковский отозвался об эфиопской литературе еще более решительно: «Она создавалась не столько народом для народа, сколько келией для келии» [4, с. 127].

Литература в Эфиопии (как, впрочем, и повсюду) в отличие от фольклора создавалась, разумеется, не народом. Принимая во внимание гомилетический, учительный характер эфиопской средневековой литературы, а также постоянное стремление эфиопского государства и церкви к территориальной экспансии, сопровождавшейся христианизацией местного населения, можно было бы спорить и относительно того, для кого эта учительная литература предназначалась. Однако один вид письменных памятников создавался, безусловно, для народа, для самих широких его масс — это произведения литературы магической. Любопытно отметить, что и магическая литература, подобно литературе учительной, была в значительной степени переводной по происхождению. Так, сюжеты, которые составляют «литературное содержание» текстов эфиопской магической письменности, можно разделить на три основные категории.

1. Сюжеты, весьма неоднородные по своему происхождению, которые, однако, можно в целом отнести к обширному культур-

ному комплексу, называемому культурой древнего Востока. Таковы, например, сюжеты «Свитка Оправдания», «Сети Соломона» и легенда о св. Сисиннии и Верзилье. Те безусловно фольклорные черты, которые имеет эта последняя легенда, принадлежат не местному, эфиопскому, а эллинистическому фольклору, так как она попала в Эфиопию в поздней своей переработке [17, с. 200—207].

2. Сюжеты, происходящие из греческой христианской литературы, видимо, византийского происхождения. Это «Отлучение Сатаны», которое восходит к греческому апокрифу, и «Ограждение Креста», чей источник следует искать в известном произведении Иоанна Златоуста или в многочисленных подражаниях ему [18, с. 208—218].

3. Сюжеты, заимствованные из Библии или библейских апокрифов и легенд.

Таким образом, если произведения эфиопской магической литературы было бы слишком смело характеризовать как «сугубо церковные», то, казалось бы, назвать их «просто переводными» можно было бы с полным основанием. Здесь, однако, встает крайне сложный вопрос культурных влияний и заимствований, вопрос отношения между образцом и копией, оригиналом и переводом в средневековых литературах. Вообще, при рассмотрении любой христианской литературы, особенно на ранних стадиях ее развития, важно иметь в виду, что принятие новой религии в конечном счете всегда означает появление плацдарма нового центра. Для периферии следствием этого является восприятие нового культурного комплекса не только со многими присущими ему религиозными, философскими, правовыми, художественными и прочими идеологическими представлениями, но и с пережитками более древних представлений, свойственными этому центру. В полной мере это относится и к произведениям духовной культуры.

Как в дохристианском Аксуме южноаравийская по своему происхождению религия породила и эпиграфику, сходную по форме, содержанию и даже языку с эпиграфикой южноаравийской, так и принятие христианства повлекло за собою усвоение новой, дотоле чуждой литературной традиции с произведениями, генетически связанными уже с культурой Ближнего Востока и Средиземноморья. В целом подобное явление следует рассматривать как закономерное. Столь же закономерно на плацдарм периферии вместе с христианскими учительными произведениями стали попадать и далеко не христианские (но в значительной степени христианизированные, по крайней мере внешне) произведения литературы магической.

Здесь же следует подчеркнуть то обстоятельство, что подобное восприятие новых произведений духовной культуры центра никогда не сводилось к простому копированию. Относительно эфиопской литературы первым обратил на это внимание Э. Уллендорф: «То „присвоение“, которое мы прежде наблюдали и в других сторонах эфиопской культуры, весьма заметно и в области литера-

турной, и во вполне осязаемой форме. Многие из произведений, которые пришли в Эфиопию из других языков, были „переведены“ в буквальном смысле этого слова: они были введены в самый дух и быт христианской Эфиопии, восприняты и трансформированы. Некоторые из них... подверглись такой степени переосмысления и усвоения, что в конечном своем превращении очень мало напоминают оригинал. Отношения между образцом и копией, или моделью и воспроизведением, оказываются столь сложными, что потребуются самые детальные исследования (и кто знает сколько диссертаций!), чтобы распутать эту сложную ткань» ([33, с. 137].

Столкнувшись с аналогичным явлением в древнерусской культуре и литературе, Д. С. Лихачев подробно разобрал его в одной из своих недавних книг и назвал его «трансплантацией» [6, с. 21—27]. Видимо, с подобной «трансплантацией» письменной магии на новую почву мы и имеем дело в случае с эфиопскими магическими свитками.

«Трансплантация» сама по себе весьма характерна для культуры эфиопского общества. Однако, насколько сам принцип этого явления прост (собственно говоря, это принцип взаимовлияний периферии и центра), настолько трудным оказывается «распутывать эту сложную ткань» нить за нитью в каждом отдельном случае. Для этого необходимо, чтобы «образец» центра и «копия» периферии, а также по возможности и все промежуточные произведения, во-первых, сохранились (случай сам по себе весьма редкий, если не уникальный), во-вторых, были бы достаточно хорошо изучены или доступны для такого изучения (случай, к сожалению, тоже не частый). Для эфиопской магической литературы в таком благоприятном положении оказывается, пожалуй, только «Свиток Оправдания».

Это произведение эфиопской магической литературы принадлежит к наиболее изученным эфиопским памятникам подобного рода. Его распространенность, своеобразие и очевидная древность происхождения вызвали заслуженное внимание исследователей [10; 22; 25].

«Свиток Оправдания» начинается апокрифическим повествованием о том, как дева Мария, увидев своих родственников в аду, просит Иисуса Христа открыть ей такое средство, которое бы могло спасти человека от адского пламени. Иисус отказывает ей, однако Мария плачет и умоляет сына, и тот вынужден просить разрешения у своего небесного отца открыть ей такое средство, а именно «таинственные и могущественные имени божии». Эта сцена чрезвычайно напоминает древнеегипетское повествование о том, как Исида добивалась у Ра знания его тайного имени. И хотя Мария обещает Иисусу не открывать имена божьи «людям безумным, которые не ищут славы небесной и не пренебрегают славой земной», суть произведения от этого не меняется — вопрос спасения человека от адского пламени решается не в зависимости от его добродетелей или пороков, а прежде всего от того, знает ли он «сокровенные имена божии».

Таким образом, «Свиток Оправдания» отчетливо выделяется среди прочих произведений эфиопской магической литературы прежде всего своей функцией. Если остальные магические свитки должны охранять их владельца от всякого зла на его жизненном пути, то «Свиток Оправдания» предназначен служить ему после смерти, обеспечивая божью милость и благоприятный исход Страшного суда. Об этом своем назначении говорит и текст «Свитка»: «Кто приобретет сию книгу, не сойдет в осуждение и во ад. Кто будет носить ее и обернет ею шею, очистится от нечистоты греха. Кто будет повторять ее по словам литургии, тому оставятся грехи. Если сделают при погребении его трижды сею книгою Печать Соломона, ангелы проведут его в тесные врата и введут пред бога в царствие небесное» [10, с. 363—364].

Как Книга Мертвых, так и «Свиток Оправдания» не имеют строго определенной формы и являются довольно беспорядочным нагромождением различных повествовательных пассажей, молитв и магических формул. Известный русский египтолог и эфиопист Б. А. Тураев писал, что «в этом отношении наше произведение удивительно напоминает египетскую Книгу Мертвых, также представляющую соединение „глав“ самого разнообразного содержания и разнообразного в различных списках количества» [10, с. 375]. Однако кроме структурного сходства эти произведения объединяет и их основная идея. Это идея могущественного «тайного имени бога», знание которого дает власть не только над силами природы, но и над самим богом. Подобные воззрения были присущи многим народам; их выражение можно найти и в ассирийских заклинаниях, где бог Силиг-Мулухи обращается к своему отцу, верховному богу Эа, чтобы тот открыл ему свое «тайное имя» [7, с. 71], и в бесконечных перечнях «сокровенных имен», заполняющих эфиопские магические свитки. Однако именно в Египте вера в могущество «тайного имени бога» оформилась в сложный погребальный обряд и магико-религиозный культ бога Тота, которому приписывается авторство Книги Мертвых.

Это отсутствие идеи воздаяния весьма характерно и для древнеегипетской Книги Мертвых, на связь с которой указывали многие исследователи «Свитка Оправдания»: «Египтянин шел в загробный мир, не столько полагаясь на свою праведность, сколько на свиток пред Осирисом и победу над чудовищами мрака — тексты пирамид и Книгу Мертвых, причем не упускал случая сойти за бога, перечислить его имена и уверить опасные для него существа, что он „знает их, знает и имена их“» [10, с. 378]. И хотя в эфиопском «Свитке Оправдания» прямо о таком «подлоге» не говорится, в уста Иисусу Христу вкладывается обещание, что «верующему в эти имена мои они будут для жизни и спасения».

При сравнении двух сборников заупокойных текстов, древнеегипетского и эфиопского, создается впечатление, что отдельные элементы Книги Мертвых прямо перекочевали в «Свиток Оправдания». Таковы, например, названия некоторых фрагментов «Свитка», таких, как «Молитва от мучения смерти» и «Молитва про-

хождения неба», удивительно напоминающая название одной из «глав» Книги Мертвых — «Изречение открытия отверстия неба Тотом» [14, с. 131]. «Молитва прохождения неба» интересна также и тем, что она обращена непосредственно к Христу, подобно тому как аналогичный пассаж Книги Мертвых обращен к Тоту. Эфиопские «аггелы мрака», упоминающиеся в «Молитве прохождения неба», которые не должны стать «преткновением душе» покойного благодаря «Свитку», соответствуют чудовищным странам Книги Мертвых, а «воротам» древнеегипетского памятника соответствует эфиопский мотив «тесных врат» и «врат жизни и спасения». «Молитвы», входящие в «Свиток Оправдания», написаны от имени его владельца, подобно тому как магические формулы Книги Мертвых вкладывались в уста египетского покойника.

Главной фигурой «Свитка Оправдания» является Иисус Христос. Его роль в этом произведении показательна в том отношении, что он здесь выполняет функцию, аналогичную функции бога Тота в Книге Мертвых. Бог Тот выступает как автор магических формул Книги Мертвых, «владыка» их [9, с. 21]; именно он оказывает непосредственное содействие покойнику в загробном мире [9, с. 31], и он собственными перстами пишет для египтян Книгу Дыхания. В эфиопском «Свитке» Иисус Христос пишет «Свиток» «златою тростью» и называет своим даром. К Христу обращены молитвы владельца «Свитка», в которых содержатся просьбы, чтобы господь помог ему, «когда умру я и когда отделится душа моя от плоти моей». Иисус Христос, подобно Тоту, выступает в роли автора магических формул, защищающих людей от врагов и злых сил на этом и том свете [9, с. 75]. Таинственные имена, сообщаемые людям Иисусом Христом, подобно именам, владыкой которых был Тот, должны служить тем средством, при помощи которого покойный мог преодолеть загробные препятствия. Как Тот осуществляет свою функцию защитника людей по назначению верховного бога Ра [9, с. 49], так и Иисус Христос дает Марии «Свиток Оправдания», испросив предварительно разрешения своего небесного отца. Подобно Тоту, который, по выражению Б. А. Тураева, «как бог-маг вооружает покойного формулой против самого себя как судьи» [9, с. 44], Иисус Христос, несмотря на свое нежелание открыть людям тайные свои имена — верное средство спастись от наказания за грехи («Не скажу я тебе, — объясняет он Марии, — ибо, что сказано одному, переходит к другому, и от другого к третьему, и потом распространится среди всех людей, и они будут грешить и скажут: „Есть у нас, чем мы можем спастись“» [10, с. 362—363]), — все же пишет их и дает людям «Свиток». Отдавая книгу, он обещает, что «если положат покойника с этой книгой, то не умрет он, а будет жив в последний день, день воздаяния и суда, и будет помилован». Таким образом, к Иисусу Христу из «Свитка Оправдания» вполне применимы слова Б. А. Тураева относительно роли Тота в Книге Мертвых: «Бог премудрости и правды... учит покойника формулам, делающим безопасными его судей: знание этих формул и имен судей делает

нравственную чистоту излишней... Его роль милостивого покровителя покойника иногда берет верх над функцией справедливого прототипа египетского чиновника и покровителя точных наук: он позволяет себе перетягивать весы в пользу покойника» [9, с. 52].

Эта роль Иисуса Христа, роль загробного покровителя покойника, определяет и связь «Свитка Оправдания» с погребальным обрядом, подобно тому как с погребальным обрядом была связана Книга Мертвых в древнем Египте. «Свиток», по свидетельству этнографов, погребается вместе с умершим владельцем (им оборачивали покойника с ног до головы таким образом, чтобы он перекрещивался на груди [27, с. 99]). К любопытным результатам приводит и текстологическое сравнение «Свитка Оправдания» с эфиопским погребальным требником — Книгой Погребения (Мацхафе Гэнзет). Не говоря уже о том, что в Книгу Погребения наряду с заупокойными молитвами иногда включают и «молитвы» из «Свитка», они близки и по названию: «Свиток Оправдания» именуется также «книгой жизни и книгой спасения», а погребальный требник называется «книгой, исшедшей из Иерусалима небесного», которая написана «для разрешения грехов, и спасения, и пользы, и жизни душе и плоти». Совпадают и отдельные мотивы обоих произведений, например мотив «богоданности» книги и ее «найденности», свойственный, кстати сказать, и Книге Мертвых, равно как и внимание к «плоти» покойного, заставляющее вспомнить усиленные заботы египтян о сохранении тела погребаемого. Некоторые главы Книги Погребения и «Свитка» не только имеют одинаковое название, но и почти дословно схожи меж собою (например, «Молитва прохождения неба»).

Эта близость эфиопского погребального требника и заупокойного сборника «Свиток Оправдания» дает, по нашему мнению, основание предполагать, что оба эфиопских произведения восходят к общей и, по-видимому, древней идее о существовании некоей написанной богом книги, обладание которой гарантирует владельцу благополучный исход загробного судилища и воскресение из мертвых. Стоит отметить, что эта безусловно египетская по своему происхождению идея (книга, которая служит своеобразным пропуском в рай и охранной грамотой от «аггелов мрака» в загробном мире) не чужда и эфиопскому христианству. В «Анафоре Трехсот», одной из двенадцати анафор Эфиопской церкви, такая книга упоминается при описании божьего престола: «Вокруг престола — 24 иерея, а пред ними — образ агнца, и одеяния, кровью запятнанного, и книги запечатанной» [31]. Если вспомнить, что, по тексту «Свитка Оправдания», Иисус Христос, обращаясь к богу-отцу с просьбой дать ему «Свиток», описывает его следующим образом: «Дай мне Книгу Жизни, которую написал ты рукою твоею святою прежде, чем я родился от Марии, и которая пребывает на колеснице Херувимской на престоле твоём» [10, с. 363], то становится ясно, что и в «Анафоре Трехсот», и в «Свитке Оправдания» речь идет об одной и той же «книге». Эта идея проникла в анафоры Эфиопской церкви, безусловно, через копт-

ское посредство, так как они считаются переводами коптских оригиналов, бóльшая часть которых до нас, к сожалению, не дошла.

Многочисленные имена, те именно, которые и гарантируют царствие небесное владельцу «Свитка Оправдания», немного дают для выявления той цепи памятников, которые связывают древнеегипетский и эфиопский заупокойные сборники. Некоторые из них по своему характеру аналогичны именам Книги Мертвых, «где проявилась во всей силе этимологическая страсть или, вернее сказать, ненасытная потребность аллитераций и игры слов древних египтян, особенно в магических текстах, где на сочетание звуков обращалось преимущественное внимание и смысл оставался нередко неясен даже для самих произносивших» [9, с. 10].

Определить происхождение подобных имен трудно, иногда просто невозможно. Имеем ли мы дело с древнеегипетскими заимствованиями, или здесь сказалась своя, эфиопская страсть к аллитерациям (явлению обычному в мировой магии), вопрос открытый.

Прочие же имена можно разделить на две категории: на восходящие к еврейским или греческим корням. Возможно, последние могут служить указанием на коптское посредство в появлении этого произведения на эфиопской почве, так как они встречаются и в коптской магической литературе.

Сам вопрос о путях проникновения «Свитка Оправдания» в Эфиопию весьма сложен. При всей близости «Свитка» к Книге Мертвых трудно предположить, что эфиопский заупокойный сборник непосредственно восходит к древнеегипетскому. Огромный хронологический разрыв между этими памятниками говорит против подобного предположения. Апокрифическое сказание о том, как дева Мария просила Иисуса Христа за людей, которое составляет эпическую часть «Свитка Оправдания», наводит на мысль о существовании определенного, явно христианского культурного посредничества между рассматриваемыми памятниками. Наиболее вероятным, как нам кажется, следует предположить коптское посредство, так как в коптской среде древнеегипетский заупокойный сборник мог приобрести тот внешний христианский слой, который мы видим в «Свитке Оправдания». Коптское посредство способно объяснить также и тот тиетет со стороны Эфиопской церкви, благодаря которому отдельные пассажи «Свитка» попали в христианский требник «Мацхафе Гэнзет».

К сожалению, коптский прототип «Свитка Оправдания» науке неизвестен. Однако имеются некоторые косвенные данные, на основании которых можно предполагать его существование. В связи с этим хотелось бы обратить внимание читателя на другое произведение эфиопской магической литературы, известное под названием «Парфянской молитвы», под которым его перевод был опубликован Ренэ Бассэ. Один из списков этого памятника имеется и в рукописном собрании ЛО Института востоковедения АН СССР, но под другим названием: «Молитва владычицы нашей Марии, исшедшая из Иерусалима» [19]. Эта «Молитва» и «Свиток» различны как по содержанию, так и по композиции.

зиция «Молитвы» достаточно стройна, чего нельзя сказать о композиции «Свитка»). «Молитва» представляет собою повествование о том, как при помощи многочисленных заклинаний Мария вызывает Иисуса Христа. Увидев торжественный выход своего сына, окруженного ангельским воинством, она лишается чувств, но Иисус поднимает ее, выслушивает многочисленные просьбы о ниспослании благ и милостей тем людям, которые почитают ее, и клянется пространными клятвами, обещая этим людям защиту от болезней и нечистой силы в этом мире и спасение их душам в мире загробном. В отличие от «Свитка» здесь главное внимание уделяется не «сокровенным именам Божиим», а клятвам и обещаниям Христа. Тем не менее некоторые обещания Иисуса Христа сходны с обещаниями, присутствующими в «Свитке Оправдания»: «И все носящие эту молитву будут спасены от всех бедствий, и от страданий, и от болезней тяжких. И если будет у кого болезнь несмертная, подниму я его быстро, в мгновение ока. И если будут у кого грехи, то оставятся они ему. А если будет у кого болезнь смертная, пошлю я ему ангелов света, дабы взяли они его душу в свет, и привели ко мне, дабы не приблизились к нему и не забрали с собою ангелы свирепые. И если воспротивятся ему духи нечистые у входа в третье небо, заступлюсь я за него и буду ему в помощь» (перевод наш).

Однако на этом сходство «Молитвы» со «Свитком Оправдания» и ограничивается. К счастью, нам известен коптский прототип эфиопской «Молитвы» [23]. Этот памятник, будучи не менее своей эфиопской версии строен композиционно, по содержанию стоит гораздо ближе к эпической части «Свитка Оправдания», нежели эфиопская «Молитва». И если нам неизвестен коптский прототип «Свитка», то коптскую «Молитву», опубликованную В. Е. Круммом, можно с полным основанием считать прототипом того апокрифического сказания, которое составило эпическую часть «Свитка Оправдания». Рассматривая древнеегипетскую Книгу Мертвых, коптскую «Молитву» и эфиопский «Свиток Оправдания», можно заметить, что «Свиток» соединяет в себе композицию и назначение древнеегипетского памятника и апокрифический сюжет коптского. Признавая генетическую связь между ними, следует, видимо, рассматривать «Молитву» как «ответвление» от прямой линии заупокойных сборников, утерявшее свою связь с погребальным культом и обрядом, по всей вероятности, еще на коптской почве. Эфиопская же «Молитва» явилась дальнейшим развитием этого коптского сюжета, который в ином своем варианте вошел в «Свиток Оправдания».

Непосредственная же связь между Книгой Мертвых и «Свитком Оправдания» кажется более сложной и интересной. Сама Книга Мертвых уже в древнем Египте представляла собою типичный образец магической литературы: она выполняла роль предохранительного амулета для покойника и, будучи написана на древнем языке, в композиционном отношении являлась набором заговоров и имела исключительно письменную традицию переда-

чи из поколения в поколение. В то же время Книга Мертвых представляла собою промежуточный этап между произведениями магии общественной, которую принято называть «древнеегипетской религией» (и которая, собственно говоря, была религией только в смысле, указанном Эд. Вестермарком [34, с. 145]), и магией индивидуальной, призванной помогать только одному, вполне определенному человеку, чье имя указывалось в амулете. Именно этот индивидуальный характер обеспечил идее заупокойного сборника столь продолжительную будущность, ибо сугубо личные взаимоотношения между покойником и «секретарем загробного судилища» Тотом, на которые полагался древний египтянин, явились предтечей тех также личных отношений между человеком и богом, на которых зиждется любая монотеистическая религия.

Тесная связь Книги Мертвых с погребальным обрядом, имевшим столь большое значение в глазах всех народов для дальнейшей судьбы усопшего, обеспечивала этому произведению древнеегипетской магической литературы широкое распространение и популярность в народе. Эта популярность, видимо, и позволила этому заупокойному сборнику уцелеть в условиях появившегося христианства в Египте, где знакомая идея Страшного суда и божественного заступника не могла остаться незамеченной. Именно в Египте этот сборник должен был приобрести свою христианскую окраску, однако мало затронувшую как главное назначение этого произведения, так и ту функцию божественного заступника, которую прежде выполнял Тот. В дальнейшем мусульманское завоевание Египта положило конец как христианству, так и бытованию христианской магической письменности. Однако упадок христианства в низовьях Нила совпал по времени с широким распространением этой религии у истоков великой реки, где прочно укоренился свой, эфиопский вариант древнего египетского памятника заупокойной магической письменности. Таким образом, Книга Мертвых разделила судьбу папируса, на котором она некогда писалась: оба эти когда-то важные элементы древнеегипетской культуры в настоящее время в живой действительности можно найти только в Эфиопии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаяев Ф. И. О народной поэзии в древне-русской литературе.— Сочинения. Т. 2. СПб., 1910.
2. Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. СПб., 1908.
3. Зелинский Ф. О заговорах.— Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 10. Харьков, 1897.
4. Крачковский И. Ю. Из эфиопской географической литературы.— Христианский Восток. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1912.
5. Крачковский И. Ю. Абиссинский магический свиток из собрания Ф. И. Успенской.— Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических республик. Л., 1928.
6. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973.

7. Миллер Вс. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры.— Русская мысль. Кн. 17. СПб., 1896.
8. Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917.
9. Тураев Б. А. Бог Тот.— Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 46. СПб., 1898.
10. Тураев Б. А. «Свиток Оправдания».— Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 34. СПб., 1909.
11. Тураев Б. А. Коптский пергаментный амулет.— Христианский Восток. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1912.
12. Тураев Б. А. История Древнего Востока. Ч. 1. СПб., 1913.
13. Тураев Б. А. Из эфиопской отреченной литературы.— Христианский Восток. Т. 8. Вып. 1. Пг., 1917.
14. Тураев Б. А. Египетская литература. М., 1920.
15. Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. М.—Л., 1936.
16. Чернецов С. Б. Имена в эфиопских магических свитках.— «Народы Азии и Африки». М., 1973, № 6.
17. Чернецов С. Б. Эфиопская картина собрания МАЭ (№ 2594-14) и легенда о святом Сисинии и Верзилье.— Из культурного наследия народов Америки и Африки. Сборник МАЭ. Т. 31. Л., 1975.
18. Чернецов С. Б. Три магических сюжета по материалам эфиопских рукописных амулетов из собрания МАЭ.— Африканский этнографический сборник X. ТИЭ АН СССР. Т. 103. Л., 1975.
19. «Парфянская молитва». Эфиопская рукопись из собрания ЛО Института востоковедения АН СССР. № Эф. 56.
20. Allatius Leo. De templis Graecorum recentrioribus. Coloniae Agrippinae, 1645.
21. Amin Samir. Le développement inégal. Essai sur les formation sociales du capitalisme périphérique. P., 1973.
22. Budge E. A. W. The Bandlet of Righteousness. L., 1929.
23. Crum W. E. A coptic valimpsest.— Proceedings of the Society of Biblical Archeology. [6. м.], May, 1897.
24. Jäger O. und Reiherwerder A. Äthiopische Zauberroten und ihre Bilder.— Baissler-Archiv. N. F. Bd XIX. B., 1966.
25. Euringer S. Die Binde der Rechtfertigung (Iefata şedeq).— «Orientalia». Uppsala, 1940, № IX.
26. Galtung J. A Structural Theory of Imperialism.— «Journal of Peace Research». N. Y., 1971, vol. 2.
27. Griaule M. Mythes, croyances et coutumes du Begameder (Abyssinie).— «Journal Asiatique». P., 1928, t. 212.
28. Ludolph H. Historia Aethiopica, sive brevis et succincta descriptio Regni Habessinorum, quod vulgo male Presbyteri Iohannis vocatur. Francofurti ad Moenum, 1681.
29. Littmann E. Ard'at The Magic Book of the Disciples.— Journal of the American Oriental Society. Vol. XXV, New Haven, 1904.
30. Marcus H. Motives, Methods and Some Results of the Unification of Ethiopia During the Reign of Menilek II.— Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies. Vol. 1. Addis Ababa, 1966.
31. Qedāsē Salastū Me'et.— Mashāfa Qedāsē. Addis Ababa, 1956.
32. Perruchon J. Les chroniques de Zar's Yā'eqob et de Ba'eda Māryām, rois d'ethiopie de 1434—1478. P., 1893.
33. Ullendorff E. The Ethiopians. An Introduction to Country and People. L., 1960.
34. Westermarck E. Early Beliefs and Their Social Influence. L., 1932.

Б. А. Вальская

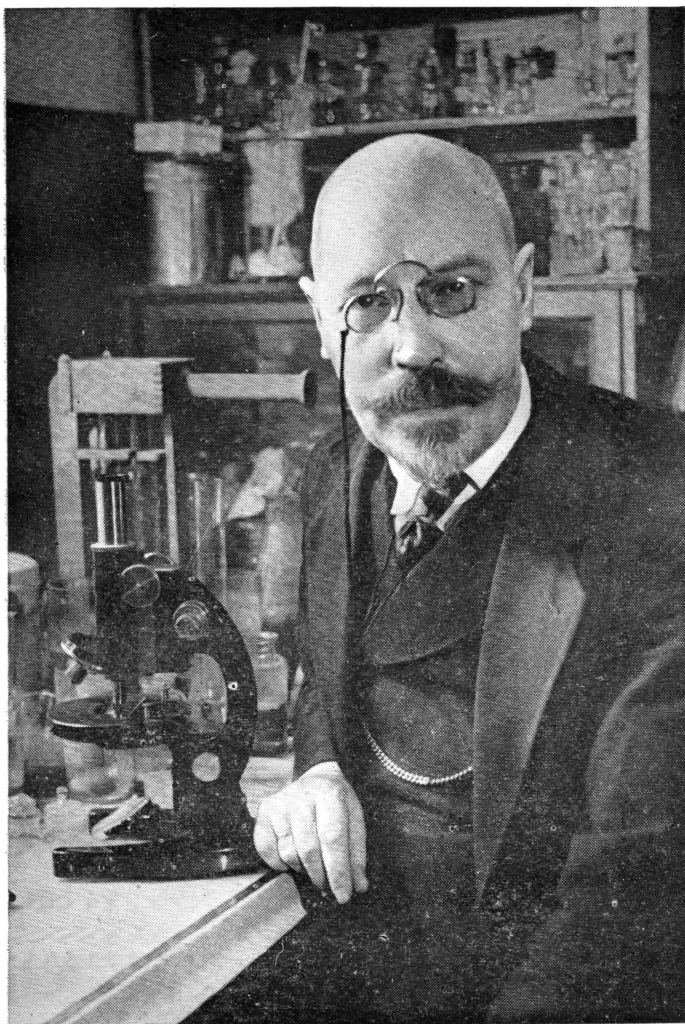
ПУТЕШЕСТВИЕ В. А. ДОГЕЛЯ И И. И. СОКОЛОВА В КЕНИЮ И УГАНДУ В 1914 г.

Наиболее интенсивный период изучения Африки русскими путешественниками начался после основания Русского географического общества в 1845 г. Во второй половине XIX в. члены Общества занимались предварительными обследованиями Африки, определением географических координат и высот, маршрутными съемками, метеорологическими наблюдениями, поисками полезных ископаемых и сбором естественноисторических коллекций, а также изучением населения и хозяйства стран Африки [4].

Члены Русского географического общества занимались исследованием Северной и Северо-Восточной Африки, значительно меньше — изучением Восточной и Центральной Африки, хотя интерес к этим регионам Африканского материка был большой. Еще в 1847 г. акад. К. М. Бэр в особой инструкции просил участника экспедиции Е. П. Ковалевского — Л. С. Ценковского собрать сведения об истоках Нила и племенах Высокой Африки, «о путях, которые ведут в этот край, например: нужно ли переходить высокие горы, чтоб достигнуть их родины, встречаются ли горы, всегда или иногда покрытые снегом, большие озера или обширные равнины». Для детального изучения животного и растительного мира Африки К. М. Бэр передал Л. С. Ценковскому микроскоп. Он просил его привезти портреты туземцев различных племен, «если же это окажется невозможным, по крайней мере, сделать хорошие описания» (цит. по [3, с. 271]).

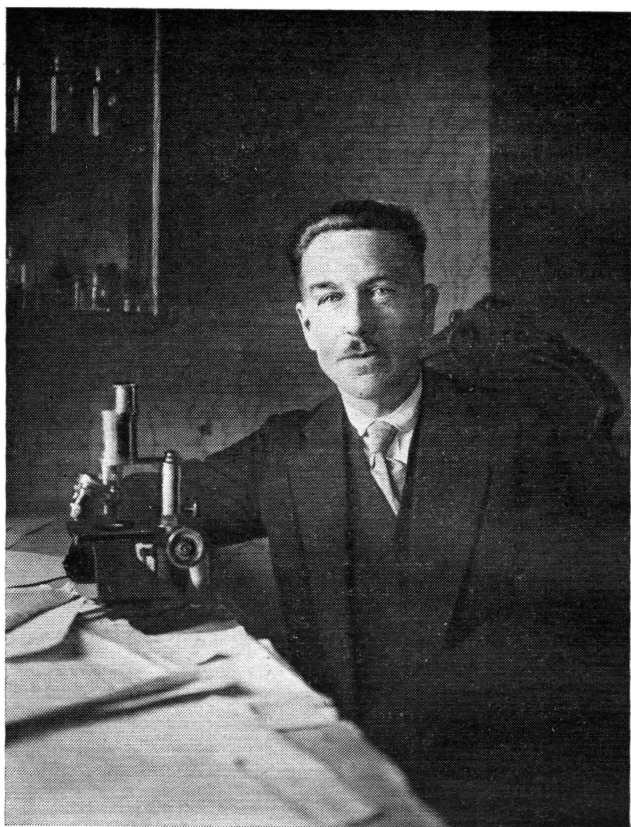
Из русских путешественников в 1886 г. Восточную Африку посетил В. В. Юнкер. В 1888 г. интересное путешествие из Момбасы до Килиманджаро совершили два художника А. А. Чикин и П. Г. Щербов. Результаты этого путешествия не были опубликованы и сохранились только в Архиве Географического общества СССР.

С начала XX в. русские путешественники стали уделять большое внимание изучению животного мира Африки. В это время в зоологии происходил процесс дифференциации науки. Выделились специальные дисциплины, для развития которых необходимы были полевые наблюдения в тех районах мира, где сохранялась богатая и разнообразная фауна. К их числу относились и страны Восточной Африки.

В. А. Догель

В 1911 г. изучением животного мира Восточной Африки занимался З. Ф. Сватош, командированный Зоологическим музеем Академии наук с охотничьей экспедицией А. К. Горчакова для сбора коллекций по маршруту Момбаса — Найроби [18], а также С. В. Аверинцев. Весной 1912 г. интересное путешествие из Момбасы на оз. Виктория совершил В. Н. Никитин [16]. В 1912—1914 гг. исследованием животного мира этого озера, а также северной части Танганьики занимался В. В. Троицкий [21]. В апреле 1914 г., вскоре после окончания путешествия В. В. Троицко-

И. И. Соколов

го, в Восточную Африку (современные Кению и Уганду) отправилась новая зоологическая экспедиция — в составе В. А. Догеля (1882—1955) и И. И. Соколова (1885—1972).

Восточная Африка привлекала путешественников своеобразием природных условий. Различия в рельефе, температуре и в количестве выпадаемых на этой территории осадков привели к образованию разных типов растительности, приспособленных к засушливому и увлажненному климату. С этими природными особенностями Восточной Африки связано и исключительное богатство фауны, для изучения которой В. А. Догель и И. И. Соколов организовали экспедицию.

Валентин Александрович Догель в 1904 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где его отец, выдающийся ученый Александр Станиславович Догель, в то время возглавлял кафедру анатомии и гистологии. После окончания университета В. А. Догель был оставлен на кафедре зоологии беспозвоночных для подготовки к профессорскому званию. В 1910 г. он защитил магистерскую диссертацию, а в 1913 г.,

после защиты докторской диссертации, получил звание профессора и кафедру зоологии беспозвоночных, которую ранее занимал его учитель В. Т. Шевяков — основатель русской школы протистологов.

Еще до окончания университета В. А. Догель перевел на русский язык книгу известного немецкого ученого Э. Геккеля «Красота форм в природе» [6] и труд Ф. Борезиуса «Бабочки Европы» [2]. В 1902 г. он занимался изучением животного мира океанов на морских биологических станциях Италии, Англии и Норвегии, в 1908 г. изучал коралловые рифы Красного моря на юге Синайского полуострова, в г. Тор [11]. До экспедиции в Восточную Африку он опубликовал около 20 печатных работ о простейших животных [7].

Иван Иванович Соколов после окончания в 1909 г. естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета был оставлен в качестве ассистента в лаборатории В. Т. Шевякова. В 1910 г. он проходил стажировку в Гейдельбергском университете под руководством О. Бючли, в 1911 г. изучал жизнь морских животных на биологической станции в Неаполе и Вилла-Франке. До экспедиции в Африку И. И. Соколов опубликовал около 10 работ по сравнительной анатомии и филогенезу животных.

Необходимо отметить, что в трудах по истории исследования Африки научные результаты экспедиции В. А. Догеля и И. И. Соколова освещены недостаточно. Для написания этой статьи кроме печатных источников и архивных документов, хранящихся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, использован неопубликованный дневник путешествия в Восточную Африку И. И. Соколова, любезно предоставленный автору В. С. и О. И. Соколовыми (вдовой и дочерью путешественника).

В. А. Догель писал, что целью зоологической экспедиции в Восточную Африку было исследование сухопутной фауны. «Особенное внимание свое,— подчеркивал он,— мы решили обратить на представителей низших групп животного царства, которое большинством других научных экспедиций затрагивались лишь поверхностно» [12, с. 1].

В начале XX в. большое теоретическое и практическое значение приобрела наука о простейших животных — протистология. Особое внимание ученых привлекли паразитические простейшие: малярийный плазмодий, трипаномы, паразитические простейшие из кишечника термитов, инфузории из кишечного тракта травоядных копытных и другие простейшие, оказывающие патогенное воздействие на человека и промысловых животных. Большая зависимость простейших от окружающей среды вызвала необходимость организации детальных полевых биогеографических исследований. Молодые естествоиспытатели-натуралисты В. А. Догель и И. И. Соколов были хорошо подготовлены для выполнения этой задачи и для комплексного изучения природы и населения Восточной Африки.

5 апреля (н. ст.) 1914 г. В. А. Догель и И. И. Соколов выехали из Петербурга. На вокзале их провожало около 40 человек. Они отправились по железной дороге к Средиземному морю через Берлин, Лион и Марсель, в Берлине посетили Зимний сад и Зоологический музей, в Марселе закупили «разные тропические вещи» и осмотрели Музей искусства и Зоологический сад.

12 апреля из Марселя они выехали в Момбасу на немецком пароходе «Фельдмаршал» водоизмещением 6,5 тыс. т. Догель писал, что команда парохода представляла «удивительную смесь

национальностей. Большинство, конечно, немцы, но половина кочегаров — негры и арабы, а прачками служат несколько китайцев» [28, л. 208].

14 апреля прибыли в Неаполь, где встретились с директором Зоологической станции Рейнхардом Дорном, сыном основателя этой станции, известного ученого Антона Дорна; беседовали также с проф. А. А. Коротневым, заведующим Русской зоологической станцией, которая находилась в Вилла-Франке, недалеко от Ниццы, в здании, принадлежащем морскому министерству.

Из Неаполя «Фельдмаршал» направился в восточную часть Средиземного моря. В пути В. А. Догель и И. И. Соколов усиленно занимались изучением языка суахили и историей исследования Восточной Африки, разбирали руководство по фотографированию.

18 апреля прибыли в Порт-Саид, откуда по Суэцкому каналу и Красному морю направились в Аден. «По обеим сторонам канала,— писал И. И. Соколов в дневнике,— тянулась неприглядная, почти вовсе лишенная растительности пустыня. Время от времени проплывали мимо станций на канале. На каждой такой станции выстроено несколько изящных домиков с красной крышей и круговой верандой. Вокруг насажены деревца: акаций, тамариски, 2—3 финик[овые] пальмы, и иногда особые деревья, пока еще без листьев, но с замечательно красивыми большими ярко-красными цветами» (л. 8).

Ночью 24 апреля прибыли в Аден. На путешественников город произвел большое впечатление. И. И. Соколов в дневнике, а В. А. Догель в письмах к родным дают его подробное описание. «Голые, причудливой формы скалы», среди которых расположен город, напомнили И. И. Соколову Мурман. В. А. Догель в письме к родным писал, что в Адене они пробыли 10 часов и основательно осмотрели его: «окрестности замечательно красивы и своеобразны, но полное отсутствие пресной воды делает природу безотрадней. Вся пресная вода дистиллируется из морской, а вода для поливки тощей земли собирается в дождливое время в громадные цистерны, чуть ли еще не с Римских времен и оттуда распределяется» [28, с. 216].

Город Аден занимает уникальное географическое положение: центр его расположен в кратере потухшего вулкана. Письмо В. А. Догеля к родным помогает уяснить природное окружение этого города. «Весь полуостров Аденский,— писал В. А. Догель,— состоит из фантастически исковерканных вулканических горных масс, которые нагромождены друг на друга в самом хаотическом беспорядке. Цвет гор темно-бурый, местами почти красный, что придает картине какую-то особенную мрачность. И притом все склоны абсолютно голы: ни одного деревца, ни одной травинки. Только там, где есть искусственное орошение, прозябает жалкая растительность. Одним словом, природа вроде мурманской, только суровость ее вызывается здесь иными причинами» [28, л. 216—217].

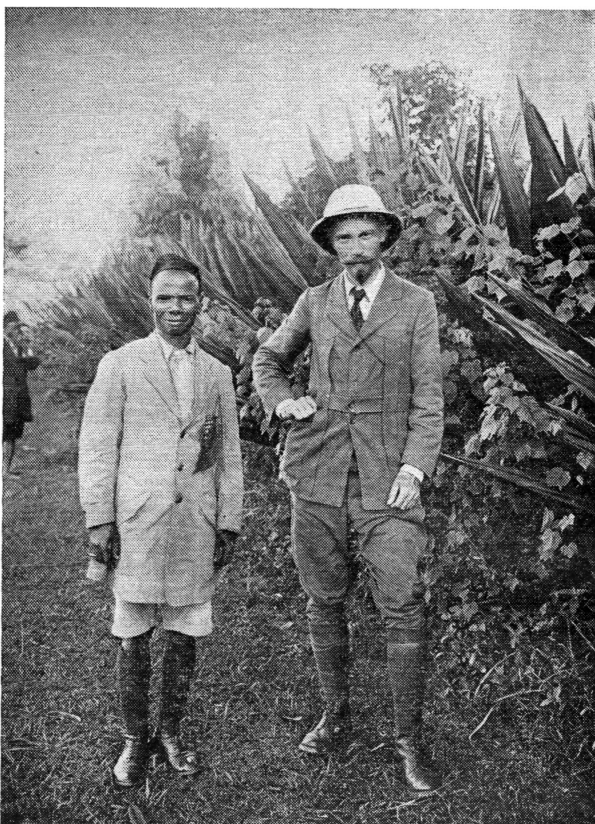
Из Адена без остановок шли через Аденский залив и Индийский океан прямо к Момбасе и достигли ее 30 апреля 1914 г., через 18 дней после выхода из Марселя, пройдя более 8 тыс. км. Подробное описание Момбасы В. А. Догель дает в книге «Натуралист в Восточной Африке» [12]. Город расположен на небольшом острове. Залив, отделяющий остров от континента, служит для Момбасы портом. Город расположен в двух верстах от порта.

Описание природы Кении В. А. Догель начинает с описания узкой и низкой прибрежной полосы, тянущейся с севера на юг. «Лишь только пароход обогнет белеющий у входа в пролив коралловый риф и проникнет в самый канал, как путешественника сразу охватывает впечатление пышной тропической природы. Вместо прохлады и свежести открытого океана, попадаешь в нагретый и застоявшийся среди лесистых берегов оранжерейный воздух. На берегу взгляд тотчас же приковывается к группам массивных, почти безлиственных баобабов, покрытых вздутиями, опухольями, словно больных водянкой. С ними чередуются целые рощи высоких кокосовых пальм, с красиво, даже манерно изогнутыми стволами. Там и сям густая и сочная зелень манговых деревьев и бананов резко контрастирует с желтовато-зелеными пальмами и серыми громадами баобабов. Баобабы, кокосовые пальмы и манго — растения, наиболее характерные для береговой полосы Восточной Африки; они нигде не отходят от берега дальше чем на несколько десятков верст» [12, с. 2—3]. Ближе к воде видны были мангровые заросли.

В. А. Догель кратко останавливается на истории Момбасы, города, основанного в XI в. В XVI в. островом, на котором расположен город, овладели португальцы и в самом центре его построили замок, «благочестиво назвав его фортом Иисуса». Этот форт был свидетелем жестоких схваток; он не раз переходил от португальцев к арабам и обратно, пока арабы окончательно не овладели им в 1729 г. Наконец, через сто пятьдесят лет остров попал под власть англичан.

Сравнивая английские владения на севере, юге и востоке Африки, В. А. Догель пришел к выводу, что Британская Восточная Африка «наиболее молодая, а вместе с тем и наименее измененная культурой колония Англии; владычеству англичан здесь нет еще и 30 лет» [12, с. 1].

1 мая 1914 г. В. А. Догель и И. И. Соколов осматривали африканскую часть города. Туземцы суахили «настолько новое для меня явление,— писал И. И. Соколов,— что я просто не знаю, на что обращать свое внимание, на их лица, на наряды ли, на украшения, на манеру держать себя?». Бросалось в глаза разнообразие одежды, украшений и причесок. У некоторых мужчин вся одежда состояла из платка «вокруг бедер, наподобие юбки», а у женщин — платка «вокруг бедер» и платка «выше грудей». У большинства мужчин и многих женщин были «изуродованы уши: в мочке,— писал в дневнике И. И. Соколов,— постепенно продельвается отверстие, в которое вставляются палочки, дере-

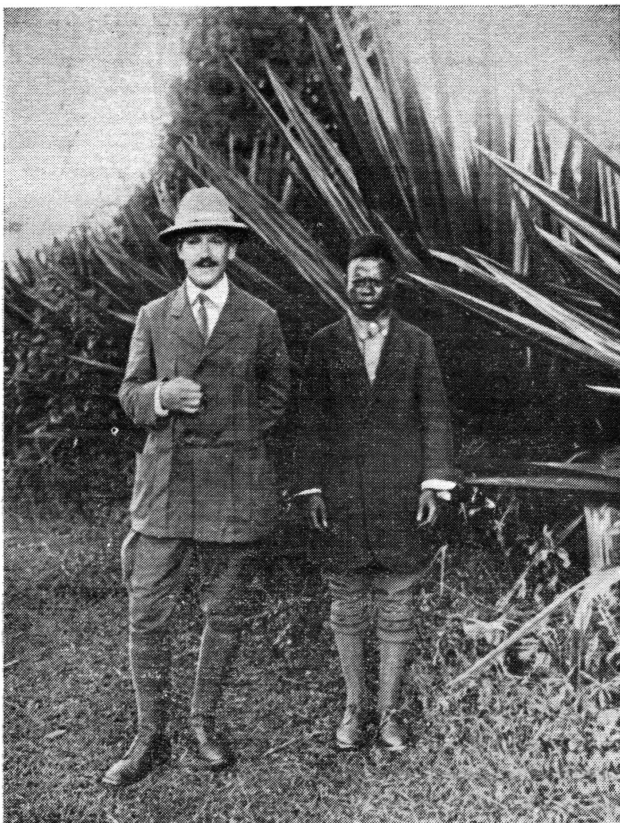

В. А. Догель с одним из своих африканских помощников
Малингуму

вянные цилиндрики или диски, по периферии изукрашенные словно бусами». У мужчин и женщин голова или совсем выбривалась, или была покрыта островками волос. У некоторых женщин были заплетены мелкие косички (л. 14).

И. И. Соколов отмечает, что белое меньшинство занимало в Момбасе «наиболее важные посты» и владело «самыми крупными коммерческими предприятиями». В руках индийцев и гоанезов находилась «бóльшая часть торговли». Они также занимали «места различных чиновников» [20, с. 27]. Коренные жители — суахили и арабы — были бесправны.

Из Момбасы по Угандийской железной дороге В. А. Догель и И. И. Соколов отправились в Найроби. В. А. Догель дает подробное описание этой дороги. Для ее строительства англичане завезли из Индии 20 тыс. землекопов, которые работали в тяжелых условиях, подвергаясь опасности со стороны диких зверей.

И. И. Соколов с одним из своих африканских помощников Сулейманом

Угандийская железная дорога была узкоколейной, шпалы прокладывались чугунные: деревянные были бы уничтожены термитами. Эта дорога, писал В. А. Догель, позволила «европейским товарам сравнительно легко проникать в самое сердце Африки» [14, с. 11]. В 1912 г. по ней было перевезено 440 тыс. пассажиров и 7 млн. пудов груза.

От Момбасы железная дорога идет по прибрежной низменности, где выпадает много осадков (700—1200 мм в год), потом дорога постепенно идет в гору, поднимаясь на 500—1000 м и более. Здесь количество осадков резко уменьшается, достигая 500—250 мм в год. После парковой растительности береговой полосы «ландшафт резко меняется, и местность,— писал И. И. Соколов,— начинает принимать все более пустынный характер. Теперь преобладает колючий кустарник, различные акации, и появляются зуфорбии, или гигантские молочаи с мясистым стволом и такими

же ветвями, усаженными длинными колючками, которые придают им сходство с кактусами. Повсюду возвышаются термитники — высокие, конической формы постройки белых муравьев, выделяющиеся своей кирпичной красной краской, такой же, как и латеритовая почва, из которой они сделаны» [20, с. 28—29].

Начиная от станции Цаво, железная дорога проходит через огромный заповедник, который дал возможность сохранить «многие редкие виды животных от окончательного истребления». Заповедник расположен на засушливой равнине, непригодной для обработки из-за отсутствия орошения. «Искусно рекламируемое богатство дичи,— отмечал В. А. Догель,— является одной из главных приманок для многочисленных туристов и спортсменов, которые приносят стране очень большой доход своим пребыванием в ней (свыше одного миллиона рублей в год)» [12, с. 12].

В. А. Догель пишет о поразительном изобилии крупных животных, встречающихся по пути следования поезда. «Около шести часов сряду поезд идет как бы через непрерывный зоологический сад. По сторонам от дороги, иногда в 100—200 шагах от рельсов, пасутся стада изящных газелей, несуразных длинномордых антилоп-конгоны, пестрых зебр. Порою животные продолжают спокойно щипать траву, порою же пугливо озираются в сторону поезда и бросаются прочь большими прыжками» [12, с. 14].

Из окна вагона можно было увидеть антилоп-гну (напоминающих буйволов), страусов, жирафов, шакалов, а иногда и львов. «Можно без преувеличения сказать,— писал В. А. Догель,— что Восточная Африка в настоящее время является единственной страной, где крупный зверь водится еще в таком количестве и разнообразии и где он притом так легко доступен для наблюдения и охоты» [12, с. 18].

2 мая 1914 г. прибыли в Найроби — столицу Британской Восточной Африки, где находилась и резиденция английского губернатора. Город был основан в конце XIX в., в период строительства Угандийской железной дороги. И. И. Соколов пишет, что еще в 1909 г. «лев разгуливал по главной улице Найроби», а когда город посетили русские путешественники, там уже были построены роскошные европейские магазины, театр, гостиницы и другие здания. Дома были выстроены из гофрированной жести, камня, улицы обсажены эвкалиптами, завезенными из Австралии.

В письме В. А. Догеля к родным дана подробная характеристика города: «Дома расположены далеко друг от друга, разделены лужайками или пустырями. Зелени не очень свежей, очень много. В садах культивируются многие наши цветы, напр[имер] роза; но тут же вы встретите и гранаты и бананы. Все виденное я тщательно ежедневно записываю, чтобы поездка не пропала даром» [28, л. 219]. К сожалению, дневник В. А. Догеля не сохранился.

И. И. Соколов в своем дневнике записал, что в первый день приезда в Найроби они осматривали окрестности города и приступили к сбору насекомых. 4 мая русские путешественники посетили

владельцев фирмы, организовавшей путешествие по стране. Для сбора насекомых им было предложено на выбор три маршрута: на крупнейшую реку Тана, впадающую в Индийский океан, к горе Кении, расположенной на высоте свыше 5 тыс. м, и на оз. Баринго, находящееся на дне рифтовой долины на высоте 975 м.

Следующий визит был к английскому чиновнику Вудгаузу, ведающему вопросами охраны животных и охотой. Вудгауз советовал от станции Вои отправиться в Тавету и далее идти на оз. Джибе, в места «хоть и не очень здоровые, но мало исследованные», где есть различные «формации: степь, кустарник, лес». Можно было отправиться в Энтеббе... на берегу оз. Виктория, здесь дожди шли «всего между 2 и 4 час[ами] дня» (л. 18).

В тот же день В. А. Догель и И. И. Соколов посетили английского путешественника, исследователя Африки Э. О. Грогана, пересекшего вместе с А. Шарпом в 1898—1900 гг. Африку от Кейптауна до Каира. Э. С. Гроган был крупным земельным собственником и имел «земли чуть ли не во всех уголках колонии». Майор Гроган предложил русским путешественникам другой маршрут: ехать на оз. Виктория (в Энтеббе и Джинджу), далее отправиться в Мабирский лес, расположенный к северу от Виктории, затем арендовать вагон на Угандийской железной дороге, в котором можно было бы жить и работать, и посетить оз. Найваша, г. Моло, потом через Вои проехать в Тавету и Моши и закончить путешествие восхождением на Килиманджаро.

Этот маршрут был принят. В письме к родным В. А. Догель писал, что их путь лежит сначала в Энтеббе, «на Виктории-Нианца, и оттуда [мы] будем постепенно возвращаться к берегу» [28, л. 219]. Маршрут был составлен таким образом, чтобы по возможности познакомиться с рядом различных фаунистических и флористических областей Восточной Африки.

В течение недели усиленно готовились к путешествию в Энтеббе. Наняли двух слуг — Сулеймана и Малингуму. «На что они нам и что мы с ними будем делать,— писал И. И. Соколов,— мы оба не знаем». Русские путешественники были очень внимательны к своим африканским помощникам, оказывали им медицинскую помощь.

9 мая по железной дороге отправились из Найроби в Энтеббе. «На запад от Nairobi,— записал И. И. Соколов в дневнике,— идет плодородная страна, населенная кикуюю. Всюду видны хижины, построенные из деревянных брусьев, воткнутых кругом в землю, иногда смазанные глиной, иногда нет, и крытые сверху соломой. Из верха крыши торчит плетень, которая, вероятно, служит главным ее устоем. Кругом возделанные поля с кукурузой, просо; в оврагах, где побольше влаги,— бананы. Деревья встречаются одиноко, и на их сучьях почти всегда подвешены особые ульи в виде длинного бочонка» (л. 22).

В. А. Догель и И. И. Соколов подробно описали самый многочисленный народ Кении — кикуюю, говорящий на языке банту. И. И. Соколов нашел черты сходства между «плодородной стра-

ной, населенной кикуюю», и Украиной. «Благодаря своим хижинам с соломенными крышами и общему степному характеру,— писал он,— местность чрезвычайно напоминает Малороссию. Многочисленные стада дополняют картину» (л. 22).

На пути из Найроби в Энтеббе В. А. Догель и И. И. Соколов обратили внимание на два характерных ландшафта Восточной Кении: влажный горный лес хребта Лайкипия и Восточный рифт. По сравнению с Найроби Лайкипия, писал В. А. Догель, «царство влажности и относительного холода». Склоны и вершины хребта покрыты «мрачными, девственными лесами, имеющими совершенно особый характер высокогорного леса. Деревья увешаны коматыми седыми лишайниками, мотающимися по ветру, словно бороды, стволы одеты слоем густого зеленого мха, с каждой ветки, с каждого пучка лишаяев капает тяжелыми каплями вода. Зелень темная, густая, стволы многих деревьев искривлены, точно в судорогах; от ручьев, спускающихся каскадами по дну ущелий, поднимается, клубясь, туман. Словом, общее впечатление могу- чее, но безотраднее» [12, с. 29].

В. А. Догель подробно описывает главное дерево этого леса — гигантский можжевельник (*Juniperus*), который вырубался в большом количестве и под названием «кедра» использовался на строительстве. В ущельях и низинах рос бамбуковый лес, производивший особое впечатление «изобилием прямых линий: изящные, вытянутые в стрелку стволы бамбука, пересекаясь под разными углами, образуют густую решетку, обрисованную исключительно прямыми линиями» [12, с. 29].

Уступ тектонической рифтовой долины, пересекающей с севера на юг Кению, И. И. Соколов заметил, не доезжая до станции Эскарпмент. «Глазам,— записал он в дневнике,— вдруг открывается фантастический вид на Great Rift Valley — вид, который навсегда останется у меня в памяти. Долина эта виднеется на громадное пространство по направлению к югу. С запада она ограничивается цепью высоких гор, которые составляют в западную стену. Сама же долина лежит на глубине около одного километра и представляется в виде далекого моря» (л. 22). Переехав засушливую и безлесную рифтовую долину шириной 30—50 км, поезд медленно поднялся на хребет Нанди, представляющий «собой точную копию хребта Лайкипия» [12, с. 28].

Рано утром 10 мая 1914 г. В. А. Догель и И. И. Соколов были уже на берегу оз. Виктория в Кисуму. Здесь они пересели на пароход «Клемент Хилл» и отправились вдоль северного берега озера на запад, по направлению к Энтеббе. Прошли самый большой залив озера — Кавирондо, воды которого отличались «мутным, буровато-коричневым цветом». На озере было много плавучих островов с «папирусом, тростником и другими травами». И. И. Соколов зарисовал острова, состоящие из голых причудливых гладкоокатанных скал, «камни-столы» на островах и ныряющих птиц.

Ночью из-за отсутствия маяков пароход встал на якорь. Утром

начался сильный дождь со смерчем, который «в виде серого языка спускался косо вниз». Недалеко от Энтеббе видны были острова, покрытые густой тропической растительностью, здесь водилась муха цеце (*Glossina Palpalis*).

11 мая прибыли в Энтеббе, расположенный в восточной части полуострова, омываемого водами оз. Виктория. Энтеббе в то время был столицей Уганды, второй по величине провинции Британской Восточной Африки. Здесь находились дом английского губернатора и все колониальные учреждения. На юге города располагалась католическая миссия. На север тянулась дорога на Кампалу и видны были хижины африканцев и банановые плантации.

И. И. Соколов указывает, что население Уганды в то время составляло 3—4 млн. человек, в том числе 400 белых. В Энтеббе проживало всего 100 белых. «Если уже Найроби трудно было назвать настоящим городом,— писал В. А. Догель,— то еще менее подходит подобное название к Энтеббе. Это скорее группа разбросанных среди садов и рощиц вилл, приютившихся на скате пологого холма и смотрящих своими окнами прямо на голубую гладь озера, с тонущими в ней изумрудно-зелеными островками архипелага Сессе» [12, с. 33].

В. А. Догель и И. И. Соколов посетили научные учреждения Энтеббе — Ботанический сад и Энтомологическую лабораторию. Заведующий Ботаническим садом разрешил русским путешественникам собирать там все, что они захотят. Энтомолог Гоуди (*Gowdey*) помог им ознакомиться с тропической фауной. Затем был нанесен визит губернатору Уганды Ф. И. Джексону, который считался хорошим орнитологом. Губернатор дал В. А. Догелю и И. И. Соколову разрешение на право охоты в черте города, в том числе и на птиц (исключая редких). Здесь же, в Энтеббе, путешественники встретились с управляющим Мабирской каучуковой компанией Д. Мартином и договорились относительно поездки в Мабирский лес с целью изучать животный мир, и в особенности паразитических простейших и червей, находящихся в организмах других животных.

14 мая В. А. Догель писал родным в Петербург: «Я уже 4-й день в Энтеббе на озере Виктория-Нианца. Место это производит покамест чарующее впечатление. Мы живем в отеле, который расположен на высоком холме, прямо над озером, так что впечатление такое, будто находишься на берегу моря (озеро так велико) с расположенными на нем островами. Отель находится в большом заброшенном саду, а этот сад непосредственно переходит в правительственный ботанический сад... Этот сад представляет собою отличное и близкое место для коллектирования. Работать очень удобно. Весь отель окружен широкой верандой, и целый угол этой веранды нам предоставлен. Получили мы и маленький квадратный стол; на нем расставили все свое хозяйство. Таким образом, работать приятнее, чем в Неаполе, ибо сидишь прямо на вольном воздухе, на веранде. Хваленая тропическая жара до сих пор нас еще не донимала» [28, л. 221].

В. А. Догель подробно описывает природу низменной, прибрежной части Уганды. «После Найроби,— замечает он,— природа Энтеббе поражает своею пышностью и чисто тропическим отпечатком... Отдельные леса Уганды представляют собой как бы выбежавшие далеко на восток отроги великого леса Центральной Африки» [12, с. 35].

Путешественник обратил внимание на рощи финиковых пальм, фикусы огромных размеров и на дерево из семейства пасленовых, «родича нашего картофеля». Все они отличались от деревьев Европейского континента не только способом расположения листьев, но и большими размерами. «Наблюдая флору тропиков,— писал он,— на каждом шагу убеждаешься в том, как постепенно уменьшаются размеры многих близких между собой растительных форм по мере перехода от экватора в более северные широты» [12, с. 36].

Характерной чертой угандийского ландшафта В. А. Догель считал гнезда термитов или термитники в виде холмов, холмиков или других форм термитных построек. Он подробно описывает жизнь этих насекомых. Путешественник обратил внимание на обилие и разнообразие форм насекомых в Энтеббе, но главное внимание уделил описанию вредных насекомых, и прежде всего мухи цеце.

Сонная болезнь, распространяемая мухой, указывает В. А. Догель, стала «настоящим бичом Уганды». Она была занесена сюда из Западной Африки и «приняла угрожающие размеры» всего лет пятнадцать назад. «В какой-нибудь десяток лет сонная болезнь погубила несколько сот тысяч человек. Некоторые поселения вымерли поголовно» [12, с. 40]. Специальные научные экспедиции, исследовавшие сонную болезнь в начале XX в., не нашли надежных средств против мухи цеце.

Второе вредное насекомое, распространенное на территории Уганды,— комар из рода *Anopheles*, называемый также москитом. Он распространяет в низменных частях Восточной Африки малярию. В. А. Догель пишет, что «больше половины смертей европейских переселенцев приходится на долю малярии или на видоизмененную форму ее — „лихорадку черной воды“» [12, с. 41].

Третьим неприятным насекомым, распространенным на угандийской территории, В. А. Догель считал комарика из семейства *Chironomidae*, нашествия которого повторялись каждый месяц в строго определенные дни. Мириады этих насекомых пожирались ящерицами-гекконами и птицами, которых в Энтеббе было очень много. Во время пребывания в Энтеббе В. А. Догель и И. И. Соколов при содействии местных жителей собрали большую коллекцию птиц для набивки чучел и исследования паразитов, а также млекопитающих и насекомых.

14 мая при содействии энтомолога Гоуди русские путешественники посетили католическую миссию в Энтеббе, где получили возможность заняться вскрытием рыб. У некоторых рыб им удалось обнаружить паразитов.

Попутно с исследованием животного и растительного мира Уганды русские путешественники занимались изучением населения этой страны. О коренных жителях И. И. Соколов записал в дневнике: «У них довольно благообразные, серьезные лица и очень темный цвет кожи... Часто видишь женскую фигуру, несущую сосуд с водой на голове» (л. 27). Он зарисовал хижины местных жителей, лодку, выдолбленную из одного куска дерева, сделал набросок музыкального инструмента «вроде лиры», на котором играли местные жители.

23 мая в дневнике И. И. Соколова появились заметки о племени баганда. «У старых мужчин,— писал он,— бороды и довольно благообразный вид. Не будь они черного цвета, они очень бы походили на наших мужичков. К тому же они не носят никаких украшений и не уродуют себя» (л. 33).

29 мая русские путешественники посетили деревню нубийцев. И. И. Соколов сделал зарисовки и фотографии их хижин с коническими крышами. Одежда женщин состояла из одного платка вокруг бедер, а прически их в виде мелких косичек были похожи на сухильские.

1 июня 1914 г. В. А. Догель и И. И. Соколов на «Клементе Хилле» отправились из Энтеббе в Кампалу-Порт, расположенную на северном берегу оз. Виктория. Дорога шла мимо строящегося участка Угандийской железной дороги и селений племени баганда с насаждениями бананов и кукурузы. Кругом видны были финиковые пальмы, а ближе к Кампале появились заросли папируса. Большую часть грузов по дороге везли африканцы, запряженные в телеги, реже вола (зебу). Пассажиров перевозили рикши. «Вообще,— записал И. И. Соколов в дневнике,— надо удивляться их легким и сердцу, их выносливости» (л. 41).

«Сама Кампала — большое селение, расположенное, подобно Риму и Иерусалиму, на 7-ми холмах. Главный холм, но не самый высокий занят европейцами (Governments Hill), на другом — резиденция короля (Kings Hill), на 3-м — христианская миссия, на 4-м — здание музея с вещами туземцев и будущий естественно-исторический. Этот холм наименее здоров в смысле малярии. На остальных холмах находится Сиамская миссия» (л. 41).

Королем Уганды в 1914 г. был Дауди Чва, получивший образование в Англии. И. И. Соколов писал, что он «никакой политической роли не играет и страной фактически правят англичане, выдавая ему 1500 фунт. стерл., что составляет его годовой бюджет» [15, с. 20].

В 1890 г., в период правления отца Дауди Чва — кабака Мванга, по Гельголандскому соглашению, заключенному между Германией и Англией, территория Уганды попала в сферу английского влияния и в 1894 г. была объявлена протекторатом Англии.

В. А. Догель писал, что «горсточка белых, поддерживаемая одним батальоном черных солдат-нубийцев, повелевает и правит всей страной» [12, с. 51]. Касаясь недавней истории страны, он сообщает, что в 80-х годах XIX в. Уганда «управлялась королем

с советом старейшин» и была поделена на округа. Местные жители одевались в длинные тоги, изготовленные из коры фикуса, и во всех своих изделиях и обработке земли «обнаруживали большое искусство». Главными пищевыми продуктами населения были бананы двадцати различных сортов и величин.

2 июня 1914 г. русские путешественники на том же пароходе отправились в другой порт Уганды — Джинджу, — расположенный в узком заливе на северном берегу оз. Виктория, в том месте, где находится исток р. Виктория-Нил. Вот что по этому поводу сообщил В. А. Догель родным в Петербург: «Пишу с парохода, который везет нас из Entebbe в другой пункт по побережью Виктория-Нианцы, а именно в Jinja, откуда надеемся на моторе добраться верст за 40, в Мабирский лес, где и остановимся. Таким образом первая глава нашего путешествия — Entebbe — закончена. Я очень доволен пребыванием там. И собрано порядочно, кроме того, можно было видеть несколько типичных тропических ландшафтов. Так, напр[имер], тропический лес, заросли гигантской Elefantengrass, чащу папируса, пейзажи с термитником, к[ото]рые целыми десятками торчат повсюду, и мн. др. Настрелял и исследовал много птиц» [28, л. 226]. В конце письма путешественник написал, что часть шкурок птиц он отправил в Зоологический кабинет Петербургского университета.

3 июня 1914 г. прибыли в Джинджу. От пристани начинается главная дорога, вдоль которой, как пишет И. И. Соколов, выстроены «наиболее важные здания и лавки индусов. Дальше идут дома туземцев, густо обсаженные бананами и кукурузой». По приезде в Джинджу сразу отправились на Рипонские водопады, расположенные у выхода Нила из оз. Виктория. Еще за полкилометра до первого порога, в самом озере, видны были три небольшие скалы, которые тянулись поперек р. Виктория-Нил. Скалы причудливой формы, покрыты гуано, на них много бакланов и других птиц. У второго порога местные жители устроили заграждение из камней и ловили рыбу. «Они, — писал И. И. Соколов, — были лишены какой бы то ни было одежды». Путешественник сделал несколько рисунков и снимков Рипонских водопадов.

В письме к родным В. А. Догель писал, что Джинджа известна тем, что вблизи нее берет начало Нил, низвергающийся «из озера Рипонским водопадом... Водопад в каких-нибудь 15 км ходьбы от пристани, так что мы немедленно его осмотрели. Место, бесспорно, красивое, но по мощности водопад не лучше некоторых лапландских. Разница только в том, что близ камней у самого берега видишь крокодилов, а с прибрежных ветвей свешиваются десятки гнезд ткачиков» [28, л. 223].

Недалеко от Рипонских водопадов на столбе висело обращение к путешественникам, содержащее просьбу «не стрелять гиппопотамов, по крайней мере у самого водопада». В. А. Догель пишет, что гиппопотамов обнаружить не удалось, а крокодилы лежали на маленьких островках «во множестве, лежали неподвиж-

но, как бревна, с широко разинутой пастью и грелись на солнце» [12, с. 55].

Из Джинджи путешественники направились на север, в центр Мабирского леса, где находились плантации каучука. Для изучения девственного тропического леса управляющий плантациями каучука Д. Мартин за соответствующую плату предоставил им особый коттедж с сараем.

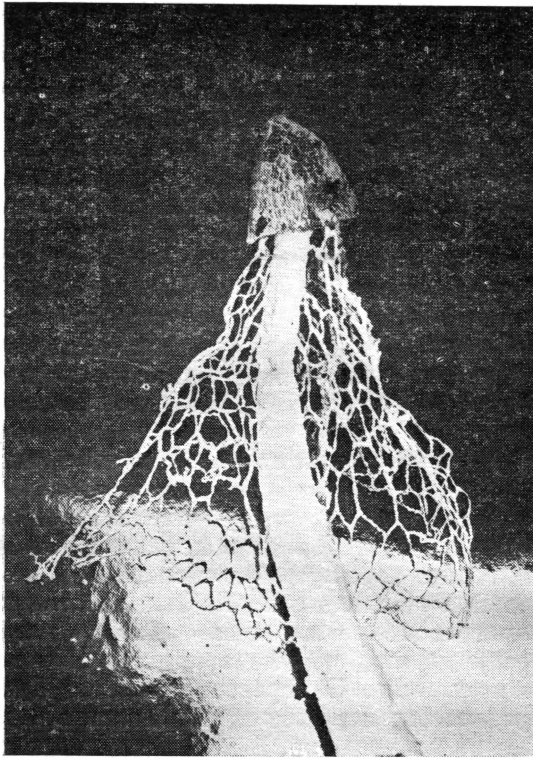
В. А. Догель дает подробное описание первых английских каучуковых плантаций в Уганде. Они возникли в 1906 г., когда один английский чиновник обнаружил в Мабирском лесу большое количество каучуковых деревьев (*Funtumia elastica*). Вскоре после этого была организована компания, которая «взяла в аренду весь Мабирский лес». Дикого каучука оказалось для компании недостаточно, и она перешла к возделыванию лучших сортов каучуковых деревьев (*Hevea brasiliensis*) «по всем правилам науки».

Каучуковые деревья занимали все склоны большого холма. Между каучуковыми деревьями росли кукуруза или молодые кофейные деревья. «В последние годы,— писал В. А. Догель,— дело разведения кофе ведется в Уганде в довольно широких размерах и имеет, по-видимому, хорошую будущность» [14, с. 46].

Каждое утро В. А. Догель и И. И. Соколов совершали экскурсии для изучения Мабирского леса. «Как только вы покинете плантацию и вступите под первые аркады деревьев, вас охватывает прохлада и сырость. С деревьев каплет. Кусты покрыты блестками росы, насекомые сидят, попрятавшись в оцепенении; лес еще не ожил от ночного сна. В это время ничто не привлекает внимания наблюдателя, и он всецело может отдаться впечатлению, которое на него производит лесная растительность... Грубый остов леса, образованный древесными колоссами, густо заплетен ажурными фестонами *лиан* и разных вьющихся растений. Разнообразие *лиан* неисчерпаемо: есть тонкие, как телеграфная проволока, и толстые — в руку человека; одни вплотную обвивают служащее им опорой дерево, другие перекидываются с одного дерева на другое, сплетаясь высоко наверху в воздушные беседки; некоторые вяло свешиваются вниз, другие натянуты, как струны» [14, с. 47—49].

Ценные породы деревьев Мабирского леса вырубали и отправляли на лесопильный завод Мартина, где из этих «местных гигантов» изготавливали массивные балки, доски и пр. Однажды, осматривая лесопильный завод, И. И. Соколов услышал «громовые раскаты» от падения гигантского дерева, а потом раздалась протяжная песня африканцев «вроде нашей дубинушки, когда они потащили его по рельсам за громадный канат» (л. 51).

Во время пребывания в Мабирском лесу русские путешественники главное внимание уделили изучению фауны Мабиры. В. А. Догель описал жизнь животных Мабирского леса, которая сосредоточивалась «главным образом, на дорогах и тропинках, т. е. в местах, лучше освещаемых солнцем, в самой же гуще леса

Сетчатый гриб из Мабирского леса (Уганда)

жизни почти нет, и царит вечный сумрак и безмолвие» [12, с. 63]. И. И. Соколову удалось сделать ряд интересных снимков животных и записей в дневнике о животном мире Мабирского леса. 13 июня он «видел целую стаю обезьян». 14 июня один африканец принес на веревке полуживую змею (габунскую гадюку) длиной 120 см. И. И. Соколов сфотографировал ее и для масштаба положил тропический шлем [12, с. 69]. 15 июня В. А. Догель принес сетчатый гриб, который имел неприятный запах. На шляпке гриба сидели мухи, бабочки и другие насекомые.

Как и в Энтеббе, здесь было много высоких термитников грибообразной формы и термитников, расположенных под землей, около плантаций и вдоль дорог. И. И. Соколов сфотографировал большой термитник (*Termes bellicosus*). Для масштаба рядом с термитником встал Догель. 19 июня И. И. Соколов сфотографировал сидячих бабочек и колонну муравьев-гонителей.

12 июня из Мабиры В. А. Догель отправил письмо родным в Петербург, в котором изложил первые итоги экспедиции в Восточную Африку и план издания ее результатов. «Приближается срок

отъезда из Мабиры,— писал он,— и я сильно опечален этим. Я прямо-таки влюбился в этот лес. Каждая новая дорога, каждая тропинка, а таких тут десятки, полна новой красоты.

Каждый день поутру мы выходим около 8... Бродим до часу и собираем всякую всячину. Конечно, больше всего насекомых. Уже теперь у нас одних бабочек около 500 экз. Переворачиваем лежащие во мху старые деревья; под ними водятся многоножки, дождевые черви и тараканы. Разбираем пни, просеиваем листья и труху для мелких насекомых и т. п. Из каждой ямы или ручья я беру пробу воды и потом ее фиксирую. Попадающиеся птицы стреляются и приносятся домой для вскрытия.

Вам такая разносторонность может показаться излишней, но мною руководят следующие соображения. Уже на пути сюда мне пришла в голову мысль, что было бы приятно собрать все результаты данной поездки воедино, чтобы видно было, что люди не напрасно ездили. Между тем, если, как это обычно делается, материал раздается без разбора и потом через промежутки в несколько лет статьи появляются под разными именами и в разных журналах, то всякое единство исчезает.

Поэтому я думаю, приехав домой, раздать материал, который нам лично не нужен, хорошим специалистам, с обязательством написать результаты в сборники, издаваемые мною. Мы рассмотрели с Соколовым, что расходы на издание такого сборника не будут превышать 2000—3000 р[ублей]. Из них Соколов берет на себя 1000. Часть суммы, может быть, даст Университет, а остальное плачу я. Тогда, по крайней мере, может получиться почтенная книга под заглавием: „Результаты научной поездки В. Догеля и И. Соколова в Восточную Африку“» [28, л. 228].

Обработку коллекции паразитических простейших В. А. Догель брал на себя. И. И. Соколов должен был написать статью по эмбриологии некоторых паукообразных. Для Н. А. Холодковского собиралась коллекция тлей, для В. И. Павлова — глаза рептилий и амфибий.

В Мабирском лесу русским путешественникам удалось собрать ценную коллекцию жуков, пауков, мух, клопов, змей, хамелеонов и др. Подробно (для нахождения у них паразитов) были исследованы птицы Мабирского леса: ткачики, турако, птицы-носороги.

24 июня В. А. Догель и И. И. Соколов отправились из Мабиры через Джинджу в Кисуму для исследования редких рыб оз. Виктория и знакомства с населением, живущим на берегу Кавирондского залива. Уже тогда Кисуму был важным пунктом перевалки грузов с воды на железную дорогу. «Сам город,— писал В. А. Догель,— с его невысокими домиками, спрятанными в небольших садах, раскинулся на склоне пологого холма. Но вокзал с его пристройками стоит у самой воды, недалеко от пристани» [15, с. 36].

Кисуму расположен почти на самом экваторе. По определению В. А. Догеля, местность вокруг имеет «унылый, но довольно

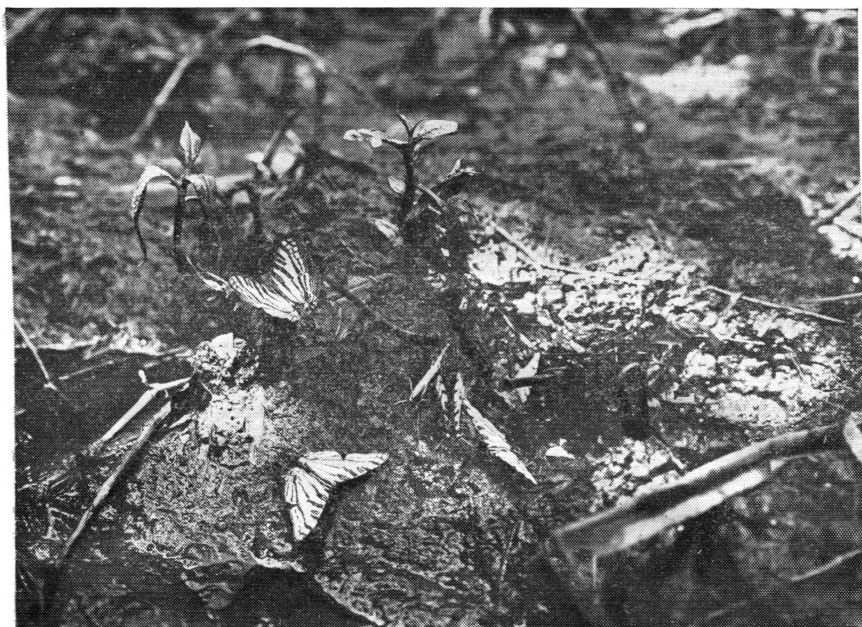

Большой термитник в Мабаре (Уганда)

своеобразный характер. Это — плоская, выжженная солнцем равнина, покрытая короткой ошипанной травкой и лишь кое-где, заросшая кустарником». Среди деревьев своей высотой выделялись канделябровые эуфорбии и кигелии «с аршинными, похожими на колбасу плодами» [15, с. 36—37].

В Кисуму В. А. Догель получил письмо от родных с просьбой писать более подробные и содержательные письма о путешествии по Восточной Африке. В ответ на это Валентин Александрович отвечал: «С дороги писать совершенно не было настроения, в письмах же из Африки я старался передать как можно полнее свои впечатления. Впрочем, написав 130 страниц дневника мелким шрифтом, с трудом находил еще время для писем. Уж вы должны потерпеть; зато потом я по дням смогу рассказать вам о своем путешествии» [28, л. 232].

Русских путешественников заинтересовали коренные жители залива Кавирондо, которых сейчас называют «джолуо», а они называли их «кавирондо». В. А. Догель писал, что деревни их окружены живой изгородью, внутри которых находились обмазанные глиной круглые хижины с соломенными крышами. Местные жители выращивали просо, кукурузу и занимались скотоводством. На ночь скот сгонялся в центр деревни, на площадку, утопанную навозом, который использовался и как топливо. Из бычьих шкур изготовлялись плащи и двускатные щиты. Около деревни на ши-

Сидячие бабочки в Мабирском лесу (Уганда)

тах висели сплетенные из прутьев клетки, в которых сидели перепелки, откармливаемые на убой.

Одежда мужчин состояла из плащей, изготовленных из шкур крупного рогатого скота. Украшениями служили кольца из медной проволоки или кожи, которые надевали на руки и на ноги. Прическа мужчин была очень простой — голову брили на темени или только по бокам. На голову часто надевали диадему с торчащими страусовыми перьями. Мужчины раскрашивали лицо и тело красной и желтой краской. Женщины не красились. Их тело «украшали» рисунки из глубоких рубцов. Одежда их состояла из короткого и узкого передника, изготовленного из волокон травы или стальных тонких цепочек. Передник надевали на кожаный пояс. У замужних женщин сзади к пояску подвешивался пушистый «хвост» из сухой травы.

В письме к родным В. А. Догель отметил, что Кисуму «необычайно интересно в этнографическом отношении. Это одна из местностей, редких даже в Африке, где человек во многих отношениях находится на самой первобытной ступени своего развития, так как невольно чувствуешь себя перенесенным за несколько тысяч лет назад, к предкам современного человека. Дело в том, что туземцы ходят здесь как Адам и Ева до грехопадения...» [28, л. 232].

26 июня путешественники посетили рынок в Кисуму. Индийцы

Колбасное дерево (*Kigelia africana*. Кисуму, Кения)

торговали на рынке в лавках пестрыми тканями и бусами. Африканские женщины на асфальте под жестяным навесом продавали кукурузу, бананы, рыбу и табак. Табак хранился в особых корзинах. На улицах, прилегающих к рынку, можно было видеть людей, идущих друг за другом и несущих на головах корзины.

27 июня русские ученые совершили поездку на станцию Кибос и осмотрели деревни коренных жителей. И. И. Соколов сфотографировал группу детей, молодую девушку, мужчину, на лице которого был изображен интересный орнамент, и несколько туземцев у хижины. Один африканец из этой группы играет на струнном инструменте (как у баганда), другой держит щит, у третьего туземца половина лица была изукрашена охрой в ярко-желтый цвет. Позади стоят женщины.

28 июня В. А. Догель и И. И. Соколов посетили селение датчан, расположенное на берегу оз. Виктория. Жители его занимались рыбной ловлей, поставляя рыбу в Найроби. При содействии

датчанина Аропа русским путешественникам удалось добыть ценные породы рыб, в том числе огромного протоптеруса — двоякодышащую рыбу длиной более метра. Валентин Александрович писал, что «во время засухи и пересыхания водоемов это животное глубоко зарывается в ил, окружает себя особым футляром из засохшей земли и дышит через отверстие в футляре, уже не при помощи жабр, а посредством измененного в легкие плавательного пузыря» [12, с. 76—77].

Некоторый материал по рыбам В. А. Догель и И. И. Соколов получили на местном рынке: здесь продавались крупные сомы, карпы и другие рыбы. В. А. Догель считал, что Кисуму может стать «базой для ихтиологических исследований» оз. Виктория.

Накануне отъезда из Кисуму В. А. Догель писал родным в Петербург: «Материал по паразитам набирается очень большой. Каждый день вскрываю то птицу, то рыб и т. п. Беру также и пробы крови, быть может, в ней окажутся простейшие. Заспиртованными рептилиями и рыбами наполовину заполнен жестяной жбан. В отношении рептилий особенно отличился Мабира. В последние дни нам ежедневно приносили 2 или 3 змеи... В общем, действительность превзошла все ожидания, и я здесь наслаждаюсь и живу полной жизнью, жалею только об одном, что 4 месяца — срок слишком короткий для основательной разработки имеющегося здесь материала» [28, л. 231].

Для изучения животного мира горного влажного леса на плато Мау, расположенном к западу от Восточного рифта, ученые 30 июня отправились из Кисуму на станцию Моло. Так как здесь трудно было найти подходящее жилье, они заказали себе вагон на Угандийской железной дороге, в котором в течение восьми дней жили и работали.

Во время пребывания в Моло небо все время было пасмурным, температура по утрам снижалась до 9°C. «Такая температура, — писал В. А. Догель, — чувствуется в тропиках, как у нас 2—3°» [15, с. 41]. Луговая растительность имела большое сходство со средневропейской. Большим сюрпризом для путешественников была возможность увидеть во влажных горных лесах Мау гигантские лобелии — «родичей наших миниатюрных садовых лобелий». Они росли там, где был «широкий просвет, словно полянки». Дерево это, писал И. И. Соколов, достигает 4 м длины и «имеет правильно расположенные букетом листья, от центра которого возвышается чрезвычайно длинный колос». И. И. Соколов взял себе на память несколько цветов лобелии бледно-зеленого цвета. Он сфотографировал группу этих деревьев, одинокую лобелию на фоне леса, ручей, лес.

Среди деревьев этого леса выделялся гигантский юниперус. «Хвои его, — писал И. И. Соколов, — напоминают сильно тую, или кипарис... наш можжевельник». Животный мир плато Мау по сравнению с животным миром Уганды поражал своею бедностью, но птицы мало чем отличались от птиц Уганды.

В Моло, как и в других местах Восточной Африки, В. А. До-

Группа африканцев племени джолуо (снимок сделан близ Кисуму, Кения)

гелю и И. И. Соколову удалось собрать интересный материал о жизни местного населения. 4 июля И. И. Соколов недалеко от железной дороги встретил группу женщин-кикуйю. «Они,— писал он в дневнике,— настоящие вьючные животные. Носят за спиной громадные кожаные мешки то с картофелем, то с бобами, то с чем-нибудь другим. При этом ремень от мешка одевается на лоб. От этого у них всегда согнутая фигура. Ноги как-то сближены в коленях... и походка нетвердая. Спереди у них надеты кожаные передники, которые часто очень плохо прикрывают их наготу. Иногда можно видеть, как за таким передником еще сидит ребенок» (л. 142).

7 июля из Моло путешественники отправились на два дня на солоноватое озеро Накуру для изучения птиц: ткачиков-вдовушек, черно-белых скворцов, перепелов, дроф, страусов, медососов, чибисов, ибисов — священных птиц древних египтян. Здесь в первый раз в жизни И. И. Соколов увидел «в порядочном количестве» фламинго. «При полете,— писал он,— они чрезвычайно эффектны; белое туловище и огненно-красные крылья с черными концами» (л. 78). «Для орнитолога озеро Накуру,— писал В. А. Догель,— представляет хорошее место сборов» [15, с. 44].

10 июля русские ученые прибыли на оз. Найваша, расположенное на дне Восточного рифта. Озеро окаймлено стеной папируса, за которой заросли акации, а еще дальше — степь.

Главной целью «пребывания в Лонгоноте,— писал В. А. Догель,— было добывание материала по паразитам и по гистологии крупных млекопитающих» [15, с. 47]. Степные пространства вокруг оз. Найваша отличались богатством и разнообразием живот-

ного мира, в особенности здесь было много копытных; кругом паслись огромные стада антилоп Конгоны, газелей Томсона и Гранта и зебр. В изобилии водились мелкие антилопы, эфиопские бородавочники, ихневмоны, сервали, дикобразы, мартышки, павианы.

12 июля В. А. Догель и И. И. Соколов отправились на охоту к вулкану Лонгонот. Их сопровождал опытный специалист по охоте, участник нескольких научных экспедиций Кафиамбага, присланый компанией «Невланд и Тарльтон». Во время охоты В. А. Догель отрезал от важнейших органов убитых животных кусочки и фиксировал для гистологических исследований.

Русские путешественники находились в нескольких километрах от вулкана Лонгонот. Его морщины и недавние потоки лав были хорошо видны. В густо заросшем кряже вулкана находилось пристанище львов и леопардов, недалеко от вулкана И. И. Соколов заметил западню для леопардов с автоматически захлопывающейся дверцей, установленную африканцами.

На оз. Найваша И. И. Соколов сделал несколько интересных фотографий и зарисовок: он снял Догеля возле убитой газели Гранта, газель Томсона, пасущихся страусов, ловушку для леопардов, папирусы с видом на озеро и вулканические горы. Зарисовал акварелью вид на оз. Найваша с папирусами и горами на заднем плане.

На территории имения Лонгонот И. И. Соколов выделил следующие ландшафты: 1) зону, расположенную близко к оз. Найваша, где росли осоки, папирус и выющиеся растения; 2) низкую зеленую траву у самого берега; 3) травянистую степь; 4) зону высоких акаций у берега с лианами; 5) степь с кустарником и 6) заросли кустарников на обнаженной лаве, для которых характерны два вида эуфорбий.

Во время короткого пребывания на озерах Накуро и Найваша В. А. Догель и И. И. Соколов сделали интересные наблюдения над жизнью местных жителей. 14 июля И. И. Соколов записал, что видел, как африканцы очищали поле люцерны от сорных трав. Они пололи сидя на корточках, «вырывали траву небольшими ножами. Медленная и кропотливая работа». Еще недавно на этом месте были сплошные заросли разных кустов, акаций и папирусов. В течение шести месяцев восемь рабочих раскорчевали площадь в несколько десятков акров.

В тот же самый день у домика помощника управляющего Хигнелля И. И. Соколов увидел нескольких африканцев, ждавших расчета. «Они были совершенно нагие, только через одно плечо был перекинут теплый красный плащ. Вокруг бедер пояс из бахромы бисерной и такие же браслеты вокруг ног» (л. 89).

16 июля африканцы устроили во дворе Хигнелля «нечто вроде хоровода» вокруг костра. «Пение... носило сравнительно мелодичный характер и имело сложную... музыкальную форму. Кроме того, оно не было однообразным, так как было исполнено около 3

или 4-х различных песен. Во время припева все поющие припрыгивали в трехдольном размере танца» (л. 92).

17 июля И. И. Соколов выехал из Найваши в Найроби с багажом экспедиции. На станции Найваша, начальником которой был индеец, стояла толпа сомалийцев с «чалмами и ярко-оранжевыми, красными и белыми шаями» и группа кикуйю. В поезде, отходящем в Найроби, И. И. Соколов получил отдельное купе в вагоне второго класса. Однако он не смог в это купе посадить своего помощника, африканца Сулеймана, так как африканцам разрешалось ездить только в вагонах третьего класса. Когда пришел поезд, поднялся «целый содом». Два вагона третьего класса были переполнены. «Проводник поезда, белый,— писал в дневнике И. И. Соколов,— пинком вышиб нескольких сомалийцев, и моего Suleimani усадили» (л. 94).

На следующий день, уже в Найроби, И. И. Соколов осматривал и фотографировал главную улицу, рынок и гостиницу, перед которой стояли рикши в ожидании пассажиров. Он пишет, что на участке города «с полутуземными, полужестяными домами» жили сомалийцы. Их можно было узнать по тонким чертам лица: «голова повязана чалмой или закутана вместе с плечами в пестрый плащ». В той части города, где стояли виллы и сады с акациями, апельсиновыми и фруктовыми деревьями и цветами, жили европейцы. В Найроби бросались в глаза контрасты: роскошные магазины и автомобили и... полунагие африканцы.

16 июля, во время поездки из Найваши в Найроби, В. А. Догель написал письмо родным, в котором подвел итоги пребывания на оз. Найваша: «Пишу вам после 8 дней привольной жизни в Найваше. Я уже вам писал, что здесь мы должны были остановиться в одном из поместий Грогана, под названием Longopot. Поместье это занимает около 100 кв. верст на берегу озера Найваша. Самое строение находится верстах в 15 от станции Найваша, так что наш багаж доставлен туда на быках, а сами мы пошли пешком. Попали в очень удачный момент: управляющий имением вместе с женой как раз уезжали в отпуск в Европу, так что их дом освободился и был предоставлен нам, конечно, бесплатно. Уютный и комфортабельный дом на самом берегу озера, перед домом площадка для тенниса, а за ним на берегу роскошный цветник, где все европейские цветы разрослись в тропической пышности (розы, левкои, гвоздики, настурции и т. д.); самый берег красиво окаймлен папирусом, распутившим свои метелки цветов. Имение Longopot имеет по преимуществу характер степи, кое-где покрытой кустами и деревцами серебристого elelesho и акаций. Но повсюду вдали видны горы, которые на другой стороне озера подходят к самому берегу, да и среди степи поднимается красавец вулкан Longopot (10 000 футов). Имение Грогана считается одним из наиболее богатых дичью, и тут была моя первая практика в стрельбе» [28, л. 235].

Главной целью охоты было «добывание инфузорий из кишок антилопы, что мне и удалось,— писал В. А. Догель в том же пись-

ме.— То, что здесь не закончено, будет доделано в Тавете, где дичи еще больше. Кроме того, я много нафиксировал материала для гистологов».

В заключительной части письма Валентин Александрович изложил план завершения экспедиции: «Завтра я буду в Найроби... и дня через три мы выступаем в Тавету. Тавета лежит к югу от ж[елезной] д[ороги], у немецкой границы, под самым Килиманджаро. Чтобы попасть туда, надо идти от ж[елезной] д[ороги] 4 дня караваном. Там я буду исследовать небольшой, но интересный Таветский лес, а также 2 совершенно неизученных озера. Откуда мы пересечем границу и по германской ж[елезной] д[ороге] вернемся к берегу, где и сядем на пароход в Тонге. С Таветой правильного сообщения нет, так что теперь не ждите писем целый месяц, и, вероятно, их не будет до самого моего приезда. Беспокоиться нечего. В Тавете есть дом, где мы будем жить, а от Таветы до немецкой ж[елезной] д[ороги] 1½ дня пути. Когда вернусь, сам не знаю. По правде, скорее хочется... в Россию. Если в Тавете будет очень интересно, то вернусь к 11—12 сентября, как и предполагалось. Если же любопытного будет мало, то на 2 недели раньше» [28, л. 235].

Итак, для осуществления последнего этапа экспедиции — изучения Таветского леса и двух озер — Чала и Джипе — В. А. Догель и И. И. Соколов решили отправиться по Угандийской железной дороге, на юго-восток Кении, к станции Вои, откуда в составе каравана они рассчитывали выйти к Таветскому лесу, расположенному под «самым Килиманджаро», и совершить восхождение на эту высочайшую точку Африки. Все снаряжение, необходимое для экспедиции, было получено через фирму «Невланд и Тарльтон»; с помощью этой же фирмы был нанят и персонал из восьми человек.

22 июля русские путешественники выехали из Найроби и вскоре увидели «безотрадную равнину» с высохшей травой. «Общий колорит пейзажа,— записал в дневнике И. И. Соколов,— как это ни странно, напоминает наше северное торфяное болото. Низкие одиночные акации могут сойти за тощие сосенки» (л. 97). На равнине паслись стада конгоны, гну, газелей, страусов, зебры, кабаны и небольшие дрофы. Здесь в первый раз русские путешественники увидели птиц-секретарей, которые бродили в одиночку или по две на небольшом расстоянии друг от друга.

23 июля прибыли в Вои, установили палатку и при содействии местных властей наняли 40 носильщиков. Растительность вокруг Вои поражала своим безотрадным видом. То небольшое количество осадков, которое выпадает в Вои, приходится на прохладный и дождливый сезон «масика», который к моменту приезда путешественников уже кончился. «Невысокие деревья (гл[авным] обр[азом] акации и *Commiphora* и различные кустарники,— писал Соколов,— были совершенно лишены листьев, и вместо них всюду торчали голые сучья, колючки, крючья, шипы... Трава высохла и пожелтела, и только разнообразные эуфорбии и другие

незнакомые нам мясистые с белым соком растения оживляли свою зеленью картину. Вообще, местность была совсем непохожа на виденные нами до сих пор ландшафты» [15, с. 58].

И. И. Соколов подробно описал тех насекомых Вои, которые обнаруживали много примеров защитной окраски. Насекомых этой местности, по его мнению, можно было разделить «на две биологические группы: одни из них подражают общему фону почвы, другие — цвету выжженной солнцем растительности» [15, с. 58].

В горах Бура сделали остановку. На их склонах зеленели банановые насаждения, среди которых были видны деревушки и отдельные хижины африканцев. 26 июля В. А. Догель и И. И. Соколов посетили католическую миссию, расположенную у подножия гор. На стенах маленькой церквушки на языке суахили были написаны изречения из Евангелия. Миссионеры жаловались, что «туземцам весьма трудно внушить отвлеченные идеи религии, т[ак] ч[то] в большинстве случаев они перенимают лишь внешнюю форму христианства» [15, с. 64].

27 июля караван экспедиции отправился дальше на запад. Из-за отсутствия воды специальные носильщики несли в керосиновых банках запас воды на три дня. В пути встречали многих животных: антилоп-конгоны, водяных козлов, газелей-импала. На близком расстоянии видели стадо крупных африканских антилоп, среди раскидистых акаций было замечено стадо жирафов. На пути от Вои в Тавету И. И. Соколов сфотографировал походное жилище экспедиции.

В урочище Мактау сделали остановку. 28 июля они увидели высокую желтую траву, акации и баобабы, стада конгоны, газелей Гранта, жирафов, цесарок, куропаток, секретарей.

В. А. Догель подробно описывает жизнь во время сафари, который имеет «свой собственный уклад». На третий день пути от Вои до Таветы русские путешественники увидели красавец Килиманджаро. «Никогда не забудется мною,— писал Валентин Александрович,— картина заката этого дня, когда облака, скрывавшие Килиманджаро, раздвинулись, и громада горы, с ее двумя вулканическими конусами, обнажилась до самого подножья. Левый восточный конус выше и имеет форму правильного купола, снега которого сверкают на фоне золотистых цветов заката ослепительной белизной; правая западная вершина беднее снегом, неровная и выщербленная» [12, с. 97]. И. И. Соколов сделал несколько набросков Килиманджаро.

29 июля остановились на берегу Луми, впадающей в оз. Джибе, недалеко от Таветы. Вдоль реки тянулся тропический лес. В излучине р. Луми И. И. Соколов сфотографировал заросли пальмы *Carpha*, вии, которые достигали 12 м. «Таветский лес,— писал В. А. Догель,— интересен тем, что он образует собой небольшой оазис пышной тропической растительности, окруженной со всех сторон пустынными равнинами» [12, с. 98]. В лесу водились эндемичные бабочки, черно-белые обезьяны-колобусы и др.

Тавета в то время была центром административного округа и резиденцией английского окружного комиссара Лафонтена, который жил в единственном в этом селении каменном доме. Кроме дома комиссара, жилищ коренных жителей (тавета и суахили) на территории Таветы располагались католическая миссия и две индийские лавочки. Деревенки тавета находились в лесу. Хижины были построены из длинных черенков пальм и сухих влагилиц банановых листьев. Три-четыре хижины были обнесены общей изгородью из сучьев. «На дворике,— писал И. И. Соколов,— часто можно было видеть дынное дерево (*Carica papaya*), а рядом всегда насаждения бананов и кукурузы» [15, с. 70]. Кроме выращивания этих растений африканцы занимались скотоводством и пчеловодством. Питались они главным образом бананами.

Мужчины и женщины из племени тавета покрывали свое тело кожаными плащами или тканью. Женщины носили украшения в виде двух больших дисков, сделанных из толстой проволоки, завитой спиралью. Диски закрывали грудь и подвешивались с помощью ремешка к растянутому мочкам ушей. На шею надевались ожерелья из разноцветных бус, а на руки и на ноги — браслеты. Мужчины носили «в изуродованных ушах оригинальные серьги в виде больших овалов, скатанных из сала и изукрашенных тонкими медными цепочками». Прическа мужчин напоминала прически масаев: она состояла из закрученных и связанных в пучки волос. По мнению И. И. Соколова, масаи, выселенные отсюда в резерваты на северо-запад, «привили местному населению много своих обычаев».

3 августа 1914 г. подошли к оз. Чало, через которое проходила граница между английскими и германскими владениями в Восточной Африке. Взяли пробу планктона. Животный мир озера оказался небогатым. На р. Луми, протекающей близко от озера, собрали крупных термитов. В. А. Догель нашел в кишечном тракте термитов одноклеточных жгутиконосцев. «Я видел их под микроскопом живыми»,— писал И. И. Соколов (л. 225). Эти одноклеточные животные, относящиеся к отряду жгутиковых, живут в кишечнике термитов в симбиозе с ними. Жгутиконосцы расщепляют дерево, которое термиты используют для питания.

6 августа через Таветский лес по «масайской тропе» направились к оз. Джибе. Прошли небольшой лесок из желтоствольных акаций и насаждения бананов. Здесь «впервые увидели женщину, которая размалевывала себе лицо. У этой женщины были сделаны по обе стороны лица по дугообразной полоске. Одна была рыжего, другая белого цвета» (л. 115). На женщине были кушак и бусы из разноцветного бисера. Она шла с вязанкой дров.

В Таветском лесу повстречали заросли финиковой пальмы, в другом месте — низкие молочаи и алоэ с толстыми, мясистыми листьями и кистями красных цветов. Вперемежку с акациями росли пальмы-дум (Нурхаепа *cofiacea*), на концах ветвей которых были видны красивые веерообразные листья, собранные густыми пучками.

Во время привала В. А. Догель и И. И. Соколов осматривали поселения вакамба. За изгородью стояли хижины круглой формы (построенные из колючих ветвей) и четырехугольной формы (собранные из тонких бревен). Поблизости от них на высоких подставках стояли амбарчики, где в бутылках из тыкв хранились съестные припасы. Для скота была сделана особая изгородь.

7 августа подошли к оз. Джипе, расположенному в неглубокой впадине. Плоские берега озера заросли желтоствольной акацией. Ближе к воде, как и на оз. Накуру, тянулась полоса тростника, осоки и других трав, через которые трудно было пробираться. Местность оказалась интересной не только растительностью, но и фауной. Озеро «буквально кишело крокодилами». Одного крокодила В. А. Догелю удалось подстрелить и извлечь из него паразитов — круглых червей (группа нематод).

В. А. Догель писал: «Первый день, проведенный нами на озере Джипе, был, вместе с тем, последним спокойным днем путешествия» [12, с. 106]. На Джипе от укуса комара (*Anopheles*) И. И. Соколов заразился малярией. В тот же самый день, 7 августа, в лагерь экспедиции прибыл нарочный от английского комиссара Лафонтена с сообщением о начавшихся в Европе военных действиях. «Меня как громом поразило это известие,— писал в дневнике Иван Иванович.— Итак, прощай Килиманджаро, прощай Аmani» (л. 116).

Обсудив это известие, В. А. Догель и И. И. Соколов решили немедленно покинуть Джипе, так как немцы в любое время могли начать здесь военные действия. Быстро собрав вещи, русские путешественники выступили в сторону Таветы. По дороге они встретили около 30 тавета, вооруженных копьями и стрелами. Люди из племени тавета пели воинственные песни.

10 августа, оставив часть вещей в Тавете, В. А. Догель и И. И. Соколов направились кружным путем к железнодорожной станции Цаво, расположенной на Угандийской железной дороге. По старому маршруту уже нельзя было идти, так как были отпущены носильщики-водоносы, а новых в условиях военного времени нельзя было найти.

13 августа на р. Цаво русские путешественники узнали, что «англичане разбили германский флот. Для нас,— записал И. И. Соколов,— была неприятной вестью о намерении немцев послать к Угандийской железной дороге 8000 аскари» (л. 119).

14 августа у И. И. Соколова начался тяжелый приступ малярии. Это произошло через девять дней после того, как на оз. Джипе его искусили комары. «Малярику нужен покой и уход,— записал он в дневнике,— а тут еще надо пройти до Tsavo около 60 верст!» (л. 120). Несмотря на болезнь, Иван Иванович пошел с караваном вперед, отдыхая каждый час; он регулярно вел дневник, собирал коллекции и фотографировал.

16 августа И. И. Соколов записал в дневнике: «В последний раз уложили нашу палатку. Носильщики завязали свои ноши, и мы выступили с восходом солнца. Не весело было на душе... До-

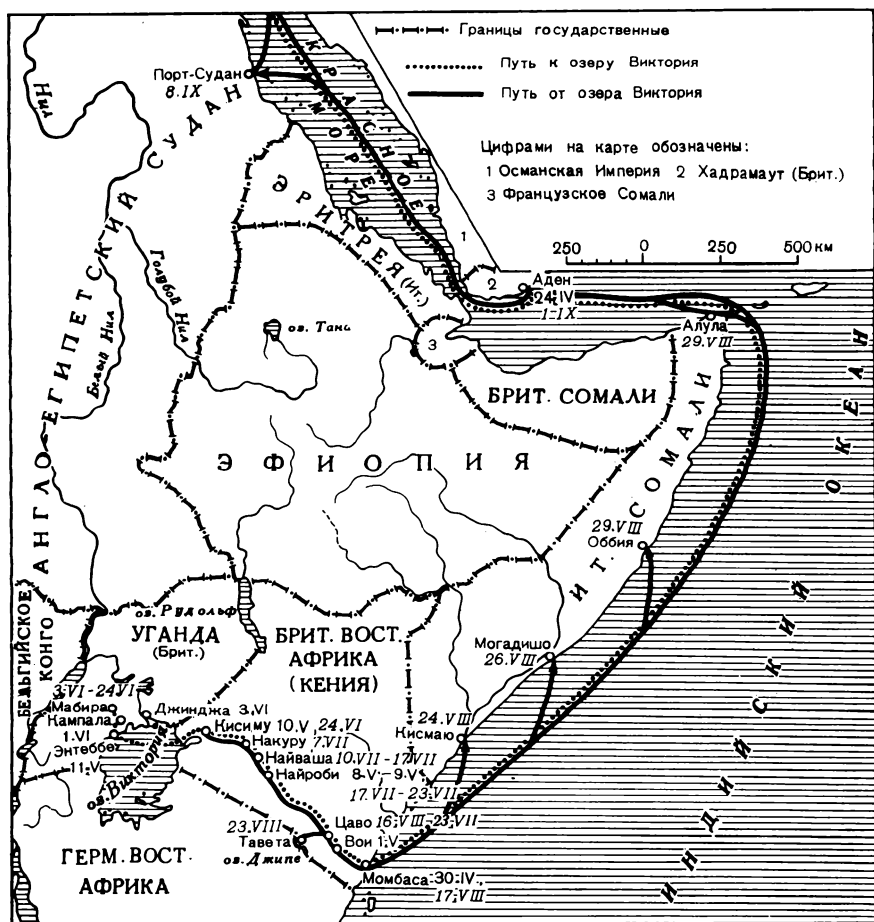
рога такая же. Тот же bush, те же пальмы. Местами скалы, и на них эуфорбии и редко баобабы. В одном месте скалы и валуны загромоздили дорогу, и пришлось через них карабкаться. Пройдя около 1½ часов, мы слышали вдали, впереди нас, свист локомотива: значит, было уже недалеко от цели. По пальмам лазали мартышки, а в другом месте удирала целая стая бабуинов» (л. 120).

На станции Цаво путешественники узнали, что по Угандийской железной дороге поезда не ходили уже целую неделю. На первый поезд, шедший в Момбасу после такого большого перерыва, им попасть не удалось. Но и оставаться в Цаво тоже было нелзя: лавки закрыты, а запасы истощались. С большим трудом В. А. Догелю и И. И. Соколову удалось сесть в поезд, шедший в Момбасу с грузом продовольствия и боеприпасов (военный состав). На станции Вои стало известно, что немцы заняли Тавету. В самом городе Вои уже были «сделаны окопы и навалены груды мешков».

17 августа русские путешественники прибыли в Момбасу. И. И. Соколова сразу положили в госпиталь, но даже и здесь он продолжал вести дневник. 21 августа он записал в дневнике: «Известия с театра войны, хотя и приносятся ежедневно, но им как-то трудно доверять. Вообще неизвестность относительно войны, относительно того, как и когда мы попадем в Россию, а главное — относительно домашних, которые наверняка за нас страшно беспокоятся, сильно угнетает меня. Мне даже как-то не верится, что я попаду вообще домой» (л. 121). Когда Иван Иванович немного поправился, В. А. Догель сразу же взял билет на итальянский пароход «Porto di Alessandretta», который направлялся в Италию с заходом в итальянские колонии Сомали и Эритрею.

23 августа 1914 г. пароход отошел от Момбасы. И. И. Соколов писал, что компания на пароходе была «интернациональная»: немецкие туристы Альберт Шульце и Шмидт, австрийский консул Маркус, которого англичане держали в тюрьме, английский офицер и, наконец, итальянский чиновник, делавший визиты в колониальные владения Италии — Сомали и Эритрею. В третьем классе ехали сомалийцы. «Они, — писал И. И. Соколов в дневнике, — разостлали свои красивые циновки, разместили сундучки с пожитками и пьют кофе. У них очень правильные и красивые черты лица... На голове обычно ярко-оранжевый тюрбан. На ногах сандалии» (л. 122).

24 августа пароход бросил якорь в Кисмайю, расположенном к югу от места впадения р. Джубы в Индийский океан. И. И. Соколов сделал акварельный рисунок коралловых островов, расположенных по обе стороны гавани. На следующий день корабль прибыл в порт Брава. Русским путешественникам удалось высадиться на берег. И. И. Соколов сделал рисунок необычных весел лодки, на которой они подошли к берегу. О гребцах, что перевозили их в лодке, он написал: они «совсем непохожи на обычных тип сомалийцев. Их черты лица грубые, но зато симпатичные,

Маршрут путешествия В. А. Догеля и И. И. Соколова в Кению и Уганду в 1914 г.

добродушные и умные. Во время гребли они затянули песню, потом другую. И здесь тоже один из гребцов запевал, другие же вторили ему стройным хором. Одна из песен очень мелодична и красива» (л. 122).

Дома в Брава построены в арабском стиле, с колоннами и арками, двери украшены резьбой. И. И. Соколов обратил внимание на четырехугольные хижины африканцев в селении, расположенном к северу от Брава. Жители его были похожи на гребцов лодки. Хижины «настоящих» сомалийцев, полушаровидной формы, были сделаны из сплетенных прутьев, соломы и кусков ткани. «Все это,— писал И. И. Соколов,— имеет грязный, серый цвет. Перед каждой хижинной отгорожен род дворика, изгородь сдела-

на тоже из прутьев и тряпок. На одном дворике женщина доила корову, на другом — толкла муку в особой деревянной ступке. У другой хижины сидела женщина замечательной красоты и держала на руках ребенка. У них простая одежда, и они не уродуют себя. Некоторые мужчины отпускают себе длинные пышные волосы и, чтобы не портить эту красивую прическу, носят с собой особого рода деревянную подушку, которую кладут себе под голову во время сна или отдыха». Иван Иванович зарисовал и эту подушку, и хижину сомалийцев.

В Брава команда погрузила на борт парохода 10 быков, которые были куплены по 50 лир за голову. Другой груз — несколько сотен шкур крупного рогатого скота — из-за сильного волнения моря и прибоем погрузить не удалось.

26 августа прибыли в Могадишо, в то время небольшой городок с белыми домами и грандиозной радиотелеграфной станцией. В городе строилась обширная мечеть. Сильное волнение моря и прибой и здесь помешали произвести погрузочно-разгрузочные работы.

29 августа пароход вошел в порт Оббия, взял почту и отправился далее вдоль берега полуострова Сомали на север, к восточной оконечности Африки — мысу Гвардафуй. В тот же день пароход бросил якорь у небольшого селения Алула, расположенного к западу от мыса, и взял на борт новых пассажиров. И. И. Соколов зарисовал пироги туземцев, имеющие вид маленьких лодок, выдолбленных из целого куска дерева, на которых были доставлены новые пассажиры.

1 сентября 1914 г. прибыли в Аден. В порту стояли немецкие грузовые пароходы и крейсер «Черный принц», захваченный англичанами, а в самом городе было много солдат и офицеров.

2 сентября в Аден вошли английский крейсер и транспорт с индийскими солдатами. «Какая, подумавшись, нелепость, — записал в дневнике И. И. Соколов, — индусы будут сражаться со своими „врагами“ — немцами» (л. 125).

6 сентября русские ученые выехали из Адена на английском пароходе «Гольконда» и через два дня достигли Порт-Судана, расположенного на берегу Красного моря. «С парохода, — писал И. И. Соколов, — хорошо виден барьерный риф, окаймляющий на расстоянии нескольких десятков саженей берег. За рифом тянется зеленоватая полоса спокойной воды, резко контрастирующая с синим цветом остального моря. На берегу выстроено много каменных зданий: общественных учреждений, Hotel и пр. На одном из них красуется английский и турецкий флаг. Пароход пристает к восточному берегу залива, где устроена сложная система различных подъемных кранов, приводимых в движение электричеством» (л. 125).

11 сентября в Суэце русские путешественники пересели на поезд, следующий в Александрию. «Мимо, — читаем в дневнике И. И. Соколова, — мелькают белые арабские домики с плоской крышей. На улицах видны черные фигуры женщин, закрытых

вуалью... Там и сям виднеются насаждения финиковых пальм. Здесь эти пальмы имеют иной вид, чем в диком состоянии. Они как-то более симметричны, плоды тоже симметрично гроздьями свешиваются вокруг. Мне вспомнились древнеегипетские изображения садов, где пальмы имеют очень схожий вид» (л. 126).

12 сентября 1914 г. В. А. Догель и И. И. Соколов приехали в Александрию. Узнав в русском консульстве, что «есть лишь одна линия» на Константинополь (Стамбул), откуда уже ходят русские пароходы в Одессу, они, по-видимому, этим путем вернулись на родину 30 сентября 1914 г.

Приехав «после долгих проволочек и мытарств» в Петроград, В. А. Догель и И. И. Соколов сразу приступили к составлению отчета об экспедиции. Было решено подготовить к печати три тома материалов, объемом в 400—500 страниц каждый. Труды экспедиции предполагалось издавать последовательно через годичный промежуток времени, по мере поступления от специалистов обработанного материала.

В 1916 г. при некоторой поддержке физико-математического факультета Петербургского университета вышел в свет первый том «Научных результатов зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова...» на русском [15] и английском [26] языках. Первый раздел первого тома посвящен описанию путешествия. Пять глав этого описания («Путь до Момбасы, Момбаса», «Угандийская железная дорога», «Озеро Найваша», «Мабирский лес» и «Кисуму») сделал В. А. Догель, и четыре главы («Найроби. Путь в Энтеббе», «Энтеббе», «Сафари от станции Вои до Таветы» и «Тавета. Озера Чала и Джипе. Возвращение») — И. И. Соколов. Во втором разделе первого тома известные зоологи А. А. Бируля, Г. Ю. Верещагин, В. А. Догель, Е. Н. Павловский, К. И. Скрябин и Ф. О. Эггерс дали подробное описание сборов экспедиции.

А. А. Бируля обработал коллекцию скорпионов в составе семи видов, добытых В. А. Догелем и И. И. Соколовым на р. Цаво, озерах Найваша, Чала и Джипе, в Тавете и других местах Кении и Уганды. На основе описания этих сборов, изучения коллекции скорпионов С. Ф. Сватоша, собранных им в 1913 г. в этих же местах, а также данных о скорпионах, описанных английскими учеными, А. А. Бируля составил обзор фауны скорпионов Восточной Африки, «пользуясь которой каждый едущий в эту страну для зоологических исследований мог бы определить встречающиеся ему виды скорпионов» [1, с. 3].

В этой сводной работе о скорпионах Восточной Африки А. А. Бируля привел подробную библиографию исследуемой фауны, описал внешнее строение скорпионов и дал «достаточно подробное описание всех найденных в стране скорпионов с указанием на их географическое распространение; в заключение,— писал он,— я счел необходимым дать также краткий зоогеографический очерк страны в отношении интересующего нас отряда» [1, с. 4].

Небольшую коллекцию диопсид («рогатых мух»), собранную зоологической экспедицией В. А. Догеля и И. И. Соколова, обработал научный сотрудник Зоотомического кабинета Петроградского университета Ф. О. Эггерс. Ознакомившись с литературой для определения диопсид, он установил, что значительное количество «рогатых мух» из этой коллекции «пока еще неизвестно. Поэтому,— писал Ф. О. Эггерс,— я счел полезным дать систематическую обработку полученного мною материала» [22, с. 3]. Диопсиды были собраны И. И. Соколовым в июне 1914 г. на растениях вдоль лесных тропинок Мабирского леса, а в августе 1914 г., в сухой период, у самой воды на берегу р. Луми, а также вблизи оз. Чала, расположенного к востоку от Килиманджаро. Ф. О. Эггерс обратил внимание на то, что во многих местностях Африки диопсиды «вообще еще не были собираемы» и Британская Восточная Африка «относительно данной группы еще совершенно не исследована» [22, с. 3]. В специальной статье ученый дал подробное описание стебельчатых глаз «рогатых мух». Он пришел к выводу, что своеобразное строение глаз диопсид «нужно скорее всего поставить в связь с их хищническим образом жизни» [23, с. 23].

Большое значение для науки имели гельминтологические сборы экспедиции, обработанные выдающимся ученым К. И. Скрябиным. Сравнивая коллекцию паразитических червей, собранную В. А. Догелем и И. И. Соколовым, со сборами других экспедиций, К. И. Скрябин пришел к выводу, что сборы русской зоологической экспедиции «приходится считать прямо богатыми» [19, с. 3]. Он отметил, что сборы экспедиции велись в «местности, почти вовсе не изученной в гельминто-фаунистическом отношении» [19, с. 3]. Эти коллекции, писал он, «приобретают немаловажный интерес», поскольку о тех местах, где работала русская зоологическая экспедиция, трудов по изучению червей «в печати не появлялось».

К. И. Скрябин дал систематическую разработку данных о паразитических червях, собранных В. А. Догелем и И. И. Соколовым в составе 10 видов трематод (плоских червей-сосальщиков), 26 видов нематод (паразитических круглых червей) и нескольких десятков цистод (плоских червей). Ученый описал три новых вида трематод и один новый род. Новый вид трематод, найденный 1 июня 1914 г. в кишечнике хамелеона в Энтеббе, был назван в честь И. И. Соколова. Новый вид трематод, найденный в фабрициевой сумке деревенской ласточки в Энтеббе 20 мая 1914 г., был назван К. И. Скрябиным в честь В. А. Догеля.

Изучением микроскопического «населения» водоемов Кении и Уганды, собранного зоологической экспедицией В. А. Догеля и И. И. Соколова, занимался известный исследователь Байкала Г. Ю. Верещагин. Он изучил шесть проб планктона, взятых из оз. Виктория, из водоема в окрестностях Энтеббе, а также планктон из озер Чала, Найваша и Накуру. Сделав краткий обзор литературы о низших раках Африки, Г. Ю. Верещагин остановился на характеристике ветвистоусых раков указанных водоемов.

Он привел краткие сведения об исследованных водоемах, дал общую характеристику собранного в них планктона и описал отдельные виды низших раков, выделив формы, эндемичные для Африки. «Бросая общий взгляд на фауну Cladocera просмотренных проб планктона,— писал Г. Ю. Верещагин,— мы не можем не отметить сравнительное ее богатство как в качественном, так и в количественном отношении в области оз. Виктория-Нианца» [5, с. 21].

Исследованием паразитических простейших из кишечника термитов занимался В. А. Догель. «Меня уже с давних пор,— писал он,— интересовала богатая фауна своеобразных Protozoa, населяющих кишечник различных термитов. Эти простейшие не только привлекают к себе внимание своей сложной морфологией, но и любопытны и с биологической стороны, являясь, по-видимому, не обыкновенными паразитами, а необходимыми для благосостояния хозяина симбионтами, облегчающими термитам переваривание пищи» [9, с. 3].

Во время экспедиции в Кению и Уганду В. А. Догель тщательно исследовал содержимое пищеварительного канала всех попадавшихся термитов. В Тавете ученому удалось найти два вида термитов, которые содержали разных простейших из класса жгутиконосцев. Виды термитов были определены О. И. Ионом. «Добытый материал,— писал В. А. Догель,— был настолько разнообразен, что я решил разрабатывать его по частям» [9, с. 4]. Он дал подробный морфологический анализ жгутиконосцев отряда *Hugermastigida* и описал много новых форм.

В первом томе «Научных результатов зоологической экспедиции...» В. А. Догель опубликовал еще одну интересную статью — о тканевых паразитах африканских антилоп [8]. Новый вид тканевого паразита, найденный в мышцах газели Гранта, В. А. Догель назвал в честь Вудгауза — помощника заведующего департаментом охоты в Британской Восточной Африке, который первым предупредил В. А. Догеля о том, что эта газель часто бывает носителем тканевых паразитов.

В 1917 г. В. А. Догель опубликовал вторую статью о паразитических простейших из кишечника термитов, предназначенную для второго тома «Научных результатов зоологической экспедиции...», который, к сожалению, не вышел в свет. Единственный экземпляр статьи с дарственной надписью Анатоми-гистологического кабинету Петроградского университета от января 1923 г. нам удалось обнаружить в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [10].

В первом томе «Научных результатов зоологической экспедиции...» В. А. Догеля и И. И. Соколова опубликовано девять статей, каждая из которых имеет свой номер. Во втором томе, по-видимому, было не менее десяти статей, так как под № 10 в типографии А. Белокопытова в Петрограде, где печатался и первый том «Научных результатов...», была опубликована статья В. А. Догеля «Исследования над паразитическими Protozoa из

кишечника термитов. II. Lophomonadidae» [10], являющаяся продолжением его статьи, опубликованной в первом томе «Научных результатов...» [9].

Возможно, что во втором томе предполагалось опубликовать: статью И. И. Соколова по эмбриологии некоторых паукообразных Восточной Африки; работу Холодковского о коллекции тлей, собранных зоологической экспедицией; статью В. И. Павлова о глазах рептилий и амфибий; работу Бианки о птицах Кении и Уганды; труды В. А. Догеля и И. И. Соколова об этнографических наблюдениях в Восточной Африке и ряд других исследований, которые могли быть выполнены по материалам, собранным экспедицией.

В 1916 г., когда вышел в свет первый том «Научных результатов...», В. А. Догель опубликовал в серии «Библиотека натуралиста» интересную книгу «Натуралист в Восточной Африке» [12]. «Попутно с большим запасом чисто специальных биологических наблюдений,— писал автор,— у меня накопилось за время путешествия и много заметок, иллюстрирующих природу и жизнь посещенной мною глухой английской колонии, быт туземцев и немногочисленных белых поселенцев ее и т. д. Приведа эти заметки в известный систематический порядок, я и намерен поделиться ими с читателем» [12, с. 1]. Книга В. А. Догеля «Натуралист в Восточной Африке» познакомила широкий круг русских читателей с природой, населением и хозяйством Кении и Уганды.

Экспедиция в Африку оказала большое влияние на все последующее научное творчество В. А. Догеля и И. И. Соколова. Вот что писал по этому поводу В. А. Догель: «Покидая Момбасу, мы с Иваном Ивановичем Соколовым давали себе слово вернуться в эти интересные места, чтобы подробнее познакомиться с их богатейшим животным миром. Разразившаяся мировая война лишила нас надежды на новое тропическое путешествие, но, к счастью, нам скоро вспомнились громадные зоологические возможности нашей родины, которые мы и решили использовать в ближайшие годы. Прежде всего нас привлекла своеобразная природа Средней Азии, где меня манило в это время исследование богатого набора кишечных инфузорий, населяющих желудок домашних и диких животных, особенно кишечная фауна верблюдов, которая до той поры оставалась еще совершенно неизвестной» [27, л. 1].

Научные результаты экспедиции в Восточную Африку дали материал для интересных аналогий и обобщений при изучении животного мира восточных районов нашей страны. «А короткая, двухдневная экскурсия на станцию Байрам-Али,— писал В. А. Догель,— доставила мне возможность живо вспомнить об Африке, так как на этой станции я нашел своеобразных туркестанских термитов, сильно разнящихся от своих африканских собратьев по своеобразному населению своего кишечника, которое состоит из замечательно своеобразных жгутиконосцев... В общем, результаты экспедиции в Британскую Африку и Туркестан дали две круп-

ные монографии по простейшим, монографию по жгутиконосцам туркестанских термитов и множество этнографических наблюдений» [27, л. 1—2].

Экспедиционные исследования, в том числе и африканские, помогли В. А. Догелю впоследствии сделать крупные теоретические обобщения в области биологии. «Я всегда,— писал он,— придавал большое образовательное значение экспедиционным работам, значение которых полностью стало ясным для меня, однако, лишь в последние годы. Только детальное знакомство с колоссальным разнообразием различных животных форм помогло мне уже в конце моей жизни ознакомиться и разъяснить крайне важную общую закономерность, управляющую эволюцией всего мира животных, закономерность, разобранную мною в монографии „Олигомеризация как один из главных путей эволюции животных“» [13; 27, л. 2].

Перед зоологической экспедицией в Восточную Африку была поставлена узкоспециальная задача — изучение анатомии и эмбриологии низших, беспозвоночных животных Восточной Африки. Коллекционирование «позвоночных и фаунистические исследования были поставлены нами,— писал В. А. Догель,— на второе место» [15, с. 1]. Несмотря на скромные личные средства, затраченные участниками экспедиции на ее осуществление, и небольшой персонал, В. А. Догель и И. И. Соколов значительно расширили круг исследований. Они собрали богатые коллекции паразитических простейших и червей, паукообразных и насекомых, в том числе 500 экз. бабочек, амфибий и рептилий, рыб, птиц и млекопитающих, сделали сотни фотографий, много рисунков и детальных ежедневных записей в полевых дневниках. Собрали они и небольшую этнографическую коллекцию.

Имея хорошую подготовку в области естественных наук, обладая эрудицией и навыками при проведении полевых исследований, отличаясь исключительной работоспособностью и выносливостью, В. А. Догель и И. И. Соколов сумели не только собрать большую информацию о животном и растительном мире Восточной Африки, но и зафиксировать много ценных наблюдений по этнографии народов Кении и Уганды. Они познакомили русских читателей с малоизвестными странами и народами этого региона.

Труды В. А. Догеля о паразитических простейших, гельминтофаунистические исследования К. И. Скрябина, статья А. А. Бирюли о скорпионах и другие работы, написанные по материалам, собранным экспедицией, важны и в наши дни для изучения и охраны природы Восточной Африки и для борьбы с тяжелыми заболеваниями человека и домашних животных.

В. А. Догель и И. И. Соколов продолжили лучшие традиции русской географической науки в изучении природы, населения и хозяйства Африки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бируля А. А. Обзор фауны скорпионов Британской Восточной Африки. — Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. Т. 1. [Пг., 1916].
2. Борециус Ф. Бабочки Европы. СПб.—М., 1904. Перевод с дополнениями В. А. Догеля.
3. Вальская Б. А. Академик К. М. Бэр о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай в 40-х годах XIX в.— Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959.
4. Вальская Б. А. Вклад Русского географического общества в изучение Африки.— Страны и народы Востока. Вып. IX. М., 1969.
5. Верещагин Г. Ю. Несколько данных по фауне Eptomotraca в Центральной Африке.— Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. Т. 1. [Пг., 1916].
6. Геккель Э. Красота форм в природе. СПб., 1902—1904. Редакция и перевод В. А. Догеля.
7. Догель В. А. Академия наук СССР. Материалы для библиографии ученых СССР. Серия паразитологическая. Вып. 2. М.—Л., 1953.
8. Догель В. А. Два новых вида *Sarcosystis* из африканских антилоп. — Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. Т. 1. [Пг., 1916].
9. Догель В. А. Исследования над паразитическими Protozoa из кишечника термитов. I. Tetramitidae.— Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. Т. 1. [Пг., 1916].
10. Догель В. А. Исследования над паразитическими Protozoa из кишечника термитов. II. Lophomonadidae.— Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. [Пг., 1917].
11. Догель В. А. На коралловых рифах Красного моря.— «Человек и природа». Пг., 1923, № 8/9.
12. Догель В. А. Натуралист в Восточной Африке. Пг., 1916.
13. Догель В. А. Олигомеризация как один из главных путей эволюции животных. Л., 1954.
14. Догель В. А. Полгода в тропиках. Л., 1924.
15. Догель В. А. и Соколов И. И. Описание путешествия.— Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. Т. 1. [Пг., 1916].
16. Никитин В. Н. На берегах озера Виктория-Ньянца. — «Природа». Пг., 1914, № V.
17. Полянский Ю. И. Иван Иванович Соколов (к 80-летию со дня рождения).— «Цитология». Л., 1965, т. VII, № 2.
18. Сватош З. Ф. Краткий маршрут экспедиции кн. А. К. Горчакова по Восточной Африке.— «Ежегодник Зоологического музея Академии наук». Т. XVII. Пг., 1912, № 3—4.
19. Скрябин К. И. Паразитические Trematodes и Nematodes, собранные экспедицией проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британской Восточной Африке и Уганде.— Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. Т. 1. [Пг., 1916].
20. Соколов И. И. В тропической Африке. От Момбасы до озера Виктория-Ньянца.— «Человек и природа». М.—Пг., 1923, № 10—11.
21. Троицкий Вл. Поездка в Центральную Африку с 21 февр. 1912 до 27 марта 1914.— «Ежегодник Зоологического музея Академии наук». Т. XX. Пг., 1915, № 2.
22. Эггерс Ф. О. Новые и малоизвестные виды семейства Diopsidae в Бри-

танской Восточной Африке.— Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. Т. 1. [Пг., 1916].

23. Эггерс Ф. О. О строении стебельчатых глаз Diopsidae.— Научные результаты зоологической экспедиции проф. В. А. Догеля и И. И. Соколова в Британскую Восточную Африку и Уганду в 1914 г. Т. 1. [Пг., 1916].
24. Юнкер В. В. Путешествия по Африке (1877—1878 и 1879—1886). М., 1949.
25. Valskaya B. A. The Contribution of the Russian Geographical Society to the Exploration of Africa.— The Countries and Peoples of the East, Selected Articles. M., 1974.
26. [Dogiel V. A. and I. I. Sokolow]. Scientific results of the Zoological Expedition to British East Africa and Uganda made by prof. V. Dogiel and I. Sokolow in the year 1914. Vol. 1. [Pg., 1916].

Архивные материалы

27. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР. Ф. 923, оп. 1, № 71.
28. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР. Ф. 960, оп. 1, № 50.

С. Л. Милявская

АФРИКА В ПЕРВЫХ РУССКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

Русская общественность всегда с интересом следила за событиями, происходившими в африканских странах. Уже в первой русской газете «Ведомости», основанной еще Петром I¹, в числе прочих публиковались заметки и об африканских странах и народах.

Сведениям об Африке отводилось место и в первых русских книгах, посвященных географии («География или краткое земного круга описание. Напечатано повелением царского Величества в типографии московской. Лета господня 1710 в месяце марте»; «Введение в географию служащее ко изъяснению всех ланд-карт земного шара с государственными гербами, и описание сферы с толкованием оной, ее кругов, движения звезд, древних и новых систем света и употребления глобусов и мер географических с фигурами». М., Печ. при имп. Моск. ун., 1771), истории («Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия на немецком языке сложенное, та же чрез Ионна Фридерика Крамера же повелением государя царя, и великого князя Петра Первого всероссийского императора, на российский с латинского переведенное. Печатано в Санкт-Петербурге, 1718, декабря в 5 день»), языкам («Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы Екатерины II. Обработал и издал П. С. Паллас. Отд. 1—2. СПб. тип. Шнора, 1787—1789») и другим проблемам. Многие из этих сведений были собраны и проанализированы А. Б. Давидсоном и В. А. Макрушиным в книге «Облик далекой страны» (М., 1975).

Сведения об Африке мы находим и в первых русских энциклопедиях, где печатались статьи, посвященные африканским странам, народам и их обрядам, политическому устройству, общественной жизни и другим вопросам.

Первой русской энциклопедией, по мнению некоторых русских [11, вып. 3, стлб. 1937—1938; 7, с. 1] и советских [4, с. 7] библиографов, является двухтомное «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочиненный и по азбучным словам расположен-

¹ Издавалась в Санкт-Петербурге в 1702—1727 гг.

ный П. П. священником Иоанном Алексеевым²», изданное в Москве в конце XVIII в. (т. 1, в Университетской тип. у В. Огорокова, 1793, 783 с.; т. 2, в Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1794, 1037 с.).

«Пространное поле» Алексеева задумано было как многотомное издание, но в свет вышло только два тома, которые содержат слова, начинающиеся на первые две буквы алфавита. Каждый том имеет оглавление.

Африканский словник невелик: лишь 13 слов. Такая, например, статья-справка, как «Абасия или Абиссиния», содержит сведения о границах государства и его политическом устройстве; в ней приводятся данные о занятиях населения этой страны и исповедуемой им религии. Статья эта занимает всего одну страницу (объем статей, вероятно, обусловлен в первую очередь объемом сведений, собранных Алексеевым), зато на четырех страницах дается справка об «Акара»: «Великое королевство Акарское,— как значится в статье,— лежит при конце Золотых берегов, где англичане, голландцы и датчане по особливой и знатной крепости построили, а сим способом весьма уважили свою коммерцию, как со стороны обогащения золотом, так и безопасности от арапов и от прорих. А ежели французы с сими народами в войне, то для покупки и продажи товаров корабли свои посылать принуждены в Юду, Лампи и Ардес. Ардес граничит с королевством Бенинским» (т. 1, с. 193).

«Королевство Акара» — не что иное, как Акра и окружающие ее области, объединенные единой властью (подобные политические объединения называли тогда в Европе королевствами).

В сущности, вся статья посвящена описанию торговых интересов европейских стран. В статье отмечается, что больше всего золота европейцы вывозили из Золотого Берега, а рабов — из Того и Дагомеи («в Лампи и Юда больше всего арапов покупают». Т. 1, с. 195). Из статьи мы узнаем, что «в реченном селении малом Акаре, живущие арапские купцы к торгам и купечеству так смышленны, что почти одни они отправляют оптовую покупку и мелочную продажу товаров» (т. 1, с. 194).

Довольно подробно описывается работорговля, даются даже сведения о стоимости раба и прибыли, получаемой работорговцами.

Огромные размеры работорговли, опустошавшей африканские страны, поражают автора. В статье «Ангола» читаем: «Удивительное дело, как еще в тамошних землях люди не выведутся; потому что одни португальцы почти через год до пятнадцати тысяч душ арапов в свою Бразилию вывозят и другим европейцам продают» (т. 1, с. 451).

Здесь же отмечается, что вместо денег за рабов платят ста-

² «Священник Иван Алексеев, известный своими переводами на русский язык: с греческого — исторической библиотеки Диодора Сицилийского, а с латинского — достопамятных деяний и изречений (Factorum dictorumque memorabilium lib. IX) Валерия Валерия Максима» [13, с. 253].

рыми сукнами, перинами, сетками, кружевами, обоями и подобными товарами. «Их король (имеется в виду Ангола.— С. М.) имеет малую власть и весьма ограничен португальцами... Португальцы внутри ангольского королевства весьма сильны, и большая часть в завоеванных ими провинциях живущих арапов поданные короны Португальской, которой все оныя провинции ежегодную дань арапами платят» (т. 1, с. 452—453).

О происках французов в Западной Африке мы узнаем из небольшой заметки «Ардес, или Ардр». В ней сказано: «Французы думали получить, и тамошний арапский король присылал во Францию в 1670 году своих послов, только все сие намерение успеху не имело, для того, что земля короля сего весьма мала, и кроме купли арапов никакой другой коммерции иметь там не возможно... За Ардрским королевством есть небольшая земля Бенин» (т. 1, с. 621).

«Арапам» посвящена большая обзорная статья. Арапами в XVII—XVIII вв. в России и в Западной Европе называли всех жителей Африки, на которых смотрели как на потенциальных невольников: «Арапы, сей известный народ великим числом развозится по всем частям света, будучи невольники» (т. 1, с. 611). В статье даются сведения о невольничьих рынках, о меновой торговле: «Арапы торгуют между собою солью, медом, сарачинским пшеном, горохом, бобами, цитронами, померанцами и другими к житью человеческому нужными вещами» (т. 1, с. 611—612); «Абиссинские караваны всякой год с золотым песком в Египет, а особливо, в город Каир ходят где сей золотой песок на надобные им египетские и европейские товары меняют» (т. 1, с. 612—613). Описана меновая торговля золотом и солью между «тамбуктанскими» и «марокскими» «арапами» («Выходящие из Тамбукту караваны великое множество золота с собою вывозят, которое потом во все Марокское королевство разделяется» (т. 1, с. 615).

Здесь же мы узнаем о подати, которую взимают местные правители с торговцев: «Алкайровы приставники, или караульные... берут на короля, или Алкаира своего двенадцатую часть соли, а со всякого фунта золота по одной унции» (т. 1, с. 615).

В этой же статье указывается на существование торговых связей между народами Африки и Азии: «Они (т. е. „арапы“.— С. М.) больше всех мест ездят в Щастливую или Богатую Аравию, а из Индийских городов в Гою, Гамбаи, Бенгал и Суматру... Мореплаванию арапов научили португальцы, к которому они от природы давно склонны. И как португальцы с прочими европейцами около трех сот лет, т. е. как путь в Индию чрез остров Капде-Бон-Эсперанс отправился, при дворе цесарей Абиссинских начали быть: с того времени склонность к наукам и знание торговли с иностранными получили Арапы» (т. 1, с. 612).

Конечно, считая, что европейцы привили африканцам вкус к торговле и склонность к наукам, автор статьи ошибается: хорошо

известно, что еще задолго до появления португальских мореходов у берегов Африки существовала торговля между внутренними областями Африки и Средиземноморьем. На побережье Верхней Гвинеи складывались свои системы письменности. Что же касается мореплавания, то действительно бытовало мнение, что «арабы к нему непричастны», однако позднейшие исследования показали, что арабам были хорошо известны берега Восточной Африки и Индийского океана задолго до XIX в. Теперь мы знаем несколько трактатов по арабской навигации [5; 14; 15; 16; 17].

В обзорной статье «Африка» (она несколько меньше по объему, чем «Арапы») указывается этимология слова «Африка» и приводится физико-географическое описание этого континента, а также сведения о политическом устройстве расположенных на нем государств, занятиях населения, ремеслах, религии, торговле. Перечисляя африканские страны, автор пишет: «Главнейшая земля, из коих Африка состоит, суть: Египет, принадлежащий турецкому султану, под покровительством коего еще находятся Алжир, Тунис, Триполис, Варвария, где примечать надлежит во первых императора Марокского, пустыня Зара, Нубия, Абиссиния, Эфиопия, в которой находится Нигриция, Гвинея, Зангебар и прочие страны кафров и готтентотов» (т. 1, с. 771). А характеризуя политическое правление африканских стран, он отмечает: «Выключая природных правителей владеющих по большей части самодержавно, султан Турецкий управляет Египтом чрез наместника. В Африке находятся еще многие такие народы, которые не признают над собою никакой власти, но живут вольно» (т. 1, с. 772). Таким образом, от автора не ускользнул тот факт, что народы Африки находились на различных стадиях социального развития.

Любопытна статья под названием «Берега морские», где описываются разные государства, находящиеся по берегам Средиземного моря и Атлантического океана: «1. Гвинейский берег, содержащий в себе другие многие называемые берега: Малагета, Зубной берег, Золотой берег и Невольничий берег... 2. Конгский берег... в нем находится 4 государства: Лоанго, Коанго, Ангола и Бенгуела... 3. Кафрский берег, разделяемый на три части — на северную часть; здесь находится королевство Матамин. На Южную часть, здесь находится: 1. Земля готтентотов... 2. Тиерра де Наталь... 3. Восточная часть, или Сена... здесь находится 6 королевств между которыми... принадлежащее португальцам государство Софала; 4. Цангебарский берег... португальские города: Мозамбик, Квиллоа и Момбаза; 5. ... берег Аиан лежит между Зангебаром и проливом Баб-аль-Мандаб» (т. 2, с. 311—312).

Труд Алексева был компилятивным, составленным, по выражению самого автора, из «самочистейших источников, наилучших и достовернейших как российских, так и иностранных авторов». Оба тома «Пространного поля» получили отрицательный отзыв русских академиков Иоанна Иоанновича Красовского, Александра Сергеевича Никольского, Петра Борисьевича Иноходцева, Васи-

лия Михайловича Севергина, Александра Федоровича Севастьянова [12, с. 11—35] и президента Российской Академии наук Андрея Андреевича Нартова³ (цит. по [13, с. 253]), после чего издание приостановилось.

Однако отдельные сведения об Африке, помещенные в «Пространном поле», несмотря на скудость и случайность подбора материала, дают все же некоторое представление о географии, истории, экономике, колониальном проникновении, размерах торговли и работорговли в Африке в те времена.

Географическое описание Африки соответствует уровню географических знаний того времени. Не только в России, но и в общеевропейском масштабе Северная Африка называлась Варварией, Африка южнее Сахары — Эфиопией или Нигрицией, Красное море — Черным морем, пустыня Сахара — Зарой, берега Верхней Гвинеи — Малагетой или Перечным берегом, Зубным, Золотым и Невольничьим берегами.

В начале XIX в. возрастает спрос русской читающей публики на словари энциклопедического характера.

Высказываются пожелания о необходимости издания недорогого энциклопедического справочника по образцу зарубежных. Одна из попыток такого рода была предпринята секретарем Вольного общества любителей российской словесности Андреем Афанасьевичем Никитиным. Говоря о целях и задачах Общества, он ставил вопрос о необходимости издания журнала, словарей, энциклопедических словарей, через посредство которых можно было бы нести просвещение в массы. В его докладе от 6 марта 1817 г. приводилась и краткая программа создания энциклопедии (цит. по [1, с. 56]). О необходимости издания в России энциклопедии он писал и в 1818 г. (цит. по [7, с. 4]), но поддержки и сочувствия у членов Вольного общества любителей российской словесности не получил.

В 1823—1826 гг. московский типограф Семен Иванович (Аникеевич) Селивановский предпринял попытку издания первого⁴ [8, с. 329] в России «Энциклопедического словаря». Это издание, как и «Пространное поле», не было доведено до конца (всего вышло из печати три части) и кончалось статьей «Бургундия», которая не была допечатана и прерывалась на словах «усиливаясь раз...». Известный библиофил и библиограф С. Д. Полторацкий пишет,

³ «Передавая книгу на суд академиков, президент Российской Академии Нартов заявил собранию, что он нашел в „Пространном поле“... великое множество статей, несправностию и пустословием исполненных», и в доказательство этого своего мнения привел статью о бичах, в которой говорится: «Бичи сначала в Россию приходили морем из Стокгольма и из Лондона; ныне же для чего оные из иных земель вывозить, взирая на благоцветущее состояние всех художеств в отечестве нашем» [13, с. 253].

⁴ «Пространное поле» как энциклопедию не воспринимали [3, вып. 7, стлб. 1247—1248]. В течение 1820—1826 гг. [11, вып. 10, стлб. 1938—1940], по другим данным, 1822—1826 гг. [11, вып. 10, стлб. 1913], 1823—1825 гг. [4, с. 10] и даже существовало мнение, что до 1831 г. [8, с. 344—346] словарь продолжал печататься.

что словарь «никогда не поступал ни в продажу, ни в обращение» и представляет библиографическую редкость. «Все три части без заглавных листов и без последних страниц, потому что все это не было допечатано»⁵.

История этого издания весьма любопытна. Известный библиофил И. М. Остроглазов рассказывает: «Семен Аникеевич в начале двадцатых годов текущего столетия, при содействии литераторов и ученых, с которыми был в дружественных отношениях, предпринял издание Энциклопедического словаря. Предполагая выпустить его в свет сразу весь, а не по частям, он не объявлял об этом своем предприятии, а готовил издание словаря, так сказать, в тиши и, по мере приготовления статей в алфавитном порядке печатал его в своей типографии, подвергая предварительному просмотру Московских цензоров, тоже своих приятелей» [8, вып. 11, с. 338].

Все три части «Энциклопедического словаря» С. И. Селивановского (1820—1826), как отмечал современник издателя С. А. Соболевский, «сделались библиографической редкостью первой степени» [11, вып. 10, стлб. 1938]⁶.

Причиной прекращения издания этой энциклопедии была, по видимому, связь С. И. Селивановского с участниками восстания декабристов⁷.

Один из участников восстания, барон В. И. Штейнгель, в своих показаниях следственной комиссии упомянул, что в «Энциклопедическом словаре» С. И. Селивановского помещают статьи, «не могущие выдержать цензуры» (цит. по [7, с. 7]).

Этих слов оказалось достаточно, чтобы «подозрительные бумаги» вместе с тремя томами «Энциклопедического словаря» по распоряжению Николая I были конфискованы и переданы на рассмотрение Комиссии о злоумышленных обществах. 10 мая 1826 г. в 4 часа утра московский обер-полицмейстер «прибыл в дом С. И. Селивановского, забрал у него издаваемую им Энциклопедию, в трех книгах уже напечатанную и нескольких тетрадях заготовленную...— извещал генерал-фельдмаршала графа И. И. Дибича московский военный генерал-губернатор князь Дм. В. Голицын письмом от 10 мая 1826 г.— Оставив сего Селивановского под секретным полицейским надзором, я вместе с тем приказал

⁵ Текст автографа С. Д. Полторацкого на обложке подаренного им Библиотеке Румянцева экземпляра книги (ч. 1).

⁶ По сведениям советского библиографа И. М. Кауфмана, «известные нам полные экземпляры хранятся в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина из собрания Полторацкого с его автографом, в Пушкинском доме из собрания М. Н. Лонгинова с его автографом, в Библиотеке Большой Советской Энциклопедии» [4, с. 14].

Все заготовленные экземпляры энциклопедии, «по словам Евгении Антоновны Селивановской, проданы были, просто как бумага, на вес и пошли на обертки».

⁷ Существует и другое предположение, согласно которому причиной прекращения издания послужила новая деятельность С. И. Селивановского-откупщика, а возможно, боязнь конкуренции Плюшара, который в начале 30-х годов задумал издание «Энциклопедического словаря».

остановить и дальнейшее печатание Энциклопедии впредь до высочайшего разрешения» (цит. по [7, с. 7—8]).

Исследователь истории книгопечатного дела В. И. Маслов пишет, что «в Государственном Архиве среди дел декабристов находится папка бумаг под заглавием „Дело о рассмотрении Комитетом Энциклопедии и других бумаг, отобранных у московского типографщика, 7 мая 1826 г.“» [7, с. 6]. В этом деле находится перечень имен двадцати переводчиков, работавших над статьями для словаря С. И. Селивановского, и среди них имя — Вильгельм Кюхельбекер [7, с. 9]. Однако явных свидетельств, которые указывали бы на стремление декабристов отразить свои взгляды в статьях об Африке, вошедших в это издание, нет.

Из 1923 статей, помещенных в словаре С. И. Селивановского, 19 посвящены Африке. В статье-справке «Абиссиния иначе Габеш, Эфиопия или Мавритания» (ч. 1, с. 19—23) даются сведения о территории этой страны, о числе жителей (до 1 800 000), о системе правления (император, носит название негуса, престол наследствен по мужской линии), о природных ископаемых, предметах торговли (золото, слоновая кость, пряные корни и др.), о религии и др. Есть в словаре статья «Аксум». Особая статья «Адула» посвящена одному из городов этого государства, через который проходили торговые пути из Аксума в Аравию.

В статье «Ашанти» кратко изложена история образования «королевства», в котором до миллиона жителей. Интересно замечание автора о том, что «власть короля деспотическая», но ограничена советом аристократии, жители Ашанти «имеют некоторую образованность, искусны в крашении шерстяных изделий, металлических и горшечных работах и других; также в строении, чему служит доказательством дворец» (ч. 2, с. 441). Процветает торговля; развиты военные организации, насчитывающие 200 тыс. воинов. Статья «Ашанти» подписана инициалами «И. С.», а составлена, очевидно, по данным работы англичанина Баудича. Целью его миссии в Африке было установление дипломатических и торговых связей Англии с государством Ашанти, так как через эту страну проходили торговые пути в глубь Африканского континента. Автор статьи пишет, что в 1817 г. миссия Баудича отправилась «к ашантийскому королю для восстановления мира между сим королем и фантиями, живущими близ английских крепостей, равно и для заведения ближайших торговых сношений» (ч. 2, с. 440).

Статья «Александрия» знакомит с историей этого города и его достопримечательностями. В статье «Абукир» описывается знаменитое абукирское сражение у берегов Африки, когда 1 августа 1798 г. английский флот под началом Нельсона разгромил французов.

Естественно, что самая обширная статья посвящена самой Африке (ч. 2, с. 418—419). В статье дается физико-географическая характеристика континента: «Африка ограничивающаяся на севере Средиземным морем, на Востоке Азией, Черным и Ин-

дийским морями, на Юге и Западе Эфиопским морем и Атлантическим океаном...» (ч. 2, с. 419); описывается флора и фауна. Касаясь этногенеза, автор статьи высказывает весьма необычные для того времени взгляды. «До сих пор,— пишет он,— тщетно старались изъяснить, откуда Африка получила первых своих обитателей, и сей вопрос может остаться навсегда не решенным, ежели не согласимся, что белые и черные имели одного родоначальника и цвет африканцев есть следствие перпендикулярного падения солнечных лучей». Далее автор пишет: «Часть Африки, прилегающая к устью Нила, под настоящим именем своим именована была не только известна в древнейшие времена, но и почиталась колыбелью торговли, искусств и наук; однако ж и в то время, когда Египет находился на высочайшей степени благосостояния, кажется, глубокий мрак окружал пределы его, и все не принадлежащее к Египту, было известно под общим именем Нигриции» (ч. 2, с. 419). Численность населения всего материка, по сведениям автора, от 10 млн. до 120 млн.; «должно думать, что внутренность Африки чрезвычайно населена, потому что в течение двух с половиной веков она доставила на продажу 40 миллионов сильных и взрослых невольников и не опустела... Число всех языков употребительных в Африке, полагается до 150. Из коих известны европейцам только 17» (ч. 2, с. 423).

Интересны сведения о языках. «Главные языки,— читаем в статье,— суть: Арабской, господствующий во всем севере даже до Юлибы (т. е. Джолибы. Название Нигера на языке мандинго.— С. М.) ... различные от онаго Варварийский и Шеллуйский (т. е. шилх, а не шеллуки, о котором ничего тогда не знали.— С. М.) языки в Варварии и около Атласа. Язык Мандингский, в общем употреблении от Сенегала до Юлибы, на западных берегах говорят отчасти испорченным португальским, а в Габеше Тигрским и Амгарским языками. Язык негров почти столь же многообразен, как и самые сии народы: полагают, что в одной Сагаре говорят на 43 наречиях» (ч. 2, с. 423—424).

В статье уделяется немало места караванной торговле между «маврами» и «неграми», европейцами и африканцами. «Огнестрельный порох, ружья, водку, табак, разного рода сукна, бусы и тому подобное» (ч. 2, с. 425) европейцы меняли на невольников слоновую кость, золото и гумми.

Обращает на себя внимание тот факт, что автор с большим осуждением пишет о работорговле: «Хотя большая часть европейских народов оставили посрамляющий человечество торг невольниками, однако ж все еще можно полагать до 50 000 негров ежегодно похищаемых из внутренности Африки турками, португальцами, французами, Северо-Американцами и даже английскими подданными, ведущими запретный торг. Число невольников ежегодно отвозимых в одну Вест-Индию, полагали прежде до 105 000 не считая тех, которых кирманы влекли в Азию, а Северо-Американцы в свои южные области» (ч. 2, с. 425).

Подробно освещается европейское проникновение во «внутрен-

ность Африки», которое, как отмечается в статье, проходило «с четырех сторон: от Мыса Доброй Надежды, от Сенегала, от Триполиса и из Египта, где течение Нигера, источники Нила и Тимбукту остаются еще неизвестными» (ч. 2, с. 429).

В статье приводятся имена путешественников, посетивших Африку по поручению «Лондонского Африканского общества... равно как старанием английских консулов и английских библейских и миссионерских обществ: англичанин Баудич — Ашанти, немец Буркхард — Нубию, Горнманн Рентген (последний по пути в Томбукту недалеко от Могодора был убит.— С. М.), Леод — Дагомею. В 1821 г. трое англичан Г. Мудней, морской офицер Клапerton и сухопутной службы офицер Денман и лорд Батурстом отправились в Триполи, чтобы оттуда через Мурцук пробраться в Борну и отыскать течение Нигера; в 1818 г. французом Гаспаром Молльеном было предпринято путешествие к источникам Сенегала и Гамбии; путешествие Баррова в 1797 г. и агента лондонского миссионерского общества Джона Камбелля, совершенное в 1818—1825 гг. от Мыса Доброй Надежды к бечуанам. Путешествие Бурхеля от Мыса Доброй Надежды во внутренность Африки» (ч. 2, с. 427—428).

Отдельная статья посвящена лондонскому «Африканскому обществу (African association)», созданному в конце XVIII в., целями которого были «открытия во внутренней части Африки, образование негров и содействие пользе Английской торговли в Африке». Африканское общество предоставляло большие средства на исследование континента в интересах использования его как источник сырья и рынок сбыта. В статье перечисляются путешественники, побывавшие в Африке на средства общества: англичане Ледайд и Лукас, майор Гугтон, Мунго Парк; немцы Горнман и Буркхардт.

В статье «Африканское общество» говорится и об Африканском институте (African Institution), первое заседание которого состоялось 14 апреля 1807 г. (цель института и Общества одна). В этой же статье также описывается и деятельность Африканского торгового общества (African company), учрежденного в 1750 г. по распоряжению английского парламента для «поддержания крепостей и владений на Западном Берегу Африки и доставлении оным съестных припасов, на который предмет Парламент и отпускает ежегодно 13 000 фунтов стерлингов» (ч. 2, с. 430).

В статье даются обстоятельные сведения о важнейших караванных дорогах Африки того времени, в частности путях через Сахару, на которых размещались специальные места со складами для товаров. Указывался не только маршрут, но и время, нужное для его прохождения. «1. Из Мурцука, столицы Королевства Фецанского в Каир, чрез торговые и складочные места Сивах, Авгилу и Темиссу, 30 дней езды. 2) Из Мурцука в Борну чрез степи Билму и Тидести. Торговые и складочные места суть: Темисса, Домбу и Канем, 50 дней. 3) Из Мурцука в Касхну, чрез Гиаттс,

Ганатт и Агадес 60 дней. 4) Из Фецца в Тимбукту, 54 дня; но пребывание на складочных местах на пр. Акке или Татте, на обыкновенном сборном месте в Тегацце и Ароане, продолжается 65 дней, следовательно для сего каравана всего 129 дней. 5) Другая дорога вдоль по морскому берегу ведет туда же чрез Вединун мыс Боядор и Гвалату. 6 и 7) Отправление караванов из Сеннаара и Дарфура в Египет бывает не каждый год постоянно, но чрез два или три года. В таком караване состоит от 500 до 2000 верблюдов. Оный в час проходит 3 англ. мили, а в день идет от 7 до 8 часов» (ч. 2, с. 430—431).

Среди статей об Африке лишь две («Аксум» и «Ашанти») подписаны инициалами «И. С.». Известный «книголюб и книго-собираатель» И. М. Остроглазов предположил, что под этими инициалами скрыто имя Иван Михайлович Снегирев — имя археолога, профессора и преподавателя Московского университета [9, с. 343—344].

Все девятнадцать статей, посвященных африканской тематике, соответствуют общеевропейскому уровню знаний того времени.

В 1835—1841 гг. в Петербурге вышла третья по счету русская энциклопедия «Энциклопедический лексикон» (т. 1—17), известная под названием «Лексикон Плюшара» (названная так по имени его издателя).

Выход в свет этого «Лексикона» был большим событием для России первой трети XIX в.

«Лексикон Плюшара» для нас интересен не только как одна из первых русских энциклопедий, которая должна была явиться «книгой русской для русских», где должны были быть отражены все стороны жизни русского народа и государства, но и как первая русская энциклопедия, в составлении которой наряду с учеными — специалистами в разных областях знаний принимали участие и русские востоковеды. Как сообщается в предисловии к первому тому «Лексикона», «все, что относится к Азии, преимущественно к Востоку магометанскому, история, география, языкознание, литература Востока, сверх того статьи о древней и новой истории, географии и литературе Египта и Северной Африки, история завоевания аравитян в Европе и многия другия статьи, более или менее относящиеся к сим предметам, обязаны существованием своим в энциклопедическом лексиконе О. И. Сенковскому. Под его руководством занимались два молодых ориенталиста П. С. Савельев и В. В. Григорьев» (т. 1, с. VIII—IX).

К участию в издании «Лексикона» был привлечен крупный востоковед, арабист Осип Иванович Сенковский, который стал главным редактором отдела Востока «Энциклопедического лексикона», а начиная с издания 12-го тома О. И. Сенковский стал во главе общей редакции. Он же «написал программу Лексикона умную и дельную», как оценил ее Н. И. Греч [3, вып. 7, стлб. 1250].

Перу О. И. Сенковского принадлежат исторические очерки мусульманских династий «Аббасиды», «Аглабиды» и статьи «Александрийская библиотека», «Аменофис», «Анубис» и др.

Интересна статья О. И. Сенковского «Восточные языки, восточные литературы». В ней представлено «ученое распределение и группы, которые они образуют в филологии». Автор дает классификацию востоковедных специализаций, сложившихся к тому времени: 1) арабисты; 2) гебраисты; 3) индологи; 4) монголисты; 5) синологи; 6) египтологи.

В разделе «Египтологи» О. И. Сенковский довольно резко отзывается о современных ему ученых, занимающихся древним Египтом без достаточного знания восточных языков. «Египтологи. Самое название их показывает, что они занимаются Египтом и иероглифами. С легкой руки доктора Юнга и Шампольона-младшего,— пишет О. И. Сенковский,— теперь наплодилось множество таких ученых. Мы даже и не причисляли бы их к ориенталистам, если б ошибки, которые им удалось уже наделать, не убеждали в необходимости для них основательного знания языков еврейского и арабского, кроме коптского и греческого» (т. 12, с. 111).

Открытие Шампольона О. И. Сенковский считал удачной находкой. «Счастливый случай,— писал он,— привел младшего Шампольона к замысловатому, примечательному и неожиданным открытию. Следуя по стопам Юнга, который предшествовал ему в сих трудных разысканиях, почитавшихся уже пустыми и бесполезными, он угадал, так сказать, тайны изидиных жрецов».

О. И. Сенковский всячески взывает к основательному изучению египетских древностей не только в Европе, но и в России: «Почему и нам не искать чести и не желать отличий на этом поприще, которое открывается перед всею Европою и без сомнения чрезмерно расширит область ея познаний? Почему не надеяться, что имена наших соотечественников присоединятся к именам ученых, которым науки будут столь многим обязаны? Мы можем и должны предвидеть это» [10, с. 4].

Другой талантливый востоковед и археолог-нумизмат, общий редактор последнего, 17-го тома «Лексикона Плюшара» Павел Степанович Савельев, был автором статьи «Александрия», в которой излагал историю, сведения о демографических данных, о достопримечательностях древнего города. Ему же принадлежит большая статья (на 8 столбцах) о мусульманских династиях, ведущих свое происхождение от халифа Али,— «Алиды». П. С. Савельев же написал статью о династии курдских государей, царствовавшей в Египте и в разных частях Сибири, Месопотамии и Йемена,— «Аюбиды». Статья об одном из полководцев первых времен ислама, завоевателе Египта, «Амру, ибн эль Асс» также написана П. С. Савельевым. Он же автор статьи «Бельцони», посвященной путешественнику, в начале XIX в. побывавшему в Египте и Западной Африке и скупавшему древности Египта для Лондонского музея. Очевидно, он и автор статьи, подписанной «П. Е. С.»⁸, «Амилкар» (о жарфагенских военачальниках).

⁸ Среди расшифровки инициалов, которые имеются в начале тома, эти инициалы не значатся. Савельев подписывался П. С. С. Исходя из тематики, можно предположить, что здесь имеет место опечатка.

Известному востоковеду Василию Васильевичу Григорьеву принадлежат очерки «Альмогады» и «Альморавиды» (о династиях, правивших в Северной Африке и Испании).

Для «Лексикона Плюшара» писали и специалисты по военному делу. Так, один из редакторов этого издания, генерал-майор Владимир Богданович Броневский, был автором статьи «Абукир», в которой дан подробный очерк морского сражения между английским флотом контр-адмирала Нельсона и французским флотом вице-адмирала Ф. Брюде в 1798 г.

Подполковник князь Николай Сергеевич Голицын дополнил эту статью сведениями об июльском сухопутном сражении Наполеона Бонапарта с турецкими войсками, происшедшем в 1799 г.

Н. С. Голицыну принадлежит также статья «Алжирския экспедиции», в которой изложена история испанских завоеваний в Северной Африке, начиная со времен императора Карла V, в 1525 г. высадившего на берега Африки двадцатитысячное войско, а также английские и голландские «экспедиции» в страны Средиземноморского побережья и кончая французской блокадой Алжира в 1830 г.

Генерал-майор барон Людвиг Иванович Зедделер, также один из редакторов «Лексикона Плюшара», написал статью о карфагенском военачальнике — «Аздрубал». Ему же принадлежит интересная подробная статья под названием «Алкасаркивирская битва». Битва, о которой рассказано в статье, произошла 4 августа 1578 г. между португальским королем Себастианом, вторгшимся в Марокко, и марокканским султаном Абдель-Меликом. В ней доблестно сражалась марокканская конница. Марокканцы в рукопашном бою истребили португальцев. Вследствие этой битвы Португалия на некоторое время подпала под иго Испании.

Капитан Семен Андреевич Маркевич написал статью «Аннибал», в которой описал историю Пунических войн.

Географ и натуралист Павел Ше написал статью «Бамбук». Область Бамбук, что в верховьях Нигера, хорошо известна как центр добычи золота (наряду с Буре и Ашанти). Из-за наличия на ее территории богатых золотых рудников французы прозвали эту область «Африканским Перу». В статье автор излагает историю проникновения в страну португальцев и их изгнания в XVI в.: «Жители, притесняемые пришельцами (португальцами.— С. М.) и принужденные разрабатывать для них золотые рудники,— пишет он,— по прошествии столетия возмутились и умертвили всех европейцев, угрожая смертной казнью всем, кто впредь осмелится проникнуть в их землю... Правление в Бамбуке монархическое, но власть государя ограничена влиянием старшины каждой деревни» (т. 4, с. 239).

Один из редакторов «Лексикона Плюшара», ученый магистр, священник Федор Федорович Сидонский, был автором статей по истории церкви — «Абиссинская церковь» и «Авелиты (Авелиане)» (о христианской секте, существовавшей в Северной Африке в конце IV в.).

Иван Федорович Штукенберг написал физико-географический очерк «Гамбия».

Фома Иванович Петрушевский написал статью «Артаба» (о мере вместимости жидких и сыпучих тел, существовавшей в древнем Египте).

Собственно, на этом заканчивается список авторов, чьи подписи значатся под африканскими статьями.

В «Лексиконе Плюшара» отразилось критическое отношение к источникам и нередко оспаривается правильность того или иного толкования в зарубежных энциклопедиях и литературе. Для примера укажем на статью «Альме»: «Французские романисты, энциклопедии и лексиконы уверяют, что это арабское слово, что оно значит — ученая и что на Востоке так называются женщины, занимающиеся импровизированием стихов, пением и пляскою на публичных празднествах». Автор статьи, возражая против подобной трактовки этого слова, пишет: «Все это должно остаться на ответственности французских романистов, энциклопедий и лексиконов. Денон, кажется, первый употребил это слово в своем Путешествии по Египту, вероятно дурно расслышав какое-нибудь другое выражение. В Египте такие женщины называются *гавазы* „покровительницами сердец“, в Сирии и Аравии *раккасе*, „танцовщицами“, у турок *зенги*, „музыкантшами“. Они то же, что индийския боядеры» (т. 1, с. 556). Таким образом, «Энциклопедический лексикон» дает в этой статье другую трактовку термина «альме» и объединяет все термины, перечисленные в отдельной статье «Танцовщицы Восточные», на которую дает отсылку⁹.

«Энциклопедический лексикон» содержит 204 статьи, посвященные Африке (издание остановилось на слове «Диодор»). По своему содержанию «Лексикон Плюшара» богаче и полнее «Энциклопедического словаря» Селивановского, где от «А» до «Бургундия» насчитывалось 19 статей, посвященных Африке. В «Лексиконе Плюшара» на эти буквы приходится 120 статей.

Обращает на себя внимание, что авторы статей в обеих энциклопедиях пользовались одними и теми же источниками. Так, авторы статей (которые у Селивановского подписаны И. С.) «Абдула» и «Аксум» ссылаются на работу английского консула в Египте Солта (Salt), что вполне понятно, так как время выхода обеих энциклопедий отделено всего десятью годами.

Большая обзорная статья «Африка», помещенная в «Энциклопедическом лексиконе», дает характеристику континента и содержит девять разделов:

«I. Название Африки» (история происхождения названия); «II. Понятие древних об Африке...»; «III. Открытия европейцев в Африке...»; «IV. Наружный вид Африки» (т. е. физико-географическая характеристика); «V. Африканский человек» (отдельные

⁹ Статья не подписана, однако хорошее знание языков и обычаев Востока, отраженных в этой статье, дает нам право предположить, что автором ее был О. И. Сенковский.

сведения по этнографии и антропологии); «VI. Политическое разделение Африки...»; «VII. Минералогия Африки...»; «VIII. Зоология Африки...»; «IX. Ботаника Африки...» (т. 3, с. 453).

Вся статья занимает 62 столбца, набранных петитом. Она дает подробные сведения по физической географии, геологии, флоре и фауне. Однако подробного материала о быте, духовной культуре, политическом и экономическом строе африканских народов в этой статье мы не найдем. Жителей стран Африки, расположенных южнее Сахары, называют эфиопами. «Племя,— говорится в статье,— наиболее распространенное в Африке, есть негрское, которое называют также эфиопским, по примеру древних (имеется в виду Геродот.— С. М.). У нас в России людей этого племени зовут „арапами“, словом, заимствованным от татар, и часто смешивают с арабами, или аравитянами, которые совсем другого происхождения и не черны... Все эфиопские или негрские народы образуют одно племя» (т. 3, с. 470). Здесь употребляется слово в старом значении: племя — единый по происхождению народ.

Довольно велико число статей о Западной Африке. Например, в статье «Гвинея» дается общее понятие этого термина, приводятся колониальные названия Гвинейского побережья (по названиям предметов вывоза — берега: Перечный, или Зерновый, Слоновый, Золотой, Невольничий).

Кроме того, есть статьи об отдельных народах и странах Западной Африки: «Бамбара», «Дагоми», «Ашанти», «Бенин»; о городах Западной Африки: «Дакар» (в «Лексиконе» указывается место в африканской пустыне, изобилующее солью), «Драмане» (город на р. Сенегал, 4000 жителей), «Дженни» (город, в котором ведется большая торговля невольниками и золотым песком), «Джоаг», «Джарра, Джара» (город с каменными домами», указывается в статье); «Правительственная и судебная власть в руках мавров».

Здесь же мы узнаем интересные подробности об африканских народах. Например, в статье «Джалобы — замечательный народ в Сенегамбии» описан антропологический тип, указано, что они занимались земледелием и скотоводством и у них «в особом презрении были певцы и ремесленники» (т. 16, с. 234). «Джалонки» — «слабый народ в Сенегамбии — был поработен фулами» (т. 16, с. 234). В статье «Бамбара» отмечается, что у бамбар было развито земледелие: сеяли «рис, маис, ячмень, ямс, хлопчатую бумагу, лук, бобы». Занимались торговлей. Их рынками были «Дженни, Санкандинго, Сего, Ямина, Баммаку и Буре». Торговали золотом, слоновой костью, невольниками, епанчами из хлопчатой бумаги, которые они обменивали на соль, табак и другие товары. Гор. Тамбукту являлся главным складочным местом на торговом пути (т. 4, с. 236).

Большая статья «Ашанти» (т. 3, с. 506—514) посвящена «могущественному народу в Западной Африке». Описывается история создания государства на основании сообщений Боудича и Дюпуи, и даны краткие сведения этнографического характера о

населении, языке, культуре, описано жилище, ремесла, общественный строй, система управления и т. д.

Статья «Берберы» (т. 5, с. 315—320) очень обстоятельна: указаны самоназвания отдельных групп, приведены антропологические и этнографические сведения, сведения о занятиях населения и т. п.

Статей, посвященных Южной Африке, относительно мало; так, из статьи «Бетчуана» (т. 5, с. 466—469) мы узнаем, что численность народа бетчуана от 7000 до 8000, приводятся описания типа жилищ, одежды, сведения о военных организациях, ремеслах: кузнецы из меди и железа ковали цепи, делали «шпаги, шпильки, ножи, копыя и пр.»; ремесленники выделывали кожи, из дерева чашки, ложки; местные жители занимались охотой, возделывали табак, сахарный тростник. В статьях «Бошсманы, бешмены, бушманы» (т. 6, с. 483—485) и «Готтентоты» приводятся антропологические и этнографические данные, сведения о жилищах, занятиях и т. д. (т. 15, с. 44).

Статья «Африканская компания» (т. 3, с. 483) в «Лексиконе Плюшара» почти дублирует статью «Африканское общество» из «Энциклопедического словаря» С. И. Селивановского с той лишь разницей, что не сходится дата открытия этого общества: в издании Селивановского — 1750 г., в издании Плюшара — 1754 г., в «Энциклопедическом словаре» Селивановского статья полнее, в ней, как было сказано, указываются дороги, по которым проходили караванные пути.

Статья «Африканское общество» (т. 3, с. 484) приводит сведения об этой организации. Как значится в статье, оно «основано в 1788 году в Лондоне» с целью поощрять предпринимчивых людей «к открытиям во внутренности Африки, приобретать сведения о свойствах ея природных обитателей и распространять между ними образованность и просвещение... При первоначальном своем образовании общество состояло из девятиста пяти членов». Американец Джон Ледиярд был первым агентом, которого Общество направило в Африку, в Каир; Г. Лукас был из Триполи направлен в Сахару, оттуда через Гамбию на Гвинейский Берег; майор Гаутон — в Гамбию, оттуда в Бамбук; Мунго Парк — «внутрь Африки»; немец Г. Горнман — в Каир, Феццан, Борну; Г. Никольс — на побережье Бенинского залива; немец Рентгель — в Магалор, Судан; швейцарец Иоанн Лудовик Букгадрд под именем Ибраги-ма ибн-Абдуллаха в 1815 г. посетил Аравию, Нубию, Каир. Подробно описывается маршрут, по которому они должны были пройти.

В «Лексиконе Плюшара» помещена статья-справка «Африканский институт», которая полностью дублирует статью из «Энциклопедического словаря» Селивановского.

Более 100 лет прошло со времени выхода «Энциклопедического лексикона». За это время расширились и углубились наши знания об Африке. Однако ряд статей из «Лексикона Плюшара», посвященных Африке, представляет до сих пор значительный ин-

терес. По словам И. Ю. Крачковского, «некоторые статьи (Сенковского, Савельева, Григорьева) и теперь остаются ничем не заменимым первоисточником» [6, с. 113—114].

ЛИТЕРАТУРА

1. Браиловский С. Н. К вопросу о Пушкинской пляеде.—Русский филологический вестник. Т. 61. Вып. 1. Варшава, 1909.
2. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России.—«Труды Третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге. 1876». Т. 1. СПб., 1879—1880.
3. Греч Н. И. История первого энциклопедического лексикона в России (Из записок).—«Русский архив». М., 1870.
4. Кауфман И. М. Русские энциклопедии. Вып. 1. Общие энциклопедии. Библиография и краткие очерки. М., 1960.
5. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 4. Арабская географическая литература. М., 1957.
6. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950.
7. Маслов В. И. Библиографические заметки. III. Энциклопедический словарь С. Селивановского. Киев, тип. Т. Г. Мейндера, 1913.
8. Остроглазов И. М. Библиографические заметки. I.—«Русский архив». Вып. 11. М., 1890.
9. Остроглазов И. М. Библиографические заметки. IV.—«Русский архив». Кн. 3. Вып. 11. М., 1890.
10. Сенковский О. И. Египетские древности в С.-Петербурге.—«Северная пчела». 20 января 1825, № 9.
11. Соболевский С. А. Библиографические заметки.—«Русский архив». М., 1870.
12. Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. Ч. VI. СПб., Императорская тип., 1813.
13. Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 3. СПб., 1876.
14. Шумовский Т. А. Арабская морская энциклопедия XV века. М., 1960.
15. Шумовский Т. А. Арабское мореплавание до ислама.—Страны и народы Востока. Вып. I. М., 1959.
16. Шумовский Т. А. Арабы и море. Автореф. докт. дис. Л., 1957.
17. Шумовский Т. А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы в уникальной рукописи Ин-та востоковедения АН СССР. М.—Л., 1957.

Б. А. Вальская

ИЗУЧЕНИЕ АФРИКИ В ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР (1968—1978)

В декабре 1955 г. по инициативе акад. В. В. Струве и А. В. Королева в Географическом обществе СССР была создана Восточная комиссия для всестороннего изучения стран и народов Азии и Африки и для распространения географических и исторических знаний о странах этих континентов.

С 1965 г. Восточной комиссией руководит чл.-кор. АН СССР проф. Д. А. Ольдерогге. Информация о деятельности Восточной комиссии по изучению Африки с 1956 по 1967 г. была опубликована в сборнике «Страны и народы Востока» [1]. Ниже приводятся краткие сведения об изучении Африки в Восточной комиссии с 1968 по 1978 г.

1968

22 мая Восточная комиссия совместно с Отделением этнографии и Институтом русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) отметила столетнюю годовщину со дня смерти выдающегося русского географа и путешественника Е. П. Ковалевского. С докладами выступили Ю. Д. Дмитревский («Вклад Е. П. Ковалевского в изучение Африки»), Б. А. Вальская («Новые материалы о путешествии Е. П. Ковалевского на Балканах») и ученый из Югославии Н. С. Мартинович («Значение трудов Е. П. Ковалевского для Черногории»).

1969

3—6 февраля в Географическом обществе состоялась научная конференция «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке». Председатель Восточной комиссии Д. А. Ольдерогге руководил обсуждением проблемы «Население и трудовые ресурсы в системе производительных сил и факторов размещения производства в Африке»; Ю. Д. Дмитревский — обсуждением проблемы «Природные ресурсы и их использование в связи с проблемой регионального развития и размещения производительных сил в Африке», он же вместе с В. А. Пуляркиным — обсуждением вопроса «О формировании экономических районов и проблемы рационального размещения производства в странах Африки». Н. С. Бабинцева выступила с докладом «Общие вопросы развития и размещения производительных сил в Африке»; Б. А. Вальская выступила с докладом «Изучение Африки в Географическом обществе СССР». В работе конференции приняли активное участие и другие члены Восточной комиссии, а также члены Географического общества из Москвы и других городов Советского Союза [4].

19 марта Д. А. Ольдерогге на заседании Восточной комиссии рассказал о своей поездке в Эфиопию в ноябре 1968 г., где ему была вручена Государственная премия за крупный вклад в изучение истории, культуры и языков Африки.

24 декабря с докладом «Этапы формирования хозяйства Сенегала» выступил В. В. Анненков.

1970

7 января участники Всесоюзной конференции африканистов, состоявшейся в Москве в октябре 1969 г., выступили на заседании Восточной комиссии с сообщениями о ней.

19 января на совместном заседании с Отделением медицинской географии Географического общества было заслушано сообщение В. А. Елизарова «Некоторые материалы по медицинской географии Эфиопии».

24 февраля Ю. Д. Дмитревскому присуждена Золотая медаль им. П. П. Семёнова за книгу «Внутренние воды Африки и их использование» [3].

16 марта заседание было посвящено Дню независимости Маврикия. С докладом «Этнический состав населения острова Маврикия» выступил И. В. Сахаров.

10 апреля на совместном заседании Восточной комиссии и Ленинградского филиала института Африки В. Л. Шейнис выступил с докладом «Ленинское учение об империализме и „малые империализмы“ в Африке (ЮАР, Родезия, Португалия)».

20 мая заслушан доклад Д. А. Ольдерогге на тему «Род и община (к проблеме типологии общины по материалам Африки и Востока)».

21 октября на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения А. К. Булатовича, заслушано сообщение Б. А. Вальской «А. К. Булатович и Географическое общество».

1 декабря на заседании Восточной комиссии Д. А. Ольдерогге сделал доклад «Матрилинейный род и община (на примере Западной Африки)».

1971

17 февраля И. С. Кацнельсон выступил с докладом на тему «Исследователь Эфиопии А. К. Булатович, его жизнь и деятельность». Докладчик, много сделавший для изучения биографии А. К. Булатовича, сообщил о найденных им и ранее неизвестных архивных материалах об А. К. Булатовиче, которые он подготовил к печати. В заседании приняли участие представители от Сумской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры Г. Ф. Пугач и И. Л. Ольховик. Они рассказали об увековечении памяти А. К. Булатовича в селе Луцыковка, где похоронен путешественник.

31 марта заслушано сообщение М. Б. Горнунга «К истории денежного обращения и монетной системы Эфиопии».

13 апреля был заслушан доклад В. В. Матвеева «Гардаёя и Герара — города мзабитов».

15 октября на совместном заседании Восточной комиссии и Отделения экономической географии с докладом «Условия и направление развития хозяйства Республики Мали» выступил Ю. Н. Новиков.

3 ноября состоялось обсуждение докладов Г. А. Лашовой «Современные экономико-географические сдвиги в Тунисе» и В. И. Плоткина «Торговые пути в Восточной Африке в XVIII—XIX вв.».

1972

26 апреля заслушаны доклады Ю. Д. Дмитревского «К вопросу о взаимодействии этно-экономического и политико-географического процессов в Африке» и Е. П. Кальщикова «Община у волофов Сенегала».

26 апреля с докладом о новых открытиях в области археологии и истории Африки выступил Д. А. Ольдерогге.

1973

27 марта состоялся доклад Д. А. Ольдерогге «Загадка страны Пунт».

19 апреля на совместном заседании Восточной комиссии, Отделения мате-

матической географии им. Ю. М. Шокальского и Комиссии географии населения и городов был заслушан доклад Л. К. Кильдюшевской и Ю. Д. Дмитриевского «Применение картографического метода в изучении экономико-географических типов сельскохозяйственного производства Африки».

1975

26 марта М. Б. Горнунг выступил с докладом «Африка в русских учебниках географии» и И. Н. Олейников — с докладом «Сахельская засуха и мировые экологические проблемы». На этом заседании М. Б. Горнунгу, И. Н. Олейникову и Ю. Г. Липецу были вручены почетные дипломы Географического общества за книгу «История открытия и исследования Африки» [2].

9 апреля состоялся доклад В. С. Ягьи «Современная Эфиопия».

21 мая заслушаны доклады А. Б. Давидсона «Замысел плавания русских кораблей в Южном полушарии во времена Петра I» и В. П. Грицкевича «Путешественник Г. Швейнфурт (новые данные)».

1976

25 февраля с докладом «О путешествиях Игнатия Жагеля к истокам Нила в 1863 г. (к истории одной фальсификации)» выступил В. П. Грицкевич.

14 апреля состоялся доклад Д. А. Ольдерогге «Новая этническая классификация народов Южной Африки».

3 ноября были заслушаны доклады Б. А. Вальской «Путешествия В. А. Догеля и И. И. Соколова в Кению и Уганду в 1914 г.» и Ю. Д. Дмитриевского «Исследователь Северо-Восточной Африки И. И. Пузанов».

15 декабря заседание Восточной комиссии было посвящено географу и путешественнику Льву Африканскому (к 450-летию труда «Описание Африки»). С докладом выступил В. В. Матвеев.

1977

9 февраля состоялся доклад В. А. Попова «К характеристике социального института нторо у ашанти».

26 февраля на заседании Восточной комиссии выступили К. С. Кремень с докладом «Поездка по Заиру» и К. П. Калиновская с сообщением «Изменения в социальном строе кикую в период колониального режима».

18 апреля был заслушан доклад А. Б. Давидсона «Русские в Южной Африке на рубеже XIX—XX вв.».

18 мая состоялся доклад И. С. Кацнельсона «Путешествия Л. К. Артамонова в Эфиопию в конце XIX в.».

1978

11 января на заседании Восточной комиссии были прочитаны доклады Л. Д. Яблочкова «Проблема деколонизации африканского общества» и Ю. М. Ильина «Советско-африканское научное и научно-техническое сотрудничество».

15 марта состоялся доклад Г. И. Горбовой «Текстильная промышленность стран Африки».

19 апреля с сообщением о «Происхождении названий некоторых стран Африки» выступил И. Г. Ильин.

16 декабря выступил В. А. Петрицкий с докладом «Культурология Альберта Швейцера и Африка».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальская Б. А. Изучение Африки в Восточной комиссии Географического общества СССР (Хроника работы за 1956—1967 гг.).— Страны и народы Востока. Вып. IX. М., 1969, с. 314—317.
2. Горнунг М. Б., Липец Ю. Г., Олейников И. Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973.
3. Дмитриевский Ю. Д. Внутренние воды Африки и их использование. Л., 1967.
4. Проблемы Африки. Научные сообщения Института Африки Академии наук СССР. Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке. Ч. I—II. М., 1969.
5. Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л., 1973.
6. Страны и народы Востока. Вып. VII. М., 1969.
7. Страны и народы Востока. Вып. IX. М., 1969.
8. Страны и народы Востока. Вып. XV. М., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. М. Голубчик.</i> Антропогенное воздействие на лесное хозяйство Тропической Африки	5
<i>Т. А. Грачева.</i> Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства в странах Восточной Африки	17
<i>И. А. Заир-Бек.</i> Некоторые аспекты влияния водохранилищ на экологию, экономику и население районов затопления (на примере строительства крупнейших африканских водохранилищ)	32
<i>Н. С. Ковальчук.</i> Некоторые социально-экономические аспекты продовольственной проблемы в развивающихся странах Африки	39
<i>Ю. Д. Дмитриевский.</i> Изменения географии населения Судана в годы независимости	52
<i>Г. А. Лашова.</i> Типология форм расселения в современном Тунисе	58
<i>К. А. Шахнович.</i> Роль этнического фактора в хозяйственном использовании природных ресурсов в Восточной Африке	67
<i>А. Г. Поздоровкин.</i> Основные этапы развития географии городов Египта	73
<i>К. П. Калиновская.</i> Изменения в социальной структуре кикую в период колониального режима	93
<i>В. А. Попов.</i> К характеристике ашантийского социального института второго	99
<i>В. С. Ягья.</i> Лидж Иясу — преемник Менелика II на эфиопском троне (1913—1916)	108
<i>С. Б. Чернецов.</i> Средневековая Эфиопия и древний Египет (к истории взаимосвязи двух родственных нильских культур)	128
<i>Б. А. Вальская.</i> Путешествие В. А. Догеля и И. И. Соколова в Кению и Уганду в 1914 г.	148
<i>С. Л. Миляевская.</i> Африка в первых русских энциклопедиях	187
<i>Б. А. Вальская.</i> Изучение Африки в Восточной комиссии Географического общества СССР (1968—1978)	203

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА.
ВЫП. XXI.

Африка. География, этнография, история

*Утверждено к печати
Восточной комиссией Географического
общества СССР Академии наук СССР*

Редактор *Н. П. Губина*
Младший редактор *Н. А. Кочнева*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 13698

Сдано в набор 30.11.79. Подписано к печати 30.05.80.
А-01823. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать высо-
кая. Усл. п. л. 13. Уч.-изд. л. 14,72. Тираж 1550 экз.
Изд. № 4361. Зак. № 836. Цена 2 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

